ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1936

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

ЗМЕЯ РАЗДАВЛЕНА

Не было в нашей стране человека, который в августовские дни не следил бы по газетам за судом над троцкистско-зиновьевской шайкой убийц, не было среди нашего трудового народа человека, который не кипел бы гневом и презрением против этих изменников и предателей. Когда вы вырастете и ваши дети спросят у вас, неужели на самом деле существовали такие изверги и как смели они называться людьми, вы ответите: да, были такие, но их никто не называл людьми, их называли бешеными собаками и уничтожили как бешеных собак.

Когда люди захотят заклеймить кого-нибудь самым позорным именем, они скажут: это Троцкий, это Зиновьев, это Каменев. Эти три имени будут означать убийц, предателей и изменников.

Как давно знаем мы эти имена? Троцкий! Сколько лет боролся он против партии большевиков! У Ленина было для него два прозвища: Иудушка и Балалайкин.

Иудушка — то есть предатель, изменник. Балалайкин — пустозвон, фразер: Троцкий очень любил щеголять звонкими и как будто революционными фразами.

До Октябрьской революции было много людей, называвших себя «революционерами», которые на самом деле были против революции. Троцкий был тоже из таких. Кроме того он был честолюбец, любил власть, почести и ради них был готов на все мерзости.

До революции Троцкий был в партии меньшевиков. Но он не пошел против большевиков открыто, как это сделали другие меньшевики. Он спрятал на время свои взгляды, пришел к большевикам и сказал, что готов идти с ними против всех врагов рабочего класса и даже против своих вчерашних друзей — меньшевиков.

Но как быстро он показал свое настоящее лицо! Когда вы будете изучать историю партии, вы увидите, как много вреда он принес нам в тяжелые годы гражданской войны, как он переиначивал указания Ленина, пытался своевольничать, не слушать приказов ЦК, как он по любому поводу старался затеять спор против Ленина и вовлечь в него всю партию. Это тогда, когда в партии нужна была самая строгая дисциплина, чтобы разбить белых до конца.

И чем дальше, тем наглее и наглее становился Троцкий. Когда Ленин умер, партия передала ленинское знамя Сталину, самому твердому большевику, лучшему ученику Ленина. И Сталин повел партию дальше на стройку социализма в нашей стране.

После смерти Ленина Троцкий не прекратил борьбы против партии. Он стал кричать, что Сталин и Центральный комитет идут по неверному пути. Троцкий извел немало ядовитых чернил, нападая на партию, немало принес ей вреда.

Никогда Троцкий не верил в силу рабочего класса. Этот честолюбец, враг рабочего класса, не верил, что рабочие поведут за собою крестьян

и построят социализм в нашей стране, и он всю свою жизнь всеми средствами боролся против строительства социализма в нашей стране.

Он пытался навязать нашей партии свои контрреволюционные взгляды.

Но большевики ленинской выучки знали, что путь, по которому ведет партию Сталин, — единственно правильный путь. Построить социализм — нелегкая задача, когда кругом как хищные звери стоят буржуазные государства. Но где и когда большевики боялись трудностей! Большевики стали стеной вокруг Сталина. Партия осудила Троцкого и сказала, что тот изменник рабочему классу, кто пойдет за ним.

Тогда Троцкий применил новое оружие: он стал собирать подпольные собрания, печатать листовки против партии, устраивать демонстрации. И он нашел себе союзников. Но кто же все-таки пошел за ним? Кто, как не те, которые и прежде изменяли партии и позорили звание большевиков, — честолюбцы, которым не давала спать жажда власти?

Зиновьев. Еще в 1917 году, в октябрьские дни, он вместе с Каменевым приобрел себе позорную славу труса и изменника. Они оба струсили перед самым решительным боем, мало того, они выдали буржуазным газетам план Октябрьского восстания. Ленин тогда уже настаивал на том, чтобы их выбросили из партии. Он писал про них: «В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников».

Каменев, достойный друг Зиновьева, еще в февральские дни 1917 года, считаясь большевиком, послал приветственную телеграмму брату царя — Михаилу Романову.

Вот каких союзников подобрал себе Троцкий в мусорной яме истории! Он подобрал их как раз тогда, когда они снова показали себя предателями, изменниками.

Только вчера еще Зиновьев и Каменев делали вид, будто они враги Троцкого и троцкистов, сегодня, разбитые партией, они бросаются к Троцкому и уже открыто, сообща, организуют вражеские силы против страны социализма.

Но партия и на этот раз их разгромила. Троцкого выслали заграницу, и он там на буржуазные деньги стал поносить Советскую страну. А Зиновьев и Каменев сделали вид, что признали свои ошибки. Партия несколько раз, пока не истощилось ее терпение, давала им возможность доказать на деле, что они действительно искренно раскаялись.

Шли годы. Наша страна становилась все сильнее и сильнее, разбивала своих врагов и строила социализм на своей огромной земле, от Балтийского моря до Тихого океана. Получалось это хорошо, и даже буржуазия должна была признать, что партия под руководством Сталина ведет армию социализма к победе.

И чем ясней были успехи, тем сильней ненавидели Сталина и его соратников разбитые враги. Они были побеждены и не могли с этим примириться. Что им успехи Советской страны, когда сами они разбиты и опозорены? Все их программы провалились, все их предсказания лопнули. Им нечего сказать, они как будто притихли, но внутри у них кипела ненависть. Они ненавидели всех, кто, вопреки им, привел страну к победе. Но больше всех ненавидели они Сталина. Это Сталин разгромил их как трусов и изменников. Это Сталин шел впереди партии и нес ее победное знамя. Сталин был самым дорогим человеком для всей страны и самым ненавистным для ее врагов.

«Убить Сталина», — сказал Троцкий заграницей.

«Убить Сталина, — повторили за ним Зиновьев и Каменев, — убить Кирова, и Орджоникидзе, и Ворошилова, и Кагановича, и Микояна, и Постышева, и всех, кто руководит партией, кто ведет страну к победам».

Изменники хотели стать у власти любой ценой, они решили организовать поражение Советского союза в будущей войне, восстановить капитализм, отдать Дальний Восток Японии. Этого они добивались, и для этого они решили прежде всего убить Сталина. Но ведь они знали, что весь советский народ любит Сталина как отца. Они знали, что народ никогда не простит убийцам. Это были хитрые негодяи. Значит, надо так убить, решили они, чтобы никто не знал, кто настоящие убийцы.

«Надо на брюхе вползти в партию», — сказал Зиновьев, и тут он и Каменев, а за ними другие негодяи и подлецы снова, уже в который раз, покаялись в своих преступлениях против партии. Они на коленях стояли перед партией и, опустив голову, признавались: «Да, мы боролись против партии, но теперь мы поняли, что ошибались; мы ошибались, что шли вместе с Троцким, — это контрреволюционер». Они клялись, что будут теперь бороться только за партию.

Так не уставали они повторять на всех собраниях свои лживые клятвы, во всех статьях они клеймили себя за свои ошибки и клялись именами Ленина и Сталина.

А в это время Троцкий из-за границы через своих шпионов, набранных в фашистской полиции, торопил их:

«Скорее, скорее!»

«Скорее, скорее! — торопили своих помощников Зиновьев и Каменев,— скорее, скорее...»

И вот в Смольном раздался выстрел, упал сраженный пулей Сергей Миронович Киров.

Не успела еще кровь Кирова засохнуть в коридоре Смольного, как Зиновьев принес в редакцию «Правды» статью. Она называлась «Человек—маяк». Это была статья в память убитого. Ее написал убийца.

Человечество не видело примеров такой подлости. Запомните это, ребята. Запомните, чтобы навсегда возненавидеть низость, предательство, измену, трусость и подлость. Запомните, чтобы уметь ненавидеть врагов партии и Советской страны.

Смелые чекисты и советский суд размотали этот отвратительный клубок. Весь мир увидел эту страшную нить предательства, которая шла от Троцкого через германскую фашистскую охранку к Зиновьеву, к Каменеву, от них — ко всем этим Николаевым, Ольбергам, Берман-Юриным, снова к Троцкому, опять к фашистам. Казалось, конца не будет перечислению всех мерзостей, раскрытых на суде!

Они сознались в том, что убили Кирова, что готовились убить Сталина, но всячески пытались скрыть настоящую цель своей злодейской работы, именно они пытались скрыть, что готовили поражение Советского союза в будущей войне и возвращение капитализма. Но пролетарский суд разоблачил предателей и доказал, что они боролись за восстановление капитализма в СССР. Они признали себя самыми последними негодяями в мире, они признали даже, что заслужили смерть, и все же после приговора просили помилования, чтобы сохранить свои подлые жизни.

Но страна сказала: «Довольно. Они должны быть уничтожены», — и приговор был приведен в исполнение.

Ребята, и вы вместе со всей страной выступали свидетелями на этом суде. Мы свидетельствовали перед всем миром, что наша страна — самая свободная, самая счастливая в мире, что нашу страну ведет самая смелая и сильная партия — партия большевиков, что нашу партию ведет самый умный, самый смелый, самый лучший человек во всем мире — Сталин.

Так будем же бдительны и зорки, будем честными и смелыми, будем ненавидеть предательство и подлость!

Живой стеной станем вокруг нашего учителя и вождя товарища Сталина — и никакому врагу не пробиться сквозь нее!

НА ГНЕЗДЕ

Рассказ А. Новикова-Прибоя *Рис. В. Цельмера*

Художник Басыгин ловил на озере рыбу.

Только что прошел мелкий дождь. Остатки жидких облаков разбрелись по небу, не заслоняя собой вечернего солнца. Зелень трав, ивняковых кустарников и редких ольховых деревьев посвежела и разноцветно заискрилась каплями росы. Широко расстилались поймистые луга. Пахло особенным запахом болотных растений, бывалый человек может определить его с завязанными глазами. Майский воздух был чист и прозрачен, и все в природе как будто обновилось.

Вдоль берега у художника были расставлены жерлицы с насаженными на них живцами. Каждое удилище с прикрепленным к нему маленьким колокольчиком было основательно воткнуто в землю. Примостившись на пеньке, Басыгин курил папиросу и ждал приятно волнующего звонка. Справа, оставляя темнозеленые следы на матовой от росы траве, одиноко паслась гнедая лошадь. Она четко выделялась на фоне голубого неба. Из широкого кармана парусиновой блузы художник по привычке достал блокнот с карандашом и начал ее рисовать.

«Пригодится для будущих работ», — подумал Басыгин.

Раздавшийся звонок прервал мысль художника. Он бросился к тому удилищу, какое сильно качалось. Попалась небольшая щука. Выхваченная на берег, она буйно за-

колотилась, раскрыв хищный, с острыми зубами рот. Через минуту она уже плескалась в воде на проволоке, продетой через жабры и рот.

Художник уселся на прежнее место и опять занялся своей работой. Лошадь спокойно кормилась. На возвышении, ощипывая траву около небольших кустиков, она вдруг так порывисто и высоко вздыбилась, что потеряла равновесие и опрокинулась на спину. В следующий момент она вскочила и галопом понеслась по лугам, насколько хватило сил. Художник следил за ней, пока она не скрылась за кустами. Что-то непонятное произошло с ней. Выходило, будто лошадь сразу уяснила весь ужас того, что ее рисуют, и была охвачена страшной паникой. Словом, модель исчезла. Художник посмотрел на свой незаконченный рисунок, засунул блокнот в карман и задумался. Что же, однако, случилось? Может быть, пчела или оса ужалила лошадь?

Он встал и направился к тем кустам, от которых она с такой прытью шарахнулась прочь. Кустики, молодые побеги ольхи, мешаясь с травой, лишь на четверть метра возвышались над нею. Он долго всматривался в них и ничего особенного не увидел. Но ему хотелось разгадать тайну. Он нагнулся, чтобы осторожно раздвинуть ветки руками, и в ужасе отпрянул назад: из кустиков, шипя, выбросилась к нему змеиная голова. Это было так неожиданно, что он едва удержался на ногах и так же, как и лошадь, понесся по лугам. Ему казалось, что змея гонится за ним по пятам. Он потерял обе сандалии. Только через минуту он сообразил, что бежит напрасно, и остановился. Ему было стыдно перед самим собой.

— Убью эту проклятую змею! — охваченный гневом, произнес вслух Басыгин.

Вооружившись крепкой палкой, он пошел обратно по своим следам. На пути он поднял сандалии и надел их на босые ноги. От волнения ощущалась сухость во рту, дрожали руки. Приблизившись к кустикам, он осторожно разглядывал то место, где, по его предположению, скрывалась змея. Весь корпус его изогнулся, подался вперед: пусть только хоть чуть шевельнется она, и вскинутая палка обрушится на нее. Прошли секунды, и перед глазами внезапно открылось то, что повергло его в крайнее удивление: на земле обозначилась затаившаяся голова птицы с длинным широким носом, а потом обрисовалась и вся она в сером оперении. Это сидела в гнезде на яйцах дикая утка. Черный ее глаз, косясь, следил за движением человека, как будто она снова хотела стремительно выбросить свою длинную шею, принятую им за змею.

Художник умиленно улыбнулся, медленно опустил палку и осторожно отошел от гнезда.

При закате подул ветер, зарябил поверхность озера. Рыба на удочку шла плохо. К пойманной щуке прибавилось лишь несколько штук красноперок и плотвы.

На следующий день, утром, Басыгин опять пришел на это же озеро. По привычке охотника он из-за кустов осторожно оглядел блестевшую на солнце гладь воды. На противоположной стороне, рядом с камышевыми зарослями, плавала утка-кряква. Вокруг нее быстро, как мыши, шныряли в разные стороны утята, похожие на грязнокоричневые пушистые шарики. Счастливая мать семейства зорко посматривала по сторонам. Заметив, наконец, человека, она издала едва слышный гнусавый звук и сразу исчезла с выводком в камышах.

Первым делом Басыгин пошел проверить знакомые кустики. Но утки там уже не было. Вместо нее осталась в гнезде лишь зеленоватая скорлупа от яиц. Стало понятно, почему птица не улетела ни от лошади, ни от человека: яйца уже наклевывались, и мать, заботясь о своих будущих птенцах, с такой храбростью, рискуя своей жизнью, защищала гнездо.

Корова в тумане

Стихи Л. Квитко
Перевод с еврейского Т. Спендиаровой

Рис. В. Цельмера

Ой, куда пропала снова
Наша рыжая корова?
Опускается туман
На дороги, на дома.

Скрылась речка, скрылся луг,
И пруда не стало вдруг.
Мгла надвинулась густая,
Вот и я во мгле растаю.

Но высокая скала
Жить без солнца не смогла.

Головой она тряхнула,
Тучу серую смахнула.

Все светлее, все алее,
Все румянее скала.
Вдруг из облачной долины
Наша Манька к ней всплыла.

Шаг за шагом склоны круче,
Лбом вершины достает,
Ей навстречу из-за тучи
Солнце круглое встает.

Голубой берег

Повесть Ю. Тушкана и М. Лоскутова. *Рис. Б. Винокурова*

Часть третья

(Окончание)

ОВРИНГИ

Мы в'ехали в страну Каратегин. Алайская долина осталась за перевалом.

Как будто в совсем другой мир попали мы. Кругом зеленела трава, стада тучных коров паслись на лужайках. По склонам ходили отары овец.

Правда, горная тропинка была еще в снегу. И в вышине сверкали ледники. Но солнце сильно пригревало землю, и снег быстро испарялся.

Сурки сюрчали, внимательно разглядывая нас.

Китайские музыкальные галки—разновидность альпийских галок—стаями летали над нами с громким пением. Ехать здесь было после перевала отдыхом, хотя путь был очень далек от совершенства; под нами двигались оползни, кое-где вообще отсутствовали признаки дороги.

Через несколько дней пути мы проехали кишлак Малую Дувану. Кишлак этот живописно расположен в долине у подножья синих гор.

Речка Кок-су, стекавшая с гор, была голубого цвета благодаря большой примеси синей глины.

За кишлаком Малая Дувана расположен кишлак Большая Дувана, а между ними находится знаменитый Голубой берег. Был он знаменит своими беспрестанными каменными обвалами и осыпями.

Дервиши в обоих кишлаках на двух концах Голубого берега собирали с проезжающих подаяния на могилу святого. За это они молились богу, чтобы камни, летевшие с гор, не убили путников на Голубом берегу.

Потеря животных при переездах обычно составляла до тридцати процентов, потеря людей — до десяти процентов. Но ранней весной этот процент бывал и гораздо выше.

Сейчас же еще не оттаяли как следует склоны и на вершинах синих гор лежал крепкий снег, поэтому камни здесь еще не сыпались.

При выезде из кишлака Малая Дувана каждый из караванщиков роздал мелочь нищим-дервишам.

— Даст бог хорошего пути! Даст бог! Даст! Нам — мелочь, вам — дорогу, агроному — хорошую пшеницу в Гарме! — кричали дервиши, подмигивая и кривляясь.

— Откуда они узнали о цели нашего путешествия? — удивился я. Поистине молва летела впереди нас по воздуху. Угнаться за нею было невозможно. Да и не хотелось над этим задумываться: путь был спокоен и удивительно красив.

Сабира сдержала обещание: она беспрестанно пела, и ее звонкий голос отдавался в вершинах скал и эхом повторялся где-то вдали. Она прислушивалась к этим голосам и хохотала. Тогда там тоже хохотали разные голоса. Это забавляло Сабиру.

— Сабира, слышишь, еще кто-то поет?— кричал я.

«...Слышишь...—повторяли голоса.—Слышишь?.. Слышишь?!!

— Слышу-у! Слышу! — кричала Сабира и принималась петь, о чем думала:

— Чьи это голоса? Справа, слева и спереди; это все едут девушки Сабиры. Много девушек. Они все из Алайской долины. Все они едут в Гарм. Там они все поступят на рабфак. Обратно они все вернутся агрономами...

...Потом она перечисляла весь караван: за скалами едет, оказывается, много агрономов, много Шамши, много Саидов и много даже собак Азамов, — слышите, как они все лают?

— Только Джалиль Гош и Карабек один, один, — запела Сабира. — Потому что они молчат, как рыбы, у них нет голоса!

Этого Джалиль не выдержал. Он схватил ружье и остановил своего коня.

— Нет, не один! — закричал он. — Джа-

лиль — большой голос! Джалиль — охотник! Слышишь?

Он выстрелил, и мы все услышали голос Джалиля, прокатившийся по скалам.

Я оглянулся незаметно на Карабека, делая вид, что смотрю на скалы. Карабек попрежнему ехал сзади. Но по всему видно было, что ему давно уже не по себе; он вертелся, вылезал с конем в сторону и вообще всячески проявлял беспокойство. Наконец, он свернул коня в открывшуюся сбоку долинку, и вдруг оттуда раздался его выстрел.

Через некоторое время из-за поворота, догоняя нас, показался Карабек. Лицо его было в крови, он размахивал руками. Я испугался. Мы остановили лошадей.

— Что такое? — крикнул я и удивился, увидев сияющее лицо Карабека. Карабек вез убитого козленка. Не слезая с седла, он протянул его мне.

— Пей, начальник! Пей свежую кровь — голова не будет кружиться. Опасные места будешь крепко ехать...

Я вначале отказался от этого угощения, но потом попробовал, чтобы не обидеть Карабека. Кровь была противна на вкус. Все остальные караванщики остановили лошадей и принялись пить поочереди. Они прикладывались к козлу деловито и серьезно, как прикладываются в пути к общей фляге с водой. Они вытирали губы рукавами и передавали козла дальше. Последним попробовал Джалиль Гош и передал козла Карабеку.

После этого мы двинулись дальше, и Карабек поехал опять рядом со мной как ни в чем не бывало. Только пока он еще не пел громко, а что-то мычал себе под нос, без слов. Ему очень не нравилось, когда Джалиль показывал мне что-нибудь первым. В таких случаях он не противоречил, а только пожимал плечами и, сердито ворча, хмурился.

Дорожка круто вела вверх и поворачивала то влево, то вправо по направлению реки. Почти все дороги Памира, за очень редким исключением, идут по долинам рек. Уже после перевала мы все время ехали по тропинкам, расположенным на различной высоте над Сурх-Об.

Среди огромных валунов по осыпям пробирался наш караван вперед. Тропинка подымалась и опускалась, но в среднем держалась на высоте километра от реки.

Далеко внизу пенились и бились валы Сурх-Об, и только порывы ветра доносили снизу слабый шум реки.

Затем поехали по оврингам. На отвесной стороне скалы, обращенной к реке, сделаны дыры в ряд — одна за другой. В эти дыры вставлены метровые палки, на эти палки положены еще палки, хворост, и это все засыпано камешками. Вниз — километр, вверх — по отвесной стене тоже километр или два.

Под'езжая к повороту, заезжаешь за выступ и смотришь, нет ли встречного всадника; если он уже едет, то в'езжаешь в вырубленную в скале у поворота нишу и ждешь, пока проедет. Если сам выехал раньше, встречный ждет. Иначе не разминуться на узких тропинках.

Наш караван сильно растянулся и не мог бы поместиться в нише, сделанной для двух—трех всадников. Поэтому Джалиль Гош иногда уезжал далеко вперед и заставлял сворачивать в ниши встречных всадников, чтобы они пережидали, пока мы проедем. Но Карабек не упускал его из виду и тоже в таких случаях подгонял своего коня. «Смотри в четыре глаза», — говорил он мне.

Тозы в кишлаках встречали нас очень хорошо: давали сено по дешовой цене и предоставляли лучшие места в колхозных чайханах. На поворотах горных троп из ниш, прячущих путников, нас приветствовали по-киргизски и по-таджикски.

— Все хорошо! Все хорошо! — кричали горцы. — Камня еще нет!

— Камня еще нет! Холод его держит!— кричали встречные всадники.

...Слишком много мы наслышались об этом ужасном Голубом береге: бесконечное число жертв связано с его именем.

Старые верующие таджики имели, конечно, свой взгляд на это явление и рассказывали длинные предания. Но я считал, что камни летят, видимо, в результате быстрых процессов выветривания горных пород. Так или иначе, но камни падали.

Сколько чудес рассказывали: если, мол, кто подал святому, то его якобы камни не трогали. Но факт оставался фактом: люди и животные гибли. Дорожная партия должна будет проложить полутоннель, когда будет делать там дорогу.

Мой Алай как на зло шел не у скалы, а по самому краешку овринга, так что моя левая нога свисала над километровой бездной. Даже бедный Азам прижимался к скале, боязливо поглядывая на пропасть.

Я старался показывать твердость духа перед караванщиками и не подавать вида, что мне неприятно смотреть в бездну, куда срывались камешки из-под копыт Алая.

Тихонько я потянул его за повод вправо, но он злился, прижимая уши, отводил голо-

Мой Алай как на зло шел по самому краешку овринга.

ву и шею вправо, но туловище ближе к скале не подвигал.

— Начальник, — сказал Карабек, ехавший за мной. — Не надо так делать. Лошадь знает дорогу. Если близко будет идти к скале, толкнется курджум [1] о скалу — и ты с Алаем сразу упадешь вниз.

Сворачивать Алая вправо я перестал, но невольно все мое туловище клонилось к скале.

— Прямо сиди, — тихо сказал Карабек.— Алаю трудно идти.

Я старался выпрямиться, но что-то неодолимо тянуло вправо.

«Инстинкт самосохранения или отсутствие привычки?»—подумал я. Но, взглянув на караванщиков, чуть не рассмеялся: все они клонились к скале, хоть и не первый раз ехали по таким дорогам.

[1] Курджум — переметная сума.

Скалы все больше склонялись к реке, мы все больше поднимались кверху. Скалы своим наклоном почти закрыли реку, и мы ехали по складке у бездны. Наконец, повернули за угол, и, пораженный, я остановил Алая.

— Голубой берег... — сказал Карабек.

В этом месте гора откидывалась вправо под углом в шестьдесят градусов и на два километра вверх тянулся совершенно ровный, как ледяная горка на катке, склон. Берег этот не напрасно получил свое прозвище: состоял он из осыпи синих глин и синих камней. Все это, сливаясь с белыми камнями и землей, создавало общий голубой тон. Справа, очень высоко, виднелись сотни вздымающихся пиков.

У подножья этой полуопрокинутой стены тянулась едва видная тропка, сантиметров тридцать шириной. Слева, метрах в двадцати

ниже тропинки, синела бездна. На самом краю горы у бездны громоздилось несколько камней, а за ними был обрыв километра в полтора. Реки за нижним краем видно не было. Я ударил коня.

— Тихо, тихо! — закричал Джалиль. — Слезай, пешком надо.

Мы спешились.

— Теперь скоро! — сказал Карабек, и я быстро пошел вперед.

Голубой берег тянулся около двух километров. Затем мы шли под размытыми крытыми стенами из синей глины. Еще дальше дорожка расширялась так, что на ней могли разминуться два всадника, и, наконец, перешла в небольшую долину. Кусты шиповника росли между зарослями диких яблонь, на которых уже набухли почки. Зеленела трава. Пахло прелыми листьями. Путь был спокоен. Но все мы еще шли молча, забыв сесть на коней и оглядываясь на Голубой берег. Джалиль же вдруг исчез... Мы вскочили на коней и помчались вперед...

Вскоре мы увидели Джалиля; он сидел на траве и спокойно обдирал шкурки с убитых сурков.

— Я уже пять штук убил, — сказал он.

— А почему мясо бросаешь?—удивился я.

Все засмеялись. Джалиль презрительно пожал плечами.

— Мясо нельзя есть, начальник, — об'яснила мне Сабира. — Сугур (так киргизы называют сурка) раньше ростовщиком был: бедным людям за большие проценты деньги в долг давал. Когда он умер, его душу аллах в сугура посадил.

— Барон тоже сугуром будет, — сказал Саид.

— Ерунда! Так глупый человек говорит!— рассердился Карабек. — Тебе нельзя еще на рабфаке учиться! Барона мы поймаем еще до того, как он успеет сугуром сделаться.

— А ты ел мясо сугура? Ты ведь консервы ел?—спросил вдруг его Джалиль Гош.

Карабек посмотрел на него, ничего не ответил и сплюнул.

— Ну, я довел караван, начальник, — сказал Джалиль Гош. — Скоро кишлак будет. Большая Дувана. Дальше сам дорогу найдешь. А мне шкуры снять надо.

— Почему же ты не можешь этого в кишлаке сделать?

Джалиль удивился.

— Что ты! Мясо сугура — проклятое мясо. Весь кишлак обидится. Меня бить будут.

Он продолжал сидеть, и спорить с ним было бесполезно. Очевидно, ему было удобнее, чтобы мы поехали дальше одни. Мы погнали коней и вскоре вошли в последнее ущелье.

Через полчаса перед нами засверкал выход в долину и мы увидели густые деревья кишлака. Послышались голоса. Мы подошли к Большой Дуване. Вдруг Карабек, ехавший спереди, сразу осадил коня. Конь его запрядал ушами и попятился назад.

Я под'ехал к нему и тоже остановился, пораженный диким зрелищем. Навстречу нам бежала толпа. Странные люди размахивали руками и палками. Все сразу закричали на разные голоса, продолжая подвигаться к нам. «Куда нас привел Джалиль Гош? Вместо мяса сугура он доставил сюда нас — неужели для избиения?»—мелькнуло у меня в голове. Приглядевшись к толпе, я увидел впереди знакомую фигуру старика в чулках, с прыгающим лицом, с палкой в руках. Палка Моисея! Откуда он тут, и почему он предводительствует этой странной оравой? Что они хотят сделать с нами?

БОЛЬШАЯ ДУВАНА

Толпа подошла вплотную к нашему каравану. Рослый старик схватил моего Алая под уздцы.

— Подай аллаху!—сказал он.

— Подай святому! — закричали и другие, протягивая руки.

— Подай, жить будешь, и камни тебя не убьют!

Тут я понял, что это были дервиши, бродячие полу-«святые» и полунищие.

Они загородили дорогу, оглашая воздух воплями. Все наши караванщики расстегивали свои курджумы и давали дервишам кто мелочь, кто цветистый шарф, кто кусок мяса как обычную и полагающуюся дань за проезд. Палка Моисея стоял в стороне.

— Дай пять рублей,—тихо сказал Карабек, не глядя на меня.

— Зачем?—изумился я.

— Дай мне, — тихо настаивал Карабек.— Ты не будешь давать.

— Ни за что! Они скажут: мы поверили в Голубой берег, в их святого!—крикнул я, ударил Алая нагайкой и прорвался сквозь толпу.

Дервиши следовали за нами.

— Он не дал святому! Это шайтан! Правоверные! — завопил тут вдруг наш знакомый, Палка Моисея. Словно нарочно ждал он этого момента. Теперь толпа заволновалась еще больше, подстрекаемая его воплями.

Рослый старик схватил моего Алая под уздцы.

Но тут, раздвигая толпу, вперед вышел низенький киргиз в пиджаке и кепке.

— Товарищ агроном Кара-Тукоу,—сказал он ломанно по-русски. — Я здесь председатель. Идем за мной.

Он повел наш караван в зеленую уличку, окруженную деревьями. Толпа катилась за нами.

— Не давайте ничего этим мошенникам, но будьте осторожны, — сказал мне тихо председатель.—Тут кругом у них свой человек. Дашь — лошадь целая. Нет — лошадь украдут, вещи, продукты. Не здесь — в другом кишлаке украдут... Или еще хуже, что...

— Как же они будут знать, что не дал?

— Узун-кулак — длинное ухо!—засмеялся председатель.—Впереди уже все кишлаки знают про вас. Вон сколько их собралось. Время такое. Осторожнее надо. Вот что...

Действительно, дервишей было много. Кроме тех, что встретили нас, юродивые сидели и перед чайханами, бродили по уличкам — оборванные, в причудливых шапках, обвешанные амулетами. Они присоединились к своим товарищам, и все это бесновалось, кричало и размахивало руками. В самом деле, кишлак вполне заслуживал свое название: Дувана—сумасшедший, бешеный. Словно отовсюду пришли сюда эти носители ордена Дувана, в кишлак своего имени, к празднику святого, который заведует падающими камнями. Точно шакалы, они сбежались со всей страны на запах ожидающегося пиршества...

Мы завели лошадей во двор каравансарая; караванщики принялись развьючивать, а мы с Карабеком отправились к председателю.

На улице нас еще поджидало несколько дервишей. При нашем появлении откуда-то прибежали еще другие, и все они снова потащились за нами, скуля и ругаясь, пока мы не вошли в дом председателя.

Посовещавшись, мы решили не оставаться в этом кишлаке на ночевку. Председатель об'яснил нам некоторые привычки Голубого берега: сперва начнут падать камни с небольшими промежутками, и тогда можно будет в эти промежутки проскочить.

— А вам еще нужно успеть до Гарма и обратно. Спешить нужно. Сейчас выезжай.

Вышли мы на кишлачную площадь, когда уже был закат. Длинные причудливые тени тополей ложились на площадь. Дым костров застилал глаза. Дервиши к нам больше не привязывались. Однако новое зрелище поразило нас: большая толпа киргизов собралась перед мечетью. Оказывается, сюда с'езжались не только нищие: скотоводы, земледельцы, пастухи прибывали из окрестных и даже далеких кишлаков. Между ними

шныряли дервиши — они были сейчас заняты. Наступил час намаза. Маленькая деревянная мечеть не могла вместить всех желающих, и толпа устраивалась на коленях прямо на земле. Из двери вышел седой толстый высокий старик и поднял руки.

— Домулла,—шепнул председатель.—Самый большой мулла. Заведующий святой пещерой.

— Велик аллах, велик Магомет, велик святой, велик домулла! — резко закричал кто-то в толпе. Все бросились на колени и принялись бормотать.

«Аллах... камни... Голубой берег...»—разбирал я отдельные слова несвязных молитв. Похоже было, будто толпа просила у домуллы или у бога о каком-то чуде.

У самого крыльца мечети, среди лиц, освещенных закатом, я увидал вдруг Джалиля Гоша. Он тоже стоял на коленях. Губы его шептали что-то. Одной рукой Джалиль Гош проводил по лицу, совершая молитвенное «омовение», а другой держал за повод свою лошадь. Лошадь щипала около него траву.

Вернувшись в караван-сарай, мы застали только Саида и Сабиру. Никого больше из караванщиков не было.

— Где Асан? Где остальные? Молятся?

— Они в чайхане. Приходил какой-то человек, говорил с Шамши. Говорил всем, пусть в чайхану идут,—сказала взволнованная Сабира.

Мы бросились в чайхану. Там лежал лишь один Шамши, обняв самовар и качаясь из стороны в сторону.

— Деревянное ухо! Давай, седлай! Где остальные?—закричал Карабек.

— Нет остальных. Будем играть в кости, — сказал Шамши и дико рассмеялся.

Он попытался встать и упал под лавку. Тут я увидел лежащими на полу еще двух караванщиков: они перепились или накурились опия.

— Чья это работа? Где остальные? — спросил я.

— Теперь остальные по кишлаку ходят. Они шайтана видят. Они никуда не поедут. Веселое дело! — махнул рукой Карабек.

— Давай, давай на самовар играть! Ха-ха!—полез к нам опять Шамши, безумно вращая невидящими глазами.

Карабек размахнулся и оттолкнул его, старик полетел на лавку, самовар его отскочил в сторону и с дребезжащим звуком покатился по полу. Старик тут же заснул.

ПРИМЕТЫ

Волей-неволей нам пришлось остаться на ночь в Большой Дуване. Всю ночь, до утра, мы с Карабеком, Саидом и Сабирой просидели во дворе караван-сарая, возле мешков и коней, оставленных караванщиками. Ночь была тревожная. За воротами на площади колебалось пламя костров. То и дело во двор забредали какие-то полупьяные и подозрительные фигуры.

— Спите,—уговаривал нас Саид с Сабирой, — спите. Мы не хотим спать все равно. Мы будем песни петь...

Однако песни у них не получались, и они с тревогой следили за стариком Шамши, шляющимся по двору. Нам с Карабеком тоже было не до сна.

Только один Шамши веселился от души. Он нес какую-то несуразицу, лез ко всем обниматься, ложился на мешки и опять вскакивал. Это было и смешно и досадно; с него нечего было спрашивать: он был невменяем. Карабек молча смотрел на его кривлянья, презрительно сплевывая.

Ясно, что кто-то умышленно угостил старика и других караванщиков. Все это достаточно подозрительно.

И вообще дурных знаков в тот день было хоть отбавляй: то Саид увидел черную кошку, то утром, уже перед отправлением в путь, Сабира вдруг показала на какую-то особенную птичку, севшую на спину лошади, что, по ее словам, означало дурное предзнаменование. Я рассердился:

— Как не стыдно! Мне не надо таких помощников. И вы хотите учиться на рабфаке!

Сабира покраснела и вдвоем с Саидом принялась с большим рвением вьючить лошадей. При виде их трогательной старательности я вспомнил, что они тоже много пережили и всю эту ночь не спали, мне стало жалко, что я сейчас сердился на них: не они отвечали за суеверия, в которых их воспитали.

Проснулись двое караванщиков, откуда-то притащились остальные. Увидев всех коней навьюченными, они смущенно начали суетиться возле готового к отходу каравана.

Яркое солнце вдруг ворвалось во двор, засверкали вершины гор, ожил кишлак, запели петухи, затрубили ослы, и ночные недоразумения улетели прочь. Мы еще раньше сговорились ничего не спрашивать у караванщиков и держаться спокойно: лошади накормлены, навьючены, даже самовар Шамши привязан к его полуслепой коняге, и мы только ждем, пока караванщики захотят

проснуться. Они должны были сами почувствовать свою вину.

Быстро все вскочили на коней. Шамши вертелся около меня и все открывал рот, чтобы сказать что-то.

— У тебя болит голова, Шамши, — оборвал я его. — Ты отдохни и подумай. Когда захочешь, расскажи, кто вас угощал и чего от вас хотели.

Я вскочил на коня, стегнул его, и караван наш двинулся по кишлаку, мимо густых дерев арчи и тополей, к горной тропе на Гарм...

Потом вдруг у выхода в долину нас догнал Джалиль Гош: очевидно, ему не хотелось с нами расставаться. Однако он не показывал и виду, что это так.

— Я вас провожу немного, — сказал он равнодушно, выезжая на своем коне вперед.—Может быть, вы не знаете короткой дороги.

— Знаем...—сказал было Карабек, но я прикрикнул на него. Однако Карабек продолжал ворчать всю дорогу.

— Он приносит нам несчастья, эта Молчаливая тень,—бормотал он как бы про себя, но с таким расчетом, чтобы я услышал.

— Что ты говоришь?—спросил я, оборачиваясь с седла к Карабеку.

— Ничего я не говорю,—отвечал он, рассматривая деревья по сторонам. — Карабек молчит, Карабек—дурак. Он не едет учиться на рабфак, но Карабек всегда оказывается прав...

Достаточно сказать, что Джалиль Гош провожал нас целых два дня и довел почти до самого Гарма. Этот путь мы проделали без особых происшествий. На последней стоянке, в кишлаке Джиргиталь, днем мы покормили коней перед последним переходом. Мы были все довольны, что под'езжаем к Гарму: мы поскорее захватим семена и отправимся обратно. Лишь бы проскочить Голубой берег, а там — прекрасная дорога. Снег скоро весь сойдет, наступала уже полная весна...

Карабек опять начал петь. Сабира и Саид смеялись над Шамши. Тот стал вдруг важный, словно раздулся от каких-то своих потаенных мыслей. Наконец, его прорвало.

— Начальник, Гарм уже виден за кишлаком. Это город гор. Да. Я починю там самовар,—сказал он, и эти мысли его окончательно растрогали; волнуясь, он продолжал:—Вот я думал все время, как ты мне сказал, и теперь слушай. Меня угощал в Дуване один старый дервиш... Он был дурак. Он угощал меня и просил остаться и еще что-то такое просил. Но я очень, очень хитрый человек: смотри, я принял угощенье, лег спать, а остальное все взял и забыл. Вот я какой... А!

Все рассмеялись, даже Джалиль Гош. Джалиль присел вместе со всеми в кружок, с'ел немного вареного мяса, потом встал и протянул мне руку:

— Теперь прощай!—сказал он.—Скоро приедете в Гарм...

Сам он в'езжать в город категорически отказался. Потом он сказал, что будет охотиться в горах недалеко от Дувана и если на обратном пути потребуется его помощь, то его всегда легко можно будет разыскать. С этим он вскочил на своего коня и, не оглядываясь, помчался обратно. Долго я смотрел ему вслед. Может быть, я в последний раз видел этого удивительного человека. Черная его шапка, охотничье старинное ружье за спиной и низенькая киргизская лошадка еще раз мелькнули среди деревьев и исчезли.

Вскоре мы были в Гарме.

ГАРМ

Этот день, проведенный нами в Гарме, казался мне бешеной гонкой с нелепыми препятствиями. Тихий, крошечный горный городишко представился нам после проделанного пути слишком спокойным. Равнодушие к Голубому берегу и «каким-то падающим камням», учреждения, служба, заседания. День начался с неожиданности.

Прежде всего я получил по почте телеграмму:

«Считаю недопустимым вмешательство семейные дела киргиз частности Барона, Туюгуна, также пользование услугами подозрительной личности Джалиля Гоша тчк. Не реквизируйте лошадей это вызовет осложнения тчк Не затрагивайте религии тчк Ждите Гарме приезда уполномоченного расследования тчк

Учкурган Таримкулов»

Пораженный, я прочел телеграмму два раза про себя и затем перечитал громко Карабеку.

— Барона дело!—сказал уверенно Карабек.—Больше никто.

Я потребовал назад с почты ранее сданную телеграмму и переписал ее так:

«Фрунзе Обком.

Учкурган — Райкому.

Срочно обратитесь просьбой Гарму вы-

делить уполномоченного райисполкома с милиционерами Дораут—Курган тчк Мне срочно необходимо уезжать из Гарма тчк».

Сдав телеграмму, я зашел в местный райисполком и рассказал о делах в Кашка-су. Выслушав, мне сказали, что дадут знать кому следует и меры будут приняты. Председатель райисполкома предложил мне сделать доклад на тему «О задачах высокогорного земледелия и планах сельскохозяйственной научно-исследовательской работы в Каратегине».

Я зашел в контору Заготзерна оформить получение семян. Склад оказался на замке. Дом заведующего складом — также на замке.

— Ничего, заведующий складом будет завтра. Иди, отдыхай,—сказал лениво мне какой-то местный работник. — Обязательно отдыхать надо...

Карабек настаивал на получении зерна сегодня же, Саид его поддерживал. Они говорили, что надо завтра утром чуть свет выезжать. Надо спешить, пока на Голубом берегу камни не сыплются. Иначе плохо будет: часть лошадей и людей можем потерять.

Тогда я решил обойтись силами своей «бригады». Я послал Карабека, Саида и Сабиру и даже Шамши на розыски кладовщика, а сам ушел в райисполком делать доклад. Доклад и обсуждения затянулись до позднего вечера. После доклада долго еще шли разговоры с участниками совещания. Я услышал о памирской ржи с колосом длиной в 30 сантиметров, о новых семенах, о новых опытных полях на высоте в 2100 метров... В восемь часов я вышел на улицу...

Взошедшая луна зажгла искрами света ледники, и они сверкали радугой на верхушке гор. Как будто кто-то светящейся ватой окутал долины вокруг необыкновенного города.

Я полной грудью вдыхал густой весенний воздух.

— Начальник, — раздалось из тени деревьев,—кладовщика нет!

Это была Сабира. Потом пришли Карабек с Саидом:

— Кладовщика нет и дома.

— Ехать надо,—упрямо повторял Карабек.—Голубой берег проснется скоро.

— Ищите кладовщика, везде ищите, пошлите всех искать: караванщиков, Асана, Азима, Шамши.

— Шамши нет, Асана нет,—сказал Саид.—И еще трех караванщиков из Кашка-су нет..

Это была уже совсем какая-то путаница. Я сел на камень, чтобы собраться с мыслями.

Аромат цветов носился в воздухе. Была лунная ночь, чудесная каратегинская ночь, которая заставляет весело петь песни. Впрочем, что же я размечтался?

Саид и Сабира стоят под деревом возле дома, и луна наполняет глаза Сабиры лучезарным светом. Глядя на нее, Карабек сказал бы: «Две луны в глазах». И сам Карабек плавает, как в тумане... Да, они все смотрят на меня и ожидают моего решения. Семена, исчезнувший заведующий складом, Шамши, общая усталость—совершенно ясно, что утром с от'ездом ничего не выйдет.

— Идите отдыхать,—сказал я.—Все вы устали. Нам завтра опять предстоит дорога. А у меня еще дела в райкоме и в райисполкоме.

Мы подошли к маленькому глинобитному домику райисполкома, и тут нас ожидала новая неожиданность.

— Ваш заведующий складом найден,—сказали мне.—Мы его положили там, у склада. И поставили милиционера, чтобы никто его не унес.

— Положили? Это еще что такое?

Я переспросил, и равнодушный голос милиционера об'яснил мне, что действительно заведующий складом найден, но найден едва стоящим на ногах в каком-то темном кабаке на окраине, «из каковового он и взят».

— А спаивали-то его ваши же два караванщика,—заключил спокойно голос.

— Какие караванщики? Вы их не запомнили?

— Не знаю. Их мы отпустили. А заведующего складом доставили по назначению, как приказано...

Какой смысл был караванщикам поить заведующего складом? Ясно, что даром этого не делают.

— Приведите его в чувство,—сказал я Карабеку и Саиду.—Потом начните принимать семена. Только потребуйте обязательно протравленный посевной материал. У нас растения болеют головней. Возьмете непротравленный — не соберем урожай и все наше путешествие пропадет даром.

В райкоме я снова рассказал о таинственных происшествиях, сопутствовавших нашей экспедиции. Странное поведение Барона, случай с Джалилем Гошем, Сабирой, наконец, темное гнездо в Большой Дуване. Не из него ли протянулись нити к пьянчуге—заведующему складом?

— Все это подозрительно. Но ведь у вас нет определенных доказательств?

— Действительно, доказательств нет...

— Мы обязаны вас задержать до приезда уполномоченного. Так предлагают из Уч-кургана. А если обязательно хотите ехать, езжайте на свой риск.

Остаться? А Голубой берег, камни, посевной материал? Значит, напрасны все неимоверные трудности, лишения, мы сидим в этом городишке, в Алае посевная сорвана — при этой мысли у меня исчезла всякая усталость. Я побежал к нашему каравану.

Там, на дворе, уже была сложена часть мешков с зерном. Остальной посевной материал караванщики носили из склада во двор. Карабек предупредил всех, что зерно протравлено, что есть его нельзя и скоту давать нельзя. Зерно было разделено и сложено по бригадам, у мешков были поставлены сторожа из надежных караванщиков: Азим, Асан и Ахмед из Дараута.

Все было почти готово к от'езду. Я позвал Карабека, Саида и Сабиру. Они вышли на крылечко. Было уже два часа ночи. Деревья пустынной улицы свешивали над нами свои ветви. Из-за деревьев доносились звуки гитары, молодые голоса, смех. Это были студенты, приехавшие на практику по геологической разведке. Мы уселись на скамейку. Сабира угостила нас жареными семечками.

— Ну вот, можем прощаться, — сказал я.—Мы едем, Сабира с Саидом останутся учиться...

Коротко и откровенно я рассказал им все свои опасения. Я лично решил сделать все, чтобы семена доставить. Я умолк, невольно задумавшись, глядя на Сабиру с Саидом: кто знает, может быть, я не увижу больше эти смуглые открытые лица, к которым успел привыкнуть уже за время совместных наших испытаний. Вчера еще они были сами дикими детьми Алая и ничего не видели кроме тьмы Кашка-су; осенью, может быть, они приедут переделывать долину, как эти геологи-практиканты... Удивительная жизнь!

— Хоп, майли!—прервала вдруг мои размышления Сабира.—Пошли собираться! Пора!

— Куда собираться?

— Ехать,—сказал Саид. — Мы тоже поедем.

— Ничего подобного!—заспорил я.—Сабира во всяком случае не может ехать. Это опасно.

— Я езжу лучше тебя!—закричала Сабира.

Она вскочила, рассерженная. Мои слова ее обидели. «Настоящая девушка-джигит,—подумал я,—только подай ей коня».

Засмеявшись, я взял у нее еще горсть семечек и машинально стал их грызть. Это были местные семечки—слегка обжаренные семена какого-то колосового злака. Вдруг страшная мысль мелькнула в моем мозгу.

— Где ты взяла эти семечки, Сабира?—спросил я.

— Старик дал, Шамши,—ответила она, с недоумением глядя на мое изменившееся лицо.

— Где он взял?

— Не знаю.

— Это... это наши семена, протравленные ядом! Мы отравились!—закричал я.

Мы вскочили. Этого еще не доставало! Отравиться перед от'ездом. Какая досадная глупость! А может быть, тут не глупость, а чьи-нибудь длинные руки? В эту минуту каждому из нас подумалось, что Большая Дувана, «сумасшедший кишлак», решительно преследует нас везде...

— Вот, — сказал я с досадой. — Мало уметь ездить на коне: нужно уметь осторожно ходить по земле пешком...

Конечно, это нравоучение здесь никому не могло уже помочь. Находчивее оказался Карабек: он бросился рвать какую-то траву и предлагал ее есть как противоядие.

Я откусил пучок. Трава была кислая и вонючая.

«Действительно, смешная и досадная картина, — подумал я. — Вот мы, вместо того чтобы ехать, сидим и жуем глупую траву, как лошади. Скоро начнет действовать яд. А тогда нам вряд ли уже что-нибудь поможет; за полчаса мы его проглотили достаточно. В лучшем случае теперь рвота, болезнь, лечение...»

— Вот и поехали,—сказал я с досадой и тут же пожалел о своих словах, взглянув на Сабиру; в глазах у нее стояли слезы. Растерянно смотрела она на нас, чувствуя себя, очевидно, виновницей несчастья.

— Ничего, ничего,—сказал я растроганный, хлопая ее по плечу, стараясь быть как можно веселее.

— Я... я научусь ходить осторожно... пешком...—пролепетала она и заплакала.

ХИТРЫЙ ШАМШИ

Так в замешательстве прошло минут пять. «Что теперь?—раздумывал я,—ночью искать в этом городе аптеку бесполезно». Саида я отправил на склад, достать молока. Начинался рассвет. Город спал. Где-то в вы-

соком небе с тихим криком пролетали журавли. Чувство охотника заставило меня поднять голову.

— Один, два, три... восемь,—сказал Карабек, следя за птицами.

— Нет, десять!—начал было я спорить и остановился; вспомнив наше дурацкое положение, я почувствовал щемящую досаду; журавли летели по бледнорозовому небу, над спящим городом, над желтыми холмами, над развалинами гармской крепости, туда, к туману гор и к Голубому берегу, куда стремились и мы... Вся надежда была теперь только на силу наших организмов.

Но, странное дело, сколько времени прошло уже с тех пор, как мы начали есть семечки, а яд не давал себя знать.

— Один, два, три... восемь,—продолжал между тем бормотать Карабек, подняв голову и раскачиваясь. — Восемь, восемь... А! Знаю. Этот пьяный верблюд...—вдруг сказал он, вскочив на ноги, и засмеялся.

— Что с тобой, Карабек? Какой верблюд?

— Ничего. Согласен—я сам все сделаю? А? Согласен—все будет хорошо?

— Ну, ладно, согласен. Что такое?

В эту минуту Саид прибежал с кувшином молока.

— Принес? — засмеялся Карабек. — Ах, вот и хорошо. Голубые штаны. Пей на здоровье, тебе поправляться надо, ты женился.

Сам же он отстранил кувшин и зашагал к складу. Ничего еще не понимая, я пошел за ним.

— Длинный верблюд, зеленая ящерица,—ворчал Карабек по дороге.—Пойду спрошу, зачем такой плохой яд кладет. Безобразие: человека убить не может...

На складе все выяснилось: оказывается, никакого яда не было. Припертый к стене, заведующий складом клялся, что не помнит будто его просили дать протравленное зерно. Наоборот, приходили какие-то караванщики и от имени начальника велели дать все зерно без яда. Какие караванщики — не знает. Один молодой, а другой старый, с бородой.

Шамши? Неужели он предатель? Несомненно, его подкупили-таки в Большой Дуване. Кому-то нужно, чтобы мы везли непротравленное зерно.

— Он-таки вспомнил, о чем его просили дервиши. Пусть же теперь вспомнит, кто с ним заодно.

— Подожди!—остановил меня Карабек.—Ты сказал — согласен — я сделаю. Я хитрый. Ничего не говори. Так будет лучше. А второго караванщика я знаю—Джолдывай. Пусть везут без яда, раз так хочется. Так будет спокойнее. А?..

Наконец, я понял его план. Мы предложили заведующему складом выдать вторую половину зерна, протравленную. Потом разделили караван на две бригады. Я вызвал Шамши.

— Ты очень хорошо работал, Шамши,— сказал я. — И я очень доволен тобой...

— А что, правда ведь? А?..—старик забегал глазами, не зная, что будет дальше.

— И тебя назначаю начальником первого каравана. Езжайте. Ты ведь надежный человек, правда?

«Деревянное ухо» вдруг засиял и опять стал важным.

— Конечно. Я Шамши. А? Кто не знает Шамши? — старик завертелся и хвастливо стал смотреть на окружающих нас караванщиков.

В первый караван мы назначили Джолдывая и всех ненадежных погонщиков, выделив им протравленное зерно. Вскоре караван вышел со двора. Спереди восседал на своей кляче Шамши со своим самоваром. Он был горд.

«Старый болтун»,—подумал я.—Наверняка он сделал это по глупости. Сейчас он уверен, что он настоящий начальник и что он в самом деле везет непротравленное зерно. Он думает: «Как я хитер, просьбу дервишей исполнил, начальнику все равно, какое зерно, и всем хорошо...»

— Не вздумал бы он только грызть семечки из мешков...

— Нет,—сказал Карабек.—Я смотрел его самовар: полный зерна. Еще раньше натаскал, пусть грызет...

Остальное зерно, полученное раньше, мы отправили обратно на склад и заменили тоже протравленным.

К полдню выехал и наш караван.

Саид и Сабира все-таки решили ехать с нами, чтобы помочь пройти Голубой берег. Да я, собственно, был этим тоже доволен, так как надежные люди здесь были необходимы.

Через день мы были уже далеко от Гарма. Так как первый караван догнать нам не удалось, то я решил послать кого-нибудь остановить его.

— Я езжу быстрее всех,—сказала Сабира.

Сабира начала проявлять самостоятельность, которой никто не ожидал от нее. Несмотря на долгую дорогу она ни разу никому не пожаловалась. Сварив ужин вечером на привале, она развлекала караванщиков пе-

нием и игрой на дутаре. Тепло относились к ней караванщики как к младшему товарищу, поэтому я согласился послать ее вместе с Саидом, зная, что караванщики должны их послушать. Сабире я дал свое ружье, Саиду—казенную винтовку, и они поскакали вперед.

Еще через два дня мы ехали уже невдалеке от Большой Дуваны. Наступил вечер, один из тех чудеснейших весенних вечеров, которые бывают только на Памире: небо загорается багряным заревом, в ущельях гор дрожит розовый воздух, над изумрудными лужайками высятся темные суровые скалы, и дехкане с песнями идут с полей и с далеких гор, по крутизне спускаются точно игрушечные быки...

Старики охрипшими от буранов и ледниковой сырости голосами поют возвращающейся с работы молодежи старинные песни таджиков.

Все погрузилось в синеву, и только далекие ледники на вершинах высочайших гор еще светились солнечными бликами.

Поздно вечером мы под'ехали к чайхане маленького селенья, спешились и, покачиваясь на затекших ногах, отвели лошадей во двор, подвязав поводья покороче к столбам.

В чайхане весело трещал костер из арчи и чайник, подвязанный проволокой за ручку к потолку, фыркал и плевался паром и кипятком. Окружающие громко разговаривали, возбужденно жестикулируя.

Увидев нас, замолкли и дали нам место у огня. И снова склонились друг к другу.

— О чем они? — спросил я на ломаном киргизском языке Садыка, знавшего таджикский язык.

— Так,—ответил он,—о чуде рассказывают. Говорят, ждут в Большой Дуване чуда. Сам домулла обещал чудо. Все едут теперь туда. Святой Голубого берега...

Последние слова я уже не слушал. За спинами собравшихся происходила любопытная сцена. Один таджик кричал «Ну!», второй — «Да!», и били друг друга по рукам. Получалось «Ну-Да», «Ну-Да».

— Что они говорят?—спросил я.

— Торгуются,—отвечал Садык,—один говорит «Ну!» — это девять по-таджикски, другой говорит «Да!»—это десять.

Затем, прислушиваясь к спору, сказал:

— Один продает оружие за десять чereков зерна, а другой дает девять.

Я заинтересовался.

— Посмотри, Садык, какое ружье продают, может старинное какое-нибудь.

Садык позвал, таджики очень неохотно подошли. В руках одного из них было... мое собственное охотничье ружье десятого калибра Льежской мануфактуры. Ошибиться было невозможно. Это—ружье, единственное в своем роде, то самое, которое я дал Сабире перед ее от'ездом. Но как могло мое ружье от Сабиры попасть в руки незнакомому таджику?

— Где взял ружье?—спросил я продавца по-киргизски.

— Я не понимаю, не понимаю по-киргизски!—закричал он и хотел вырвать ружье. Я не дал.

— В кишлаке Большая Дувана купил!—закричал он.

— Карабек, выводи лошадей, а ты,—сказал я, обращаюсь к таджику,—поедешь с нами. Ружье краденое...

Карабек в одно мгновенье выскочил во двор и через две минуты закричал: «Лошади готовы!» Асану я поручил довести караван. Это был надежный человек, бывший партизан и член Дарауткурганского совета.

КАМНИ

Тем временем, без нас, в кишлаке Большая Дувана происходило следующее. Оборванные и грязные дервиши, которые официально выдавали себя за нищих, молились. Держась за уши, они кричали изо всех сил.

Сегодня много старых таджиков с'ехалось из окрестных кишлаков. Мулла по секрету обещал, что святой проявит волю Магомета и сделает чудо.

В чайханах варились в котлах быки и овцы. Вареное мясо, сваленное тут же, грудами в тазах, продавалось на вес, кусками.

Но громко о предстоящем никто не говорил. Все держалось в большом секрете, и простых дехкан, а тем более колхозников решено было позвать только перед свершением чуда.

Только доверенные люди и друзья домуллы были посвящены в приготовления.

С востока приехали и Барон с Туюгуном, потерявшим купленную жену. Они проехали по Голубому берегу тогда, когда все склоны оттаяли и камни уже начали лететь вниз, подымая облачка пыли. С запада в это время прибыл и наш первый караван с зерном.

— А!.. А!.. А!..— радостно кричали дервиши, завидя Шамши и Джолдывая во главе небольшого каравана.

Шамши слез и, хромая, заковылял в молельню. Джолдывай остался с караваном.

2*

В дальнейшем все произошло очень просто. Караван завели во двор и развьючили. Всех караванщиков позвали в дом на плов.

— Идите, идите, я посторожу,— сказал Джолдывай караванщикам, и те ушли, благословляя его доброту.

Как только они ушли, десятка три человек окружило мешки.

— Никакого обмана,—сказал домулла,— сами видите, караван только что пришел, зерно явно отравлено.

Джолдывай клятвенно подтвердил.

— Мы возьмем отсюда семь мешков и заменим их другими мешками.

— Правильно! — закричали дервиши и тотчас же обменяли мешки. Это произошло очень быстро и незаметно.

После плова и чая все караванщики собрались во двор. Мешки были на местах.

— Все равно лошадям придется погибнуть,— сказал домулла, поглаживая бороду,—мы так добры, что дадим ослов перевезти через Голубой берег зерно.

— Благословение аллаху! — закричали дервиши и сами начали навьючивать мешки, показывая тем самым свою доброту. Караванщиков не подпускали.

— Правоверные! — закричал домулла. — Милость аллаха на вас, да будет благословенно имя его. Камни уже сыплются, и я даю своих ишаков, я ценю ваш посевной груз, дехкане, я понимаю, что вам надо сеять, что вы хотите есть пшеничные лепешки и поджаренный ячмень.. — тут он повернул голову влево, не успев закончить фразы.

В это время во двор, через низкую заднюю стену дувала, на коне прискакала Сабира. Конь был весь в мыле. Толпа перед ней расступилась, и она в'ехала в круг.

— Джолдывай! — закричала она. — Надо ждать начальника! Развьючивай мешки!

— Нет, нет,— сказал Джолдывай,— уже камни сыплются. Каждый день все больше камней, а кроме того, кто скорей приедет в Дораут-Курган, премию получит. Я еду!

— Ты должен ждать! — закричала Сабира. Дервиши зашумели:

— Женщина, женщина спорит со старцем, женщина перебила речь домуллы, женщина, убежавшая от мужа, смерть женщине! — и они бросились к ней.

Сабира схватила со спины ружье, но десятки рук, вырвав ружье, стянули ее с лошади и бросили на землю.

Туюгун, стоявший в стороне, изумленный появлением Сабиры, пришел в себя и, как тигр, прыгнул вперед, расталкивая толпу.

— Пусти! — кричал он. — Это моя, она моя! — и из-под ног топтавших дервишей поднял Сабиру. Она уже была в обмороке.

Дервиши, как коршуны, бросились к Туюгуну. В это время к домулле подбежал Барон и что-то зашептал ему.

— Правоверные! — закричал домулла. — Оставьте его, с этой грязной женщиной он сам расправится.

Туюгуна отпустили. Пол-уха у него откусил какой-то правоверный. Шатаясь, он понес Сабиру к кибитке. Подбежали два дервиша, и один из них за помощь потребовал вторую серьгу из уха Сабиры. Первую он, «помогая» Туюгуну, оборвал в свалке. Туюгун потребовал первую.

— Может, ты и ружье хочешь? — сказал второй таджик.

— Отдай! — заорал Туюгун.

— Нет,— ответил дервиш,— ружье я возьму на память, не подходи! — закричал он, наводя ружье на приближающегося Туюгуна.—Застрелю!—Тот отступил, ругаясь.

Дервиш уже через полчаса продал ружье своему другу. У этого друга впоследствии мы и отобрали его.

Домулла продолжал об'яснять караванщикам, что он жалеет лошадей, потому погрузил зерно на своих ишаков.

— Если ишака собьет, то и лошадь собьет,— говорил он.— Если ишак пройдет, то и лошадь пройдет. Ваши лошади останутся пока здесь; если ишаки пройдут, я отдам вам лошадей, и вы их порожняком перегоните быстро. Риску меньше. Если какой-нибудь ишак погибнет, то взамен здесь остается одна из ваших лошадей. Два ишака погибнут,— две лошади.

— Велик аллах, велик Магомет, велик святой, велик домулла!—закричали Шамши и караванщики.

— Аллах хранит вас! — закричал домулла.— И я пошлю с караваном опытных людей, которые за вас готовы рискнуть жизнью. За это вы привезете на ваших лошадях дров с гор.

— Это хорошо,— обрадовался Шамши и другие,— лучше сто раз дрова привезти, чем идти раз по Голубому берегу.

* *
*

Караван давно уже выехал, когда Саид прискакал в кишлак Большая Дувана. Узнав, что Джолдывай выехал с караваном, поскакал за ним. Так скакал он до Голубого берега. Джолдывая он увидел на холме, у самого Голубого берега: он отчаянно что-то кричал.

Саид подскакал к нему.

— Где караван, где зерно?

В ответ Джолдывай протянул трясущуюся руку вперед. По огромному наклону горы взвивались облачка пыли: то летели камни. Можно было очень хорошо видеть, как прыгали камни по склону. Ударяясь с размаху о синюю глину и скалы, камень, как пружина, каждый раз подлетал вверх, чтобы еще сильней с размаху удариться и с еще большей силой взлететь кверху.

Мелкие камни, в три—пять килограммов, со свистом неслись вниз, делая менее крутые прыжки и, пролетев дорожку, исчезали в бездне.

Ишаки медленно шли по тропинке, шевеля длинными ушами. Прежде чем Саид догнал бы их, они должны были пройти Голубой берег.

— Хр, хр, хр,— погоняли их два незнакомых Саиду погонщика, бегая между ишаками и тыкая их в спины длинными палками с гвоздями на концах.

Погонщики-дервиши ловко лавировали между летающими камнями. Не то было с ишаками. Вот заднего ишака ударил камень, и ишак, взвившись в воздух, перевернулся вверх ногами, пролетел двадцать метров и исчез в бездне.

Очень скоро ишаки достигли ложбины, и, как будто по команде, один за другим далеко сверху полетели огромные камни по ложбине вниз.

Ишаки, шатаясь под большим грузом, подходили к ложбине и входили в нее как в конвейер смерти: камни поочереди сбивали их с дороги, и ослы, взвиваясь, исчезали в пропасти.

Оба дервиша остановились, не доходя до лавины камней, но продолжали тыкать ишаков гвоздями, подгоняя их вперед.

Маленький ишачок свернул к ложбине и задвигал ушами, остановился и закричал, как бы понимая опасность. Но дервиши, подскочив, укололи его гвоздями и сами отскочили в более безопасное место.

Ишачок засеменил ножками. Над ним свистели камни, но он бесстрашно шел вперед. Казалось, камни жалели его. Но уже у самого выхода из ложбины он остановился с'есть одуванчик. В это время небольшой острый камень ударил его в живот, второй большой камень увлек его с собой. Часть ячменя просыпалась, и мешок упал на самом краю откоса. Дальше была бездна.

Джолдывай тихонько пригнулся, как-то снизу виновато взглянул на Саида и испуганно отклонился назад. У Саида глаза перекосились.

— Мерзавец! Отдал зерно дервишам!— закричал Саид и начал хлестать Джолдывая по голове камчой. Тот, даже не закричав, погнал коня в кишлак. За ним скакал Саид, и, наконец, сзади всех бежали погонщики ослов с дикими воплями:

— Назад! Назад! — кричали они. — Камни!

В этот самый момент в кишлак вошел наш караван.

Мы застали следующую картину.

Посреди площади стоял Саид, направляя на Джолдывая винтовку.

— Где Сабира? Где зерно?!—кричал он.

Взволнованная толпа окружила их.

— И зачем вам ехать?! — кричали из толпы.— Всех ишаков перебило и зерно погибло. Вот когда осыпется немного камень, через месяц, можно ехать. А теперь лучше ехать по горам, через Сох.

— Там снег еще,— говорили другие.— Через два месяца через Сох дорога будет!

— Тогда ждать и ждать, а то все равно пропадете...

Все ожесточенно жестикулировали, с ужасом показывая в сторону Голубого бебега.

Барон юлил в толпе, хихикал и говорил что-то Туюгуну. Увидев нас, они оба скрылись в толпе.

Сложив зерно у чайхана и поставив часовых, мы отправились к председателю.

Через час туда же пришел Саид и молча лег на кошму, не говоря ни слова. Сабиры не было.

ЧЕЛОВЕК С ГОР

Эту ночь, до самого рассвета, мы просидели в маленькой комнатке чайханы, освещенной коптилкой. Это было самое странное заседание из всех, какие мне приходилось видеть; на нем не было ни одного оратора, однако все присутствующие с напряжением прислушивались к единственному голосу — голосу гор. Он ворчал и стонал где-то в темноте, за окошком, и от этого голоса зависело наше решение о дальнейшем. Местные колхозники, старые скотоводы, опытным ухом ловили звуки обвалов, определяя их место.

— Нет, нет,— говорили они.— Это далеко. Голубой берег молчит.

Асан, старшина наших караванщиков, самый молчаливый из всех караванщиков, сидел с непроницаемым лицом, нахмурив

огромные брови, закрывавшие глаза. Мы смотрели на вздрагивающий огонь коптилки. Старик Шамши свернулся в углу на полу и дремал. При каждом отдаленном раскате грома он поднимал голову.

— А? Кто что говорит? — бормотал он, обводя всех туманным взором, и опять засыпал или делал вид, что засыпал. Старый хитрец с нашим прибытием в Дувану присмирел, чувствуя, очевидно, ответственность за проделки с подменой семян. Он даже не выходил гулять в кишлак. Джолдывай и остальные караванщики где-то пропадали.

— Закрой рот, закрой рот, старая лиса,— говорил Карабек старику.— Слышишь: от твоего храпа падают камни...

— Все спокойно на Шайтан-горе,— сказали скотоводы.

— Что за Шайтан-гора? — спросил я.

— Проклятая гора. Нехорошая гора. Так они называют гору, с которой сыплются камни на Голубой берег, — усмехнулся председатель. — Правоверным запрещено ступать на нее. Да сейчас спокойно. Днем был, наверное, одиночный обвал. Я говорил вам, вначале падает с большими промежутками. Можно пройти...

В это время вбежал один из погонщиков, по имени Мурат-Али.

— Аксакал,— сказал он, обращаясь к Асану,— домулла кормит и поит караванщиков. Все пьяные. Хотят забрать назад своих лошадей и не давать везти посевное зерно по Голубому берегу. Хотят ждать горной дороги. Если сейчас не уедем, то они к утру заберут своих лошадей...

Карабек перевел мне его речь.

Асан поднялся и зажал в кулак свою иссиня-черную бороду.

— Надо ехать,— сказал вдруг он.

— Правильно,— согласился я.

— Спроси,— сказал я Карабеку.— Мурат-Али не боится ехать?

— Зачем не боится,— ответил Карабек, считая, повидимому, лишним задавать такой наивный вопрос Мурат-Али.— Конечно, боится, я боюсь и ты боишься. Ехать надо — едем,— добавил он.

— Боишься? — спросил я Шамши. Но тот сделал вид, что очень крепко спит, и Карабеку долго пришлось трясти его, прежде чем он открыл глаза.

— Воля аллаха,— ответил он, растерянно разводя руками.— Воля аллаха...

Итак, нас было шестеро: Карабек, Асан, Азим, Мурат-Али, Шамши и я. Саид куда-то исчез. Мы его решили оставить здесь, а самим непременно вернуться и помочь ему отыскать Сабиру. Председатель заявил, что Сабиру прячут где-то поблизости и не решатся увезти из кашлака, пока кто-либо из нас тут. Кроме того он обещал поставить дозоры на всех дорогах, чтобы Барон не мог проскочить незаметно и увезти с собой Сабиру. Настоящие розыски должны были начаться после нашего возвращения.

Разбудив чайханщика, который спал в соседней комнате, мы приказали ему помочь нам нагрузить лошадей и ишаков. Чайханщик долго кряхтел одеваясь. Из его комнаты доносился шопот.

Не успели мы выйти, как Карабек, шедший сзади, сделал прыжок в сторону и моментально исчез в темноте. Через три минуты он появился, таща за шиворот упиравшегося юнца лет десяти, стал кричать на чайханщика.

— Зачем,— говорил он,— ты хотел послать сына к домулле? Зачем ему знать, что мы уезжаем? А?..

Чайханщик отпирался.

Через полчаса, расплатившись за сено и чай, мы навьючили груз и тронулись. Вдруг чайханщик остановил за узду моего Алая и сказал:

— Пожертвуй на Мазар-Дувана, чтобы аллах помиловал тебя и не убил камнями скот и тебя.— Я ничего не ответил и проехал вперед.

Чайханщик обратился к Карабеку. Карабек со злостью ответил:

— Джолдывай подаст, скажи, Карабек, сказал, пусть даст. Из украденного зерна. Ешьте на здоровье, скажи Карабек сказал. И Барон подаст...

Наш молчаливый Асан вдруг рассвирепел.

— Я двадцать пять басмачей убил, десять раз ездил по Голубому берегу. Меня камень не трогал. Я в Мекке был.— Сняв со спины мое охотничье ружье, которое я отобрал у продавца-таджика, он положил его на луку седла. Чайханщик в испуге отскочил от него и пристал к Садыку. Тот засмеялся:

— Что ты! — закричал он. — Я консервы ел.

— И я ел, и я ел! — закричал Мурат-Али, однако вытащил мелочь и, бросив ее чайханщику, погнал скорей ишака.

Шамши закрыл глаза и сделал вид, что не видит попрошайки. Он боялся отказать, но был жаден. Однако чайханщик помчался к домулле, даже забыв попросить у Шам-

ши. Старик засиял, довольный, что удачно вышел из положения.

— Ты видел, я не дал. Я не дал ему ни гроша, этому мошеннику. А?..— начал приставать он к караванщикам...

...А еще через три часа мы с Карабеком в'езжали на тропинку Голубого берега. Спереди бежал Азам, постоянно оборачиваясь, точно приглашая идти быстрее.

Остальной караван шел сзади нас. Было тихо. Синие и голубые жилы рассекли стену слева от нас. Пропасть справа дымилась в предутреннем тумане. Мы подняли головы, невольно замедлив ход. Солнце освещало вершину горы. Небольшой камешек отвалился где-то вверху и зашуршал в тишине. Шамши от испуга щелкнул челюстями. Я хлестнул коня.

— Там пропал наш первый караван,— сказал Карабек, протягивая руку к большому выступу, который лежал пониже нашей тропинки.— Один мешок упал на самый край, вон лежит...

В бинокль был хорошо виден лежавший у самого края мешок.

— Знаешь, Карабек, надо этот мешок взять. Ведь это наши семена. Может быть, еще по дороге найдем.

— Мешок берем — пропадем,— ответил Карабек и склонил голову на плечо.

— Почему? — спросил я.

— Так,— ответил Карабек и больше не прибавил ни слова.

— Ну, так едем, возьмем мешок.

— Едем, — безразлично ответил Карабек и слез с лошади.

В это время огромный камень вдруг пролетел перед нами. Я понял, что на склоне от камней не увернешься, и оставил мешок.

— Сейчас летит камень, ты хорошенько вверх смотри,—сказал Карабек.—Большой камень падает — в сторону прыгай. Хорошенько смотри. На лошади едешь — лошадь не прыгает. Камень лошадь бьет,— лошадь падает, ты падаешь...

Взяв лошадей за поводья, мы двинулись вперед по тропинке. И почти сейчас же впереди нас Голубой берег загремел.

Камни глухо стучали, подпрыгивая на склоне и исчезая в пропасти.

От тропинки до края бездны было метров двадцать. Ниже ничего не было видно. Лишь обрывистая сторона противоположной горы синела где-то там, по ту сторону пропасти.

Мы прижались к стене. Каменный дождь не прекращался. Он приближался к нам. Некоторые камни, проносясь над головой, визжали, как снаряды.

— Смотри! — крикнул Карабек, — таш, таш, келет. Камень летит!

Действительно, камень несся сверху.

— Вперед!—закричал Карабек, и мы побежали, не отпуская лошадей. Несмотря на то что Алай очень устал в предыдущий большой перегон, он, казалось, понимал опасность и, прижав уши, косился на гору и не отставал от меня ни на шаг. Когда над головой пролетали камни, он подпрыгивал и поворачивался грудью к склону, уменьшая таким образом поверхность тела, уменьшая возможную мишень. Камень огромных размеров, как мяч, ударялся о склон, подпрыгивая, как пружина, вверх, и снова, описав дугу, ударился с еще большей силой, вызывая падение мелких, ранее задержавшихся камней. Определить, где он упадет, было почти невозможно, но было ясно, что он летит на нас.

— Да ведь он впереди упадет!—закричал я и осадил Алая.

— Скорее, вперед, я знаю!—охрипшим голосом крикнул сзади Карабек и ударил Алая. Мы бросились вперед. Едва пробежали два метра, как сзади в тропинку ударил камень и, взвившись, полетел в бездну, Это было как раз в том месте, где я собирался переждать его полет.

Мелкие камешки засвистели над головой Один ударил в луку седла и начисто сорвал ее; ударом Алая отбросило на метр вниз, но он сейчас же вскочил на тропинку. Тут я услышал сзади странный звон и обернулся. Наш караван остановился далеко, сбившись в кучу. Старик Шамши сидел согнувшись и закрыв глаза. Большой камень ударил прямо в самовар, и тот со скрежетом, подпрыгивая и сверкая, загремел по дорожке. В следующую минуту караван дрогнул и помчался назад. В нерешительности Шамши обернулся на мгновенье, взглянул в последний раз на свою драгоценность и бросился за остальными.

Мы теперь находились над тем местом, где на самом краю пропасти лежал мешок, конец его висел над бездной. До мешка было метров двадцать крутого спуска. Но тут открылось еще новое препятствие, которого мы не заметили: путь к мешку нам отрезала трещина у глиняного края, шириной в метр. Трещину эту размывала вода из тающего снега. В стене здесь открывалось слева как бы ущелье. Оно разрезало стену, расширялось кверху, образуя пологий под'ем на гору.

Карабек лежал в глине у огромного обломка скалы.

Здесь мы остановились и отдохнули. Место это было защищено от падения камней, и мы даже решили попытаться достать мешок.

Щебень под нами сыпался вниз, и мы скользили на нем. По пути к мешку, кругом, были рассыпаны зерна ячменя.

Карабек, обвязавшись веревкой, передал мне конец, который я обмотал вокруг пояса. Затем Карабек подполз к мешку и потянул его за угол. Мешок не тронулся с места.

Вдруг Алай заржал и поскакал вслед за нашим караваном.

Я взглянул вверх и замер. Прямо на нас, посекундно увеличиваясь в наших глазах, летел осколок скалы. Убежать — значит бросить Карабека, ему же деваться было совершенно некуда. Кроме того судить о том, где камень упадет, было очень трудно.

Благодаря напряжению всех нервов в этот момент моя память запечатлела мельчайшие и даже нелепые детали этой минуты. Пес Азам стоял на краю дорожки, глядя вниз и свесив язык на сторону. Среди камней рос подснежник. Его лепестки белели на фоне синей глины. Вот крошечный блестящий камешек, сползая вниз, придавил его. На осколке сверкают солнечные лучи. Вот ползет муравей. Я сразу почувствовал приближение каменной глыбы, не поднимая головы. Внизу Карабек сжался в комок, как бы готовый к прыжку, смотрел поверх меня расширенными зрачками. Земля под нами дрогнула.

Подснежник потемнел: на него упала

тень летящей скалы. И не успел я мысленно произнести слово «сейчас», как в четырех метрах от нас, в край, недалеко от Карабека, грохнулась громада. Казалось, вся гора застонала. Веки мои сразу же закрылись, и в ту же секунду край тропы обломался, меня дернула веревка, как бы перерывая пополам, и я начал падать. «Конец...»—пронеслось в мозгу.

Почувствовав боль в голове и правой ноге, я открыл глаза и огляделся.

Прямо передо мной была отвесная стена метров в сто высоты. Сверху вылетали камни и летели вниз, падая через меня где-то поблизости.

Сначала я не сообразил, где я нахожусь. Потом вспомнил караван, Карабека, сразу сел и огляделся. Карабек лежал так же, как и я, в глине, между огромными обломками скал. Повидимому, ударившись о скалы, глина проваливалась, задерживаясь за углы, и этим спасла нам с Карабеком жизнь.

Карабек был засыпан глиной. Я отвязал веревку, сбросил винтовку и поспешил к нему, быстро разгреб глину и начал делать ему искусственное дыханье.

Повидимому, глина, навалившись на голову, вызвала удушье.

Минут через десять лицо Карабека слегка покраснело, еще через несколько минут он открыл глаза и улыбнулся.

— Заседание продолжается, — сказал он слабым голосом. — Где мы?

Прислонив его спиной к стене, я взобрался на камни и огляделся.

Под обрывистым краем, который мы, глядя с тропинки, считали краем бездны, ведущей вниз к реке Сурх-об, помещалось небольшое, узкое плато, как бы ступенька, лежащая над обрывом. На нее мы и упали.

На этом плато были хаотически нагромождены груды камней, разорванные мешки с зерном. Тут же были разбросаны скелеты сотен животных. Легкий ветер доносил смрад недавно оттаявших трупов. Невдалеке из расщелины вытекал большой поток и исчезал среди камней. К нему и направился я, сняв с Карабека длинный ситцевый пояс-платок. Это было то самое ущелье, которое поднималось к дорожке, пересекало ее и уходило вверх.

Не доходя метров двадцать, я остановился удивленный: в разорванных мешках была земля, а не зерно.

Может быть, Джолдывай украл зерно еще в кишлаке и в мешки насыпал земли? Но откуда мог узнать Джолдывай, что все ишаки будут сбиты? А если бы их не сбило, то ведь обман все равно бы открылся, и тогда Джолдываю не сдобровать?

Это становилось загадочным. Подойдя поближе, я взял из мешка горсть. Это была красная глина. А красная глина водится тут только в садах Большой Дуваны. Следовательно, земля оттуда.

У ручья я напился, намочил платок и отнес его Карабеку. К моменту моего прихода он справился. Я омыл рану на его голове и перевязал ее.

Я рассказал Карабеку о том, что видел, он сильно удивился. Вместе мы прошли к расщелине. Он осмотрел внимательно ишаков, осмотрел мешки и затем сказал: «Двух мешков не хватает».

Мы поискали и нашли немного рассыпанного зерна. Дорожка из этого рассыпанного зерна вела к пещере, откуда вытекал поток. Следовало предположить, что кто-то унес зерно. Но кто?

Прочистив свои винтовки от набившейся во время падения глины и протерев их, мы медленно двинулись по следу вверх, по расщелине, вдоль по ручью. Без особого труда мы поднялись на тропинку и собирались уже двинуться выше, на гору, как мое внимание вдруг привлекла собака. Пес, сначала радовавшийся нашему возвращению и прыгавший вокруг, внезапно стал серьезным, поднял уши и насторожился. Мы стали всматриваться в ущелье: оно сворачивало в сторону, и продолжение его было закрыто от глаз.

— Как думаешь? — сказал Карабек. — Если кто-то спускается иногда тут к тропе, можем и сейчас встретить? А? Здесь человек есть, очень плохо. А мы ходили, громко говорили...

Мы остановились.

— Как думаешь, — шопотом спросил я, — что с караваном?

— Ничего не думаю, — отвечал Карабек. — Асан — очень верный человек, партизаном был.

— Но что делать?

Солнце уже высоко. На теле появилась испарина.

— Ждать надо,—сказал Карабек,—кто выйдет из пещеры, посмотрим.

Подобравшись поближе, мы уселись за камнями, приготовили винтовки и стали ждать. Через некоторое время мне послышался шорох камней в ущелье.

И в ту же минуту Азам вскочил и залаял. Шерсть его поднялась дыбом. Я поднял винтовку. Теперь слышно было, кто-то спускался по ущелью с горы. Шаги приближа-

лись, и вдруг мы увидели... Джалиль Гоша. Он бежал по камням, опираясь на ружье. Из-под черной шапки его попрежнему виднелась повязка, давно переставшая быть белой. Увидав нас, он остановился и засмеялся.

— Дос! Дос! Иди сюда скорее! — кричал он.

ШАЙТАН-ГОРА

Тут я должен рассказать о событиях, происшедших с Джалилем после нашей последней встречи, тогда будут понятны те случайные и удивительные открытия, которые связаны с нашей экспедицией.

Расставшись с нами, Джалиль вернулся в Дувану. Здесь он, как полагается, отдал молитвенный визит святому Голубого берега и спокойно отправился на охоту.

Не спеша, он бил птиц, мелкого зверя, поднимаясь в горы, ночуя в пещерах, в лощинах, одиноких шалашах охотников и пастухов. Чуть ли не все горные отшельники знали Джалиля Гоша. «Каждый камень и дым» мог дать нетребовательному охотнику приют и ночлег.

Потом он добрался до кибитки старого Сарыбая. Это был странный бобыль, ведущий одинокую жизнь. Его Джалиль знал давно, по прежним посещениям этих мест, и никогда не видел спускающимся с гор, да и не удивлялся этому: каждый живет, как хочет.

— Какую охоту дает аллах? — только спросил он, придя к старику.

— Ничего, слава ему.

И они больше ни слова не сказали друг другу, прожив вместе несколько дней в кибитке старика.

Очень высоко, в синих горах над голубым берегом, среди арчи, у водопада, стояла эта кибитка, сложенная из камней. Широкая у земли, она суживалась кверху, из отверстия выходил узкий столб дыма. Камни кибитки были скреплены между собой глиняным цементом. Его приготовляли, добавляя к глине ячменную муку: так строили тут с давних пор.

Гигантский водопад у кибитки не был похож на другие водопады в окрестности.

Со свистом и шумом вырываясь прямо из скалы широкой круглой волной в один метр диаметром, он, описывая дугу, срывался в трехсотметровую глубину, разрываясь в падении своем на миллиарды радужных брызг.

С двенадцати часов дня, когда дули западные ветры, облако брызг ветром отклонялось к отвесной стене скалы. Вся стена заросла изумрудными мхами, брызги застывали на мху. Мох просвечивал сквозь лед, и глыбы льда играли разноцветными огнями.

Во время ветров кибитки не было видно совершенно, ни с запада, ни с севера. Ее закрывали тучи брызг.

Единственный путь к кибитке шел у подножья водопада, где образовалось озеро. Озеро казалось черным, как уголь. Воды в нем не прибавлялось, хотя водопад ревел, не замолкая ни на секунду. Множеством ручьев, по расщелинам, вода спадала вниз с гор, в Сурх-об. У озера зеленела арчевая роща.

Когда по утрам лучи солнца врывались из-за синей скалы, зажигая водопад радугой, воздух наполнялся свистом и воркованьем: тысячи голубей слетались сюда.

«Крр-крр», — пели голуби. Слетались они и вечером, когда исчезающее солнце гасило радугу водопада, зажигало багровые огни высочайших ледников на вершинах гор. Солнце уходило, эти факелы гасли один за другим, и долго еще только две высочайшие вершины краснели среди наползающих черных теней. Это сверкали пик Ленина и пик Сталина.

И каждое утро они первыми загорались радостными, яркими огнями. Тени отступали, корчились, уползали, уменьшались и исчезали. Молчаливые охотники каждый день просыпались в этом мире гор.

Стар Сарыбай, очень стар. Много снега насыпали зимы ему в волосы. Редко ходит охотиться Сарыбай на кииков, больше питается голубями. И давно висит на стене карамультук. Пороху мало, и пуль почти нет, да и годы не те.

Сарыбай еще на рассвете встал, надел чареки с теплыми портянками на ноги, надел чапан на куньем меху, подпоясался платком, засунул бутылочку с табаком за пояс, перекинул через плечо сетку и, взяв в правую руку палку, вышел из дому. Джалиль тоже встал. Очень худая рыжая сука подошла к нему, виляя хвостом, и жалобно заскулила. За ней, переваливаясь и падая, спешили шесть щенков. Сарыбай ударил суку ногой в бок, она жалобно завизжала и бросилась в сторону. Сарыбай, шепча молитву, шел вниз. У озера он замедлил шаги и тихо пошел, опасаясь, что от шуму сорвутся сверху льдины: часто льдины, намерзшие на скале за зиму, срывались вниз со скрежетом и грохотом.

— Шумно идешь — обвал сердится и за тобой гонится, зачем разбудил его, — сказал только Сарыбай.

Эту истину и Джалиль давно знал, но подтвердил кивком головы. Они тихо прошли по берегу озера. Дальше, за берегами, стояли разрушенные дождями, снегами, ветрами и солнцем синие скалы, с которых срывались обломки и катились по обрыву вниз.

Сарыбай остановился у зарослей арчи, у самого берега, и внимательно посмотрел на скалы.

— Шайтан-гора, — сказал он.

И это знал Джалиль. И то, что на эту скалу нельзя ступать, так как бог будет гневаться... Так дошли они до длинной узкой щели в камнях, при выходе ручья из озерка. Неровные края щели громоздились, стремясь ввысь. У того места, где свалился сверху камень, образовался проход с одного края щели на другой. Сарыбай размотал длинную сеть и тщательно накрыл ею щель на протяжении пятнадцати метров, привалив края камнями.

Это заняло около получаса. До восхода солнца оставалось ждать недолго. Он вынул бутылочку и, насыпав насс на ладонь, опрокинул его под язык. Джалиль вынул свою бутылочку с табаком.

В тот момент, когда пик Ленина вспыхивал на солнце, Сарыбай подошел к большому, но довольно легкому обломку песчаника и, подложив палку, столкнул его в щель метрах в десяти от сети. Камень полетел вниз. Щель наполнилась гулом и треском. И вдруг весь воздух задрожал и засвитал вокруг. Тысячи голубей, как пули, вырвались кверху из щели. Щель была их извечным жилищем. В щели жили, неслись и выводили птенцов сотни голубей, и сейчас словно занавес из перьев поднялся перед Джалилем, закрывая сверкающую макушку пика Ленина. Тысячи голубей, поднимая ветер, летали кругом, возвращая тьму ночи.

Много испуганных голубей попалось в сеть. Они рвали ее вверх, и только камни, привязанные к краям, удерживали сеть.

Подождав, пока голуби выбились из сил, Сарыбай за веревки подтянул сеть на один край короче, перевязал веревки к камням и, сев на корточки, засунул руку в сетку, где бились в теплой куче голуби. Вынув голубя, он захихикал и отер гной на глазах. Погладил голубя, поднес ко рту и перекусил шейку. Голубь забился, кровь залила разноцветную грудку. Сарыбай отбросил его в сторону, где он долго трепыхался, не желая умирать. Затем Сарыбай вынул другого и, снова погладив, перекусил шейку. Через некоторое время работа была кончена.

— Бир-юз-елик-кырык-каптор...—пятьдесят четыре голубя. Мало, — с сожалением вздохнул Сарыбай и сложил голубей в сетку.

Джалиль с интересом наблюдал эту процедуру. Такой способ охоты ему не понравился, однако он ничего не сказал старику.

Не успел Сарыбай пройти и один километр, как вдруг заметил на соседней вершине дым от костра. Выругавшись, он свернул с дороги вправо. Очень далеко внизу также дымил костер. Выругавшись еще раз — костры, очевидно, требовали от него какого-то дела, а он был ленив, — старик пошел поскорее вверх, но ноша мешала.

Тогда, бросив голубей, он стал быстро взбираться на скалу, у которой стояла кибитка. Поднявшись, он вынул кремень, огниво и трут. Через пять минут трут, приготовленный из древесного гриба, задымил. Раздув трут, старик положил сухую хвою арчи, на нее дрова из большой кучи рядом и раздул огонь. Еще через десять минут огромный костер пылал вовсю. Тогда Сарыбай положил на него сырые ветки арчи. От этого сразу пошел густой дым.

— Знамение домуллы, знамение домуллы,—шептал старик. Расстелив платок, стал на колени, приложив руки к ушам, и начал молиться.

Джалиль очень удивился всему этому, однако тоже опустился на колени: наверное так нужно!

Через пятнадцать минут километра четыре на восток зажегся еще один костер. Значит, оттуда увидели костер старика.

— Дошел знак домуллы, дошел знак домуллы,—шептал старик и разобрал костер, затаптывая тлеющие угли ногами, бросая на них куски тающего снега.

В это время его привлек собачий визг. Сарыбай внимательно посмотрел вниз и, сам взвизгнув от злости, побежал вниз.

Он поспел вовремя: собака со своими щенятами, порвав сетку, начала есть голубей. Старик, брызгая слюной, ругался, вырывал голубей у щенят, которые еще не могли с'есть их, а только грызли перья и визжали от голода и азарта.

Собака испугалась старика, но, слишком голодная, чтобы убежать, старалась проглотить целиком голубя.

Тогда старик, быстро замотав в сетку оставшихся голубей, бросился на собаку и

ухватил голубя за торчавшие изо рта крылья.

Скупой и жадный, он считал, что собака сама должна себе добывать пищу. В былое время они вместе охотились, и собака не раз ловила молодых кииков и задерживала раненых. Не раз она спасала жизнь старика. Теперь она одряхлела и не охотилась больше.

Старик выл, колотил ее по голове. У собаки из ноздрей полилась кровь. Она жалобно визжала, но голубя не выпускала изо рта.

Задыхаясь от слюны и бешенства, старик вынул нож и ударил собаку. Сука пошатнулась, но голубя не выпустила.

Но тут новое явление отвлекло внимание старика и Джалиля. По тропинке от кибитки к ним бежали три человека. Первый размахивал длинной палкой. К своему удивлению, Джалиль узнал в нем дервиша из Кашка-су «Палку Моисея». Только сейчас он не прыгал и не кривлялся, был по всей видимости нормален, только громко кричал что-то. Очевидно, волнение заставило его забыть присутствие постороннего — Джалиля Гоша.

— Они вышли из Дуваны! — крикнул он старику подбегая.

Но тут, заметив Джалиля, он отвел старика в сторону и начал ему что-то энергично шептать и размахивать руками, указывая на Голубой берег. «Домулла... пшеница», — услышал только Джалиль.

Очевидно, это было что-то важное, так как скупой старик даже позабыл о собаке, и она стала спокойно пожирать голубей. Ни слова не говоря, все пришедшие и старик бросились к озеру, обогнули его, взбежали на холм и, дойдя до скал, начали подниматься на... Шайтан-гору. Это окончательно поразило Джалиля: мошенники-дервиши, больше всех болтающие о святой пещере, о наказаниях, сами пошли как ни в чем не бывало на запретную гору!..

Первое время Джалиль был возмущен только этим и не обратил внимания даже на грохот. Это с горы начали падать камни на тропинку Голубого берега. Джалиль прислушался. Странное поведение старика, появление дервиша, его слова подсказали ему догадку: это, наверное, караван агронома Кара-Тукоу и Карабека идет сейчас внизу. И тут вдруг он все понял: Сарыбай и дервиши... сбрасывали камни на проходящих внизу путников.

Джалиль вскочил. Ему было известно отлогое ущелье, ведущее напрямик к Голубому берегу. Спотыкаясь и шлепая сапагами по воде ручья, он побежал вниз...

Так мы встретили его внизу, у выхода из расщелины. Когда он прибежал вниз, камни по обе стороны от расщелины продолжали еще падать.

— Идем сюда, — сказал Джалиль. — Налево и направо на тропе камни убьют. Если пойдешь, сильнее будут падать. Один выход наверх — здесь...

Торопясь и скользя, мы ползли за ним наверх и вскоре без особого труда выбрались к кибитке старика Сарыбая.

— Отдыхай тут, — сказал Джалиль. — Потом — в Дувану. Там домулла сегодня праздник делает. Лепешки дарит. Ядовитые станут хорошими.

— Лепешки?!

Теперь мне все было понятно: вот зачем обман Шамши и Джолдывая; лепешки будут есть как безвредные; но ведь мы снова подменили зерно протравленным, и все отравятся!

— Скорее туда! — закричал я.

Но путь по горам теперь был далек: в Дувану мы не могли добраться раньше вечера.

ЧУДО В ДУВАНЕ

Убегая от Голубого берега, наши караванщики не потеряли ни одного животного. Но это возвращение походило на скачку с препятствиями.

Все население кишлака выбежало смотреть.

— Дувана! — кричали они. — Сумасшедшие! Вас аллах наказал! Покайтесь!

— Сами вы Дувана! — огрызался Асан, сверкая глазами из-под нависших бровей.— Не даром и название кишлака такое. Вы и есть большие сумасшедшие.

Перепуганный Шамши молчал.

Больше всех кричали и лезли в драку с Азимом и Асаном наши пьяные караванщики, благословляя аллаха, что он наказал неверного Карабека, Сабиру и начальника.

Караванщики хотели сейчас же увести своих лошадей, но Асан взвел курки и клялся, что застрелит первого, кто тронет лошадь с зерном.

— Доедем до чайханы, сгрузим зерно,— говорил он, — и берите лошадей.

Зная Асана, толпа грозила ножами, но каравана не трогала.

Проезжая мимо председателя сельсовета, Азим потребовал, чтобы ему помогли. Но председателя самого окружила толпа. Барон и Туютун требовали, чтобы Саид был аресто-

ван. Они теперь обнаглели, полагая, что я и Карабек погибли.

— Начальник делал преступления! — кричали они. — Саид ему помогал.

Чайханщик демонстративно не захотел пускать к себе Азима и Асана с караваном. Асан вынужден был искать другое помещение, но все отказывали. Зерно сгрузили прямо у дома председателя.

Караванщики, подав заявление о выходе из тоза, забрали своих лошадей. Вскоре вновь пришли требовать уплаты за перевозку груза посевным зерном. Барон и Туюгун их поддерживали.

— Первого, кто возьмет хоть кило, — закричал Асан разозлившись, — застрелю, как собаку!

— Чего ты, дурак! — кричал из-за глиняного забора Барон. — Все равно начальник и Карабек подохли; что тебе: зерна жалко? Скажем, что камни унесли.

— Это — колхозное зерно! — закричал Асан.—Ты должен понимать, иди сюда, я поговорю с тобой как следует. Ты продался домулле.

— Домулла — святой, он сегодня святое дело сделает! — закричал Барон. — А я мусульманин, я честный мусульманин, и ты получишь зерно, если ты сделаешь так, как я тебе говорю.

— Будь проклята твоя борода! — ответил Асан. — Ты торгуешь племянницей. Ты хотел отравить моего доса — Садыка. Я доберусь до тебя.

— Я мусульманин!—закричал Барон.—Я честный мусульманин, а Садык — кашгар, он браминам верит, я мусульманин. Я правоверный.

Домулла был доволен. Все шло так, как он распорядился. Часть зерна была перемолота, и из муки испекли лепешки, причем дервиши внимательно следили, чтобы никто не с'ел ни кусочка, а то еще откроется до освящения, что зерно не ядовитое.

Лепешки, завязанные в платки, лежали кучами здесь же, в мечети. Все было приготовлено для чуда.

Официально также все было готово. Были составлены в сельсовете акты о гибели первого каравана ишаков, о гибели начальника и Карабека. Председатель отказывался их подписывать. Барон заставлял его. И тут Шамши вдруг выступил очевидцем нашей гибели. С чувством он рассказывал, как я упал, как мне оторвало голову и даже как он хотел меня спасти. Под конец он заплакал...

Все это было настолько удачно, что домулла решил вывести чудо из рамок, предназначенных только для посвященных, и широко оповестить верующих мусульман.

Из чуда домулла думал извлечь несколько выгод: во-первых, он поднимет религиозное настроение в кишлаках, значительно упавшее в последнее время, во-вторых, докажет, что надо много жертвовать аллаху, переходя Голубой берег, и нельзя быть в пожертвованиях скупым: вот, неверные не хотели дать полмешка зерна и погибли. В том, что мы не вернемся, он, очевидно, тоже не сомневался. Торжествуя победу, он вызвал председателя сельсовета как неверующего убедиться в чуде. Настроение было такое, что Асана и Саида почти силой тоже привели к мечети.

Время шло уже к вечеру. Косые тени тополей уползали, все дальше извиваясь по земле, прокладывая темные дорожки.

Повеяло прохладой. Высоко на минарете кричал муэдзин.

Тысячная толпа стояла на коленях; как по команде, люди склоняли головы, касались лбами земли.

Асан, сидя на корточках в передних рядах, ощущал робость. Что-то похожее на страх закрадывалось в его сердце. Кто знал этих людей? Не разорвут ли его, если он выступит? Брови Асана подымались и опускались — так ставнями закрывают светящиеся окна, — может быть, сомнения закрались в его голову?..

— Аллах, аллах!—закричали дервиши.— Домулла, дай чудо! Дай чудо! — И когда этот гул и грохот разрослись до громоподобного рева, из мечети, что у мазара, вышел домулла.

— Аллах, — сказал он, — посылает вам, правоверные, свое благословение. Аллах подал знамение и сделает чудо. И сыны Магомета задохнутся от радости, и семь небес счастья раскроются над вами... Аллах очистит хлеб от яда, ядовитый хлеб. Вы своими глазами увидите, правоверные, что хлеб сейчас ядовит...

Из передних рядов толпы подвели собаку. Худая и тощая, с шерстью, торчащей клочьями, собака была перепугана, хвост поджала и согнулась дугой.

Вынесли связки платков с лепешками.

— Смотрите, правоверные, смотрите! — кричали дервиши.

Один из них, помощник домуллы, крикнул: «Ба, ба, ба !» — собака жадно подняла морду и посмотрела на него.

Домулла приказал подать платок с лепешками.

Двое дервишей бросились к нему с платками.

— Черный, черный, — шепнул Барон сзади, как услышал Саид.

Домулла взял первую, лежавшую сверху лепешку не из красного платка, а из черного и бросил собаке. Та на лету поймала лепешку и, давясь кусками, моментально проглотила. Все внимательно смотрели на нее: она вновь подняла уши, ожидая второго. Но ей не давали.

— Сейчас подохнет, — сказал домулла.

Собака склонила голову направо, налево и вильнула хвостом, тявкнула, прося еще. Этот лай разнесся кругом, резко нарушая мертвую тишину. Домулла оглянулся.

Собака, до сих пор напряженно смотревшая на домуллу, вдруг обернула голову и ткнула носом в бок, как бы отгоняя муху, причинившую боль, и не успела выпрямить голову, чтобы просительно тявкнуть, как снова ткнула носом в живот, взвизгнула и закружилась, падая и снова вскакивая.

Лица толпы как бы окаменели, все застыли, следя за судорогами подыхавшей собаки, и сразу вздох облегчения вырвался у всех. Толпа тяжело дышала, после того как простояла минуты полторы, затаив дыхание, сама того не замечая.

И вновь тишина. Жуткая тишина, и в этой тишине слышится только хриповатый бас домуллы, призывающего благословение божие...

— Совершается, совершается, — шептали дервиши.

Толпа завыла.

Домулла поднял руку и в наступившей вновь тишине сказал:

— Сейчас мы будем раздавать освященный хлеб. Кто хочет?

Толпа ринулась вперед. Ее сдерживали дервиши.

— Лепешка стоит одного маленького барана или трех пудов зерна.

— Тихо, тихо! — кричали дервиши.

— Дай, дай! — вопила толпа.

Саид колебался только секунду, но эта секунда показалась ему вечностью. Он вбежал по ступенькам и стал рядом с домуллой.

— Дехкане! — закричал он, хватая лепешку. — Хлеб ядовитый, не ешьте!

Толпа взвыла и с руганью бросилась на него сквозь цепь дервишей.

— Вот, — закричал Саид, — клянусь! — Саид схватил лепешку, начал ломать ее, говоря: — Пусть не есть мне хлеба всю жизнь, пусть умру от голода...

Толпа замерла: это была страшная клятва. Толпа на секунду заколебалась.

— Не ешьте! — закричал я, вбегая на крыльцо.

— Не верьте! — закричал домулла. — Было ядовитое, сейчас — не ядовитое. Совсем не ядовитое.

Толпа взвыла.

— Лепешки ядовитые, лепешки ядовитые! — твердил Саид.

Толпа гудела.

— Зерно ядовитое? — спросил домулла Асана.

— Мы везли протравленное... — ответил тот.

— Поклянешься на коране?

— Поклянусь, — ответил Асан.

Домулла прекрасно знал, что лепешки испекли из зерна, которое вез Джолдывай, за чистоту которого тот ручался, клялся в этом на коране дома, у домуллы. Поэтому домулла был спокоен. Он хотел получше использовать провал Асана и Саида и злорадствовал.

— А ты, Асан, поклянешься, что хлеб сейчас, после освящения, ядовитый? — спросил домулла ехидно.

Асан заколебался. Какие у него были доказательства — слова какого-то неверного? Правда, он верил начальнику, но клясться на коране — это было слишком серьезно. Вся толпа ждала. Нарастал гул.

— Поклянусь! — вдруг закричал Саид, и снова наступила мертвая тишина в фиолетовых сумерках.

— Поклянусь! — заявил и Асан.

Толпа разбилась на два лагеря. Большая часть кричала, что домулла прав, меньшая— что Асан и Саид поклялись.

Домулла потребовал, чтобы снова принесли платок с лепешками. Он взял сверху одну. Толпа замерла.

— Я с'ем, — сказал он, — и если я не умру, вы поверите?

— Поверим! — заревела толпа и снова замолкла.

И казалось, что все верили, что чудо совершится. Домулла поднял руку, и настала вновь тишина.

Так во время мертвой зыби море плещет у берега маленькими веселыми волнами, и вдруг из моря вырывается внезапно откудато из середины черный вал и с шумом выбрасывается далеко на берег, гремя камешками, и снова прячется в море. На берегу остаются сорванные водоросли с корнями, трепещущими рыбками, медузы, еще прохладные и дрожащие, крабы, которые испуганно карабкаются в море...

И в наступившем тихом рокоте домулла сказал:

— Аллах внял мольбам. Оминь облога акбар. Аллах устранил яд. Хлеб можно есть,— и, вынув из того же платка лепешку, начал есть.

Вся толпа жадно смотрела в рот домуллы. Но пристальнее всех смотрел Саид.

«Подохнет», — думал он.

Кушая лепешку, домулла говорил о том, что забыли аллаха, что надо верить, что надо подавать...

Вся толпа машинально, сама того не замечая, повторяла за ним жевательные движения. Только Саид стиснул челюсти, и желваки мускулов перекатывались у него по щекам.

Но прошло вдвое больше времени, чем надо было, чтобы собака подохла, а домулла и не думал умирать. Саид удивился, но не знал главнейшего, что домулла, страдая желудком, ел только белые лепешки из чистой муки-сеянки, которую ему на золото покупали в Таджикзолоте, в Гарме. И что он сейчас не ел лепешки из муки перемолотого и отравленного зерна.

— Вы видите, — сказал домулла, — я жив.

Пораженные, Асан и Саид молчали. Они ясно видели, что с'еденная лепешка не действует на домуллу. Ведь домулла жив и ругает их паршивыми собаками.

Среди бури криков дервиши быстро раздавали лепешки, записывая фамилии. В первую очередь самые большие лепешки получили наиболее верующие богачи, лепешки поменьше получили простые люди, и маленькие кусочки стоимостью в двадцать фунтов зерна получили бедняки.

Вдруг Саид, прыгнув вперед, поднял кусочки белой лепешки с пола, которая упала из рук домуллы во время еды, и старался перекричать шум и рев толпы..

Саид, показывая домулле кусочек лепешки, сказал:

— А ведь она белая, другие лепешки серые.

— Не веришь? — закричал домулла.

— Нет... — нерешительно ответил Саид.

Мулла схватил новую лепешку, начал ее есть, запивая чаем, который разносили дервиши. Ведь он-то наверное знал, что освящен неотравленный хлеб.

В углу крыльца, сидя на корточках кружком, весело перебивая друг друга, ели лепешки Джолдывай, Барон и Туюгун.

— Оминь облога акбар. Оминь облога акбар... — неслось отовсюду.

Тем временем мы слышали издалека крики, рев, секунды тишины, вновь крики, по-

чти бегом подбежали к кишлаку и здесь только перевели дух.

Первым, кого мы увидели, тихонько пробираясь в кустах, был Барон. Он сидел на корточках и, схватившись за живот, тихо стонал.

Карабек даже засмеялся от радости, но я понял весь трагизм положения и бросился к мечети с заднего хода. За мной бежали Карабек и Джалиль.

Многие уже начали чувствовать отравление. Тем более, что все с утра постились и целый день ничего не ели. Так распорядился домулла, желая придать зрелищу больше торжественности.

К тому моменту, когда я вбежал на крыльцо мечети через задний ход, уже многие почувствовали боли, но находили силы скрывать их от присутствующих.

— Не ешьте! — закричал я, вбегая на крыльцо.

— Не ешьте!—кричали Саид по-таджикски, а Карабек по-киргизски.

И вдруг наступила тишина. Я не знаю, с чем сравнить потрясающее впечатление от нашего появления: в таких случаях обычно сравнивают с впечатлением от внезапно разорвавшейся бомбы или с появлением привидения. Было так тихо, что слышался звон в ушах. Нас считали мертвыми, и вдруг мы воскресли. Домулла зажмурился и махал руками, как бы отгоняя мух. И в наступившей тишине раздался его тихий, но отчетливый стон сквозь зубы. Он напомнил мне горниста, играющего вечернюю зорю.

Фиолетовые тени потемнели и полезли по горам, но верхушка пика Ленина еще сверкала багряными зарницами.

— Дехкане, заседание продолжается! — сказал Карабек в наступившей тишине. — Лепешки ядовиты, и вас просто отравили!

— Это джины, это джины, злые духи, не слушайте их! — кричали дервиши, снуя в толпе и окружая нас плотным кольцом.

Но в руках у нас было оружие, и они боялись сразу нападать. Как и всегда, они хотели натравить толпу, а сами остаться позади.

Однако настроение толпы менялось. Люди слушали не столько нас, сколько то, что происходило сейчас у них в желудках. Начались стоны.

— Бей их, бей дервишей и муллу!—вдруг неожиданно закричал Карабек, и толпа бросилась на дервишей.

Они этого не ожидали. Толпа, которая еще десять минут назад была послушной, взбунтовалась.

— Что ты сказал, ты с ума сошел! — закричал я. — Ведь мы не уговаривались, чтобы ты так агитировал!

Тем временем дервиши поняли смертельную опасность. Толпа сейчас бросится на них: так дрессированный медведь вдруг бросается на своего хозяина. Дервиши обратились в бегство. Некоторых дехкане успели поймать и избивали камнями. Тут выскочил вперед председатель сельсовета. Он приказал арестовать муллу и дервишей, но не избивать их.

— Мы их судить будем! — говорил он.

Его приказания беспрекословно исполнялись. Перелом произошел коренной.

Вдруг несколько старцев, пробившись к нам, бросилось на колени.

— Пусть советская власть спасет нас от яда, мы не хотим умирать! — они протягивали руки.

Об этом надо было сейчас же думать.

— Что делать? — спросил Карабек. — Много бедняков лепешки ели, их спасать надо!

— Очень просто, — сказал я, — пусть сейчас же сюда принесут свежее молоко, я туда налью лекарство, и они выпьют!

Яд, которым протравливалось зерно, не настолько силен, чтобы сразу отравить человека, но смертные случаи, конечно, будут, если не принять мер.

Барон, катаясь по траве, был за мечетью. С винтовкой в руках Саид разыскивал Джолдывая.

— Молоко несите, молоко несите!—кричали кругом.

Всадники поскакали по кишлаку. Весь кишлак поднялся на ноги. Кричали жены, и визжали дети. Несли в деревянных чашках молоко и сливали его в деревянную бочку. Все толпились кругом. Тут я вдруг заметил отсутствие Джалиля Гоша. Он исчез.

Зажгли несколько больших костров, и они осветили всю площадь перед мечетью. Стоны неслись со всех сторон. Это напоминало мне поле битвы.

Стало очень тесно. Все боялись отойти в сторону от бочки с молоком, рвали друг другу халаты. Глядя на это трагическое и смешное зрелище, дехкане, не принимавшие участие в «трапезе», смеялись и издевались над теми, кто засовывал два пальца в рот.

— Захотели милости аллаха? Зачем же вы выбрасываете ее вон?

Председателю принесли список дехкан, получивших лепешки в обмен на овец и зерно. Это был большой список. По нему мы решили выдавать и молоко.

Я зачерпнул первую пиалу молока.

Я зачерпнул первую пиалу молока.

— Мне, мне! — закричал домулла.

— Нет, — сказал Саид, — пусть аллах тебя спасет!

— Правильно! — закричали все.

— Кто верит, что аллах спасет, тому не дадим молока. Пусть аллах спасает! — сказал Карабек.

— Не верим! — закричали дехкане. — Не верим! Дай молока! Пусть советская власть спасет нас! — кричали лучшие правоверные, лучшие из лучших, те, кому так доверял домулла.

— Мы первые записаны! — заворчали богачи.

— Мы иначе сделаем, — вдруг предложил Карабек. — Мы начнем давать по списку с конца. Сначала получат бедняки.

— Но ведь я умру до тех пор! — завопил домулла.

— И подыхай, шайтан! — отвечали из толпы. Председатель установил очередь. Ее пытались смять протискавшиеся вперед дервиши, но их оттеснили назад.

Дервиши начали стонать и кататься по земле больше и сильнее всех: эти мошенники желали показать, как они страдают. Они прекрасные актеры, но я их слишком хорошо знал, чтобы верить в их мучения.

В очередь за молоком подошел старик Шамши. Он с'ежился, старался, чтобы я не узнал его. Я строго спросил его:

— Ты тоже ел лепешки, Шамши?

— Нет, нет, — заговорил он. — Я только кусочек попробовал — интересно...

Наконец, очередь дошла до домуллы. Он протянул свои дрожащие руки к кружке...

— Стой! — вдруг закричал чей-то голос, и у бочки появился Джалиль Гош. Он выбил кружку из рук домуллы.

— Сабира! — закричал тут Саид.

Действительно, за Джалилем в свете костра появилась Сабира.

— Ты святой, домулла... — сказал Джалиль. — Ты прятал в своем доме девушку... Ты... — голос его дрожал от гнева. Он поднял камчу и начал наносить ею удары домулле, один за другим.

Если бы не оттащили полумертвого от страха старика, он бы погиб.

Мы бросились к Сабире. Она плакала и смеялась. Рассказывая друг другу виденное, мы все отправились в дом председателя.

— Я не верил, я не верил... — шептал по дороге Шамши. Но тут нас ждала новая неожиданность. У крыльца стояли оседланные лошади. К нам навстречу вышел какой-то хмурый человек с портфелем, сопровождаемый милиционером.

«Уполномоченный, который должен был прибыть в Гарм», — догадался я.

— Я должен вас задержать, — сказал уполномоченный, — директива...

Все остановились.

— Что он говорит? — спросил Джалиль, указывая на уполномоченного, не понимая по-русски, но чувствуя, что мне грозит какая-то неприятность.

— Должен задержать, — об'яснили ему.

Джалиль Гош вдруг схватил ружье.

— Хочешь, я его убью? — подскочил он ко мне и готов был привести это намерение уже в исполнение.

— Это еще что за номера? — сухо спросил прибывший. — Это тот самый бандит, с которым вы связались? Это...

— Это не бандит, — резко перебил я его. — Это человек, благодаря которому открылось тут целое гнездо мошенников. Кстати, ваших милиционеров пошлите охранять всю эту компанию. А мы зайдем в дом, и я расскажу вам поучительную историю, которая может помочь разобраться в местных делах...

...Что я рассказал ему? То же самое, что рассказал здесь вам,—всю эту историю, может быть, сбивчиво и неполно, отрывочно: о нашей деловой поездке от Кашка-су до Дуваны, о снегах и горах, о сложных и запутанных тропинках этой страны и разных ее людях: хитрых, доверчивых, скрытных и прямодушных... Герои этой истории окружали нас; они сидели на полу домика председателя в далеком горном кишлаке Большая Дувана. Киргизские смуглые их лица были освещены светом из окна. То всходила луна. Она висела над высокими снежными пиками. Из окошка были видны глубокие тени, падающие в трещины и долинки, извивы и складки скал... Мне вспомнились старинные баллады местных сказочников-старцев о неустрашимом киргизском витязе Ир-Манасе, ничего не боявшемся и скакавшем бесстрашно по горам. Может быть, пройдут времена и здесь будут передавать былину о другом бесстрашном витязе, Джалиле, освободившем Голубой берег от колдовского запрета...

К утру уполномоченным был составлен подробный протокол всех дел с опросом Джалиля Гоша.

Весь караван наш был в сборе и караванщики на местах. Все сели на коней. Голубой берег перед нами был теперь свободен.

Саид и Сабира отправлялись на запад. Они поехали учиться. Мы трогательно распрощались с ними. Старик Шамши при этом случае опять прослезился.

— Если я на Голубом берегу... — говорил он, обнимая Сабиру, — подберу самовар... Возвращайся в Кашка-су...

— Агрономом! — закричала Сабира.

Мы ехали на восток. Джалиль Гош попрощался с нами.

— Теперь ты не против советской власти? — спросил его Карабек.

— Нет, — засмеялся тот.

— Ну, тогда другое дело, — важно сказал Карабек, и они крепко и дружески обнялись.

Я уговаривал Джалиля ехать вместе с нами, но он наотрез отказался, сказав, что его ждут горы и дело охотника. Проводив нас глазами, он вскинул ружье на плечо, повернулся и зашагал из кишлака по тропинке, ведущей в горы.

Плавающие материки

Проф. Н. Зубов и А. Некрасов

Замечательный остров

4 сентября 1930 года советский корабль «Книпович» вышел из Мурманска в Ледовитый океан для океанографических работ. Я был начальником этой маленькой экспедиции. Путь нашего корабля лежал вдоль восточных берегов Шпицбергена возможно дальше на север, и, хотя сентябрь — очень позднее время для исследования Арктики, мы благополучно миновали Шпицберген, выполнили основные работы и, не встречая льдов, достигли очень высокой широты — 81°20′. Тут оказалось, что у нас остался еще порядочный запас топлива и продовольствия. Тогда мы решили повернуть на юговосток — к Земле Франца-Иосифа. Там, на острове Гуккера, в бухте Тихой, стояла самая северная в то время полярная станция. Нам хотелось зайти к зимовщикам, забрать у них письма, посмотреть, не нужно ли им чего, а если нужно, — помочь.

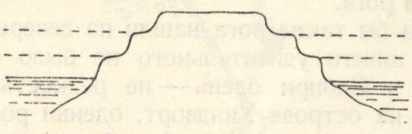
Впрочем, мы и сами были непрочь отдохнуть от качки, вымыться в бане, погреться у настоящей печки и походить по твердой земле.

Но не тут-то было. Земля Франца-Иосифа — это группа островов разной величины, беспорядочно разбросанных в море и разделенных проливами и каналами. Чтобы попасть к острову Гуккера, нам надо было пройти проливом Ноттингаль, а пролив забило сплошным льдом.

Лед был не очень толстый, но ведь и наше судно — не ледокол. «Книпович» — маленький деревянный кораблик, чуть-чуть побольше московского речного трамвая. Мы ткнулись носом в одно место, в другое — проходу нет. Тогда повернули назад и решили подождать. На севере часто бывает, что сегодня дорогу заграждают льды, пройти нельзя, а завтра поднимется ветер, взломает лед и расчистит путь.

А чтобы не тратить напрасно топлива и не гонять зря машину, мы встали на якорь у крошечного островка Уиндворт [1].

Это очень интересный островок. Когда

Море подмывает основание острова и отступает. Так образуются береговые террасы.

на него посмотришь со стороны, сразу становится ясна вся история Земли Франца-Иосифа. Когда-то там, где теперь стоят эти острова, было море. На дно моря садились песок, глина, остатки морских животных. Потом земля в этом месте поднялась, море отступило, а сверху толстым слоем разлилась лава, вырвавшаяся из-под земной коры. Лава остыла, растрескалась, ветер и вода расширили трещины, потом опять пришло море, промыло широкие каналы и проливы, а острова так и стоят — внизу у них подставки из осадочных пород, над ними — лепешки из застывшей лавы — базальта, а сверху — ледяные шапки. 97% площади Земли Франца-Иосифа покрыто льдом.

Маленький островок Уиндворт похож на разрушенный замок.

И до сих пор море продолжает разрушать эти острова: подмывает берега, они осыпаются, базальтовые площадки трескаются, ломаются и обваливаются кусками. Из этих кусков и остатков размытого основания образуются прибрежные отмели, по которым видно, что острова все время скачками поднимаются вверх. Эти отмели, как террасы, лежат на склонах острова одна над другой.

Такие маленькие острова, как этот остров Уиндворт, замечательно красивы. Смотришь на них—и представляется, что перед тобой стоит старинный замок с высокой крепостной стеной с башнями и бойницами. Так и хочется пойти побродить по этому замку.

Как только мы бросили якорь, все мои сотрудники стали проситься на берег.

---

[1] **Остров Уиндворт назван по имени корабля экспедиции Дженсона, зимовавшей на Земле Франца-Иосифа в 1894—1897 годах.**

Олени-путешественники

Я отпустил их. Они сели на шлюпку и уехали. А когда вернулись, привезли на корабль свои находки: коллекции камней, целый букет мхов и засохших растений и оленьи рога.

Если бы такие рога нашли на севере Сибири, ничего удивительного не было бы в этом: в Сибири олень — не редкость. Но здесь, на острове Уиндворт, оленьи рога — замечательная находка.

С тех пор, как в 1873 году австрийская экспедиция открыла Землю Франца-Иосифа, здесь побывало много людей. Несколько экспедиций зимовало на разных островах, обошло весь архипелаг вдоль и поперек, но ни разу никто не встречал живого оленя.

Откуда же рога? Может быть, кто-нибудь случайно завез их сюда? Нет, не случайно. Старые оленьи рога не раз находили и на других островах Земли Франца-Иосифа.

Тогда, может быть, олени жили здесь, но теперь вымерли? Нет, и такое об'яснение не годится. Если бы олени здесь жили, рога и скелеты встречались бы чаще.

Остается одно предположение: олени еще недавно заходили, а может быть, и теперь заходят на Землю Франца-Иосифа.

Но это предположение как будто совершенно невероятно. Как пойдут олени по морю на острова, до которых от ближайшего берега больше трехсот миль? Да и к чему им такое путешествие на эти голые острова, где даже мхи — редкость?

И все-таки хотя это невероятно, но возможно. А раз нет доказательств, что этого не может быть, нельзя отказываться от такого предположения. Нужно порыться в памяти, в истории, вспомнить то, что мы знаем об арктических морях и землях и об оленях, и тогда, может быть, найдется ответ на эту загадку.

И вот оказывается, что этот ответ легче всего найти, посмотрев на морскую карту. На карте черной линией показана береговая черта. Мы привыкли считать, что эта черта — граница земли и моря. Но если по той же карте мы изучим глубины, сразу станет ясно, что настоящая граница суши и моря не здесь. От берегов на десятки, а иногда и на сотни километров тянется береговая отмель. Глубина на этой отмели медленно и постепенно увеличивается приблизительно до двухсот метров. Тут отмель круто обрывается, глубина доходит сразу до двух—трех тысяч метров, а дальше дно идет опять ровно.

Когда изучили береговые отмели, оказалось, что это — продолжение берегов. В одних местах море наступало и постепенно, метр за метром, превращало берега в отмели, в других, наоборот, отступало, и тогда отмели превращались в берега.

Эти превращения происходят и сейчас: берега Бельгии и Голландии, например, с каждым годом опускаются все ниже и ниже, и жителям этих стран приходится плотинами отгораживаться от моря, зато берега Норвегии за каждые сто лет поднимаются на целый метр.

Суша и море, оказывается, меняются местами, но это бывает только там, где берег не очень высок и море не очень глубоко. Там же, где глубина две тысячи метров и больше, — там всегда было только море, и там его настоящая граница.

И вот если проследить по карте глубины вокруг Новой земли, Земли Франца-Иосифа, Шпицбергена, Земли короля Карла, сразу станет ясно, что тут повсюду одна сплошная отмель. А это значит, что когда-то — и, может быть, не один раз — тут повсюду была суша, которая опускалась и поднималась. В этом нет ничего удивительного: наоборот, сегодняшние факты подтверждают это. Ведь мы же видели террасы на берегах островов и убедились, что эти острова до сих пор поднимаются вверх.

Все это, конечно, очень интересно, но это еще не дает об'яснения. Ну, пускай была суша, но ведь это было так давно, что никакие оленьи рога не сохранились бы с тех пор. Опять как будто мы зашли втупик. Но тут на помощь нашим знаниям об истории образования морей и островов приходят наши знания об оленях и о сегодняшней Арктике.

Олени очень любят особый мох — ягель. В поисках ягеля они совершают огромные переходы — это мы знаем.

На Шпицбергене есть богатейшие заросли ягеля — это мы тоже знаем.

А зная это, мы можем строить наши предположения дальше. Когда здесь была суша, предки теперешних оленей каждое лето ходили пастись на Шпицберген. Раньше они, как хотели, выбирали дорогу. Потом суша начала опускаться, море залило низкие места, и у оленей осталась одна дорога: по горным хребтам, по возвышенностям и плоскогорьям.

Тысячи лет, а может быть, и десятки тысяч лет олени ходили от хребта к хреб-

ту, от горы к горе и по наследству передали своим потомкам уменье находить эту дорогу. А море все наступало, оно залило все оленьи дороги; остались одни горы, превратившиеся в острова. Но олени попрежнему шли пастись на Шпицберген.

В этом нет ничего удивительного. Известно, например, что птицы десятки тысяч лет летают по одним и тем же дорогам. Когда изучили птичьи дороги, оказалось, что они лежат там, где были когда-то острова.

Но птицам проще: не все ли равно, где лететь: над морем или над сушей?

Оленям приходится идти там, где раньше была суша, а теперь море.

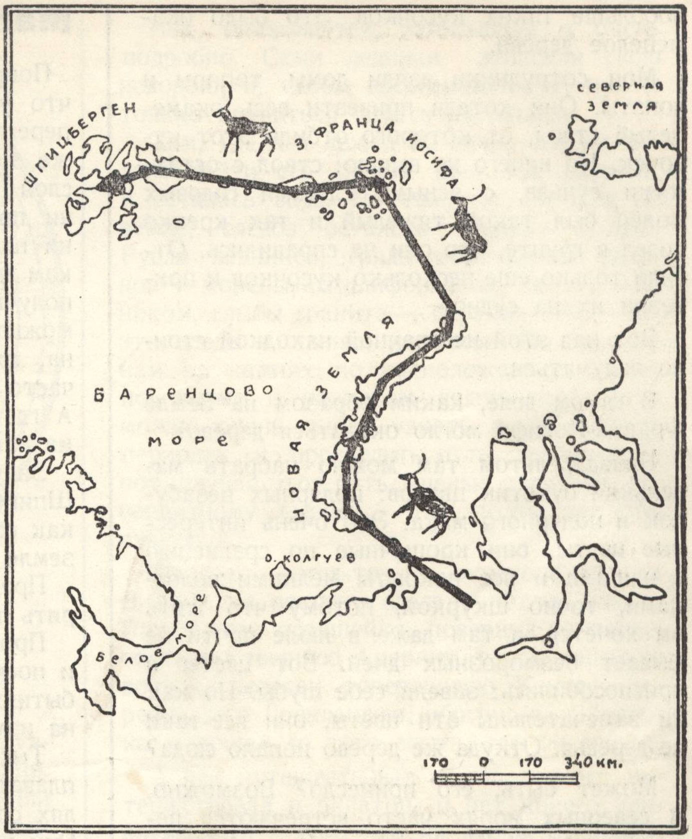
Возможно ли это? Оказывается, возможно.

Во-первых, олени идут зимой по льду. Они идут с северных отрогов Урала, по склонам хребта Пай-Хой, переходят пролив Югорский шар[1], пересекают остров Вайгач, по льду переходят Карские ворота, по Новой земле доходят до Маточкина шара, переправляются через него, доходят до мыса Желания — самой северной точки Новой земли, — а там по льдам — на острова Земли Франца-Иосифа. Отсюда, когда по сплошному ледяному полю, когда на дрейфующих льдинах, они двигаются на запад, к островам Земли короля Карла, а там недалеко и до Шпицбергена.

Вот какое огромное и опасное путешествие предпринимают олени за кормом!

По дороге им приходится преодолевать массу препятствий. Бывает, например, что какой-нибудь пролив еще не замерз, когда они отправились в путешествие, или ветер взломал лед, — тогда всем стадом они бросаются в воду и плывут. Я сам видел одну фотографию 1911 года. На этой фотографии снята замечательная переправа оленей через Маточкин шар. Впереди на этой фотографии плывет красивый белый олень — вожак стада.

Пробраться вплавь — это еще не так страшно: хуже голод, который приходится

Вот какое огромное путешествие совершают олени.

терпеть оленям на всем пути. Но они и голод переносят. Человек привык есть больше, чем надо, и то может прожить несколько дней без пищи, а звери привыкли подолгу голодать. Еще страшнее голода медведи. Они нападают на истощенных тяжелым переходом оленей, пожирают их, и на голых островах, точно памятники отважным путешественникам, остаются оленьи рога.

Вот откуда они на Земле Франца-Иосифа, и вот как много может рассказать одна такая находка.

Интересная находка

Но в коллекции, которую привезли с острова Уиндворт мои сотрудники, была находка поинтереснее этой.

Оленьи рога красивы, а эта находка на вид ничего замечательного не представляла. Просто черный тяжелый камешек, какой-то кусочек Земли Франца-Иосифа. Но когда я рассмотрел этот кусочек, я послал на берег шлюпку и попросил, чтобы привезли

[1] На севере большинство проливов называется шарами, а мысы — носами.

побольше таких кусочков. Это было окаменелое дерево.

Мои сотрудники взяли ломы, топоры и лопаты. Они хотели привезти весь окаменелый ствол, от которого отбили этот кусочек. Но ничего не вышло: ствол с остатками сучьев, с ясными следами годовых колец был такой тяжелый и так крепко сидел в грунте, что они не справились. Отбили только еще несколько кусочков и привезли их на судно.

Вот над этой невзрачной находкой стоило задуматься.

В самом деле, каким образом на Земле Франца-Иосифа могло оказаться дерево?

Правда, летом там можно набрать маленький букетик цветов: полярных незабудок и полярного мака. Это очень интересные цветы, они крошечные по сравнению с нашими и все покрыты мелкими волосками, точно шкуркой, потому что жить им хочется, а там даже в июле почти не бывает безморозных дней. Вот цветы и приспособились: завели себе шубы. Но как ни замечательны эти цветы, они все-таки не деревья. Откуда же дерево попало сюда?

Может быть, его принесло? Возможно. В северных морях часто встречаются целые стволы, вынесенные льдом из сибирских рек. Эти стволы выбрасывает волна, и на некоторых островах можно найти горы таких деревьев — их называют плавником. Но у плавника все сучья начисто сбиты льдом, весь ствол обглодан и округлен, как на токарном станке, а у этого торчали сучья.

Значит, это дерево попало сюда другим путем, а может быть, оно даже выросло здесь, на Земле Франца-Иосифа.

Могло это быть? Могло!

Ведь мы знаем, что на Новой земле, на Земле Франца-Иосифа и особенно на Шпицбергене есть каменный уголь. На Земле Франца-Иосифа его не так уж много, хотя, например, в 1904 году экспедиция Фиала нашла уголь и целую зиму пользовалась им. А на Шпицбергене зато сколько угодно прекрасного каменного угля. Там есть наши советские шахты и наши углекопы-стахановцы в этом году наработали столько угля, что завалили все склады. По плану, за углем на Шпицберген должен был в мае пойти пароход. А пришлось еще в марте послать ледорез «Литке» и несколько пароходов, чтобы вывезти уголь со Шпицбергена. Откуда же там уголь?

Магнолии на Шпицбергене

Попробуем разобраться в этом. Мы знаем, что уголь — это слежавшиеся и частично перегоревшие в земле растения. Сколько же нужно растений, чтобы образовался слой угля больше метра толщиной! Здесь ни полярного мака вместе с незабудками, ни плавника не хватит. Да и по отпечаткам на кусках угля видно, что этот уголь получился не из полярных растений. Там можно найти отпечатки тополя, бука, клена, грецкого ореха. Там, например, очень часто попадаются отпечатки магнолий. А где вы найдете магнолию севернее Крыма или Кавказа?

Значит, остается предположить, что на Шпицбергене был когда-то такой климат, как сейчас на Кавказе. Значит, климат на земле меняется.

Предположить это легко, но как проверить такое предположение?

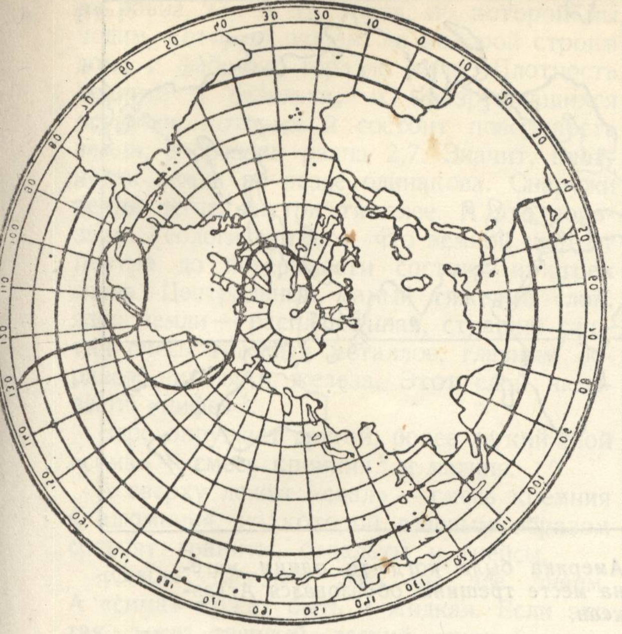
Проще всего заглянуть назад в историю и посмотреть, нет ли записей о таких событиях и фактах, которые указывали бы на изменение климата. Давайте посмотрим.

Тысячу лет назад скандинавские мореплаватели на маленьких парусных кораблях совершали замечательные путешествия. Они плавали на юг, в Средиземное море, и на север, к берегам Шпицбергена, Исландии и Гренландии. На берегах Гренландии они основали богатейшие колонии — поселения, жители которых занимались зверобойными промыслами. Из Гренландии в Норвегию и обратно все время ходили корабли, и во время этих переходов никогда не встречали льдов.

А в наше время невозможно пройти к берегам Гренландии, не встретив льдов, — вот один факт. А вот другой факт: на самом юге Гренландии есть мыс Фаруэл. Фаруэл — это значит «путешествуйте хорошо». На этом мысе норвежские колонисты тысячу лет назад прощались с уходившими на родину кораблями и желали им счастливого плавания.

Тысячу лет назад, при короле Эрике Красном, этот мыс стоял на острове. Между этим островом и Гренландией по проливу Икек свободно ходили корабли. А теперь сплошной ледник накрыл и пролив и остров, и мыс Фаруэл теперь считается южной оконечностью Гренландии.

Начиная с 1261 года появляются сведения о встреченных в плавании льдах. С тех пор все труднее и труднее становилось плавать к берегам Гренландии, и, наконец, в

Так путешествует Северный полюс.

начале 15-го века плавать стало так трудно, что норвежцы бросили свои колонии. Вскоре эскимосы разграбили и уничтожили их остатки, а в наше время вся Гренландия — страна сплошных льдов.

Значит, тысячу лет назад в Гренландии было теплее. А что было в то время на юге? Оказывается, там были такие холода, что Черное море замерзало. В 1034 году большие льдины принесло в Константинополь. Около этого времени замерзал Нил в Египте — вот вам и еще один факт.

Значит, действительно менялся и меняется климат даже за такой короткий промежуток времени, как тысяча лет.

Но это незначительные изменения. Они недостаточны для того, чтобы на Шпицбергене выросли тропические леса.

Значит, нужно заглянуть еще глубже в историю земли. И здесь мы тоже находим замечательные факты.

История, которую записали ледники

Вы, наверное, слышали о ледниках и о ледниковых периодах. Очень давно, много тысяч лет назад, в теперешней Европе стояли страшные холода. Моря и реки замерзли. Всюду лежали огромные слои льда. Льды доходили до теперешнего экватора.

Откуда мы знаем об этом? Ведь никто этого не записывал?

Нет, оказывается, записывали и очень подробно. Сами ледники записали свою историю, и, чтобы восстановить ее, нужно только научиться читать их записи.

Там, где лед лежал на море, мы не можем найти его следов. Был лед, растаял, и осталась вода. Но там, где он шел по земле, следов осталось сколько угодно. Русла ледников, гряды обкатанных валунов — морены, отшлифованные, как напильником, глыбы гранита — бараньи лбы — все это следы и записи ледников. По царапинам на камнях по расположениям морен, по форме и размерам ледниковых русел можно очень много узнать о ледниковых периодах и проследить путь ледников. И вот, изучая этот путь, ученые пришли к невероятному выводу... что полюс путешествует!

Он был когда-то на экваторе, потом свернул на восток, сделал петлю вокруг Панамского перешейка, повернул на запад, обогнул Северную Америку, опять пошел на восток, пересек теперешнюю Канаду, перебрался в Гренландию, обогнул ее с востока и дошел до того места, где он сейчас.

А раз путешествовал полюс, значит, путешествовал и экватор, и нет ничего удивительного в том, что на месте Шпицбергена были когда-то тропики.

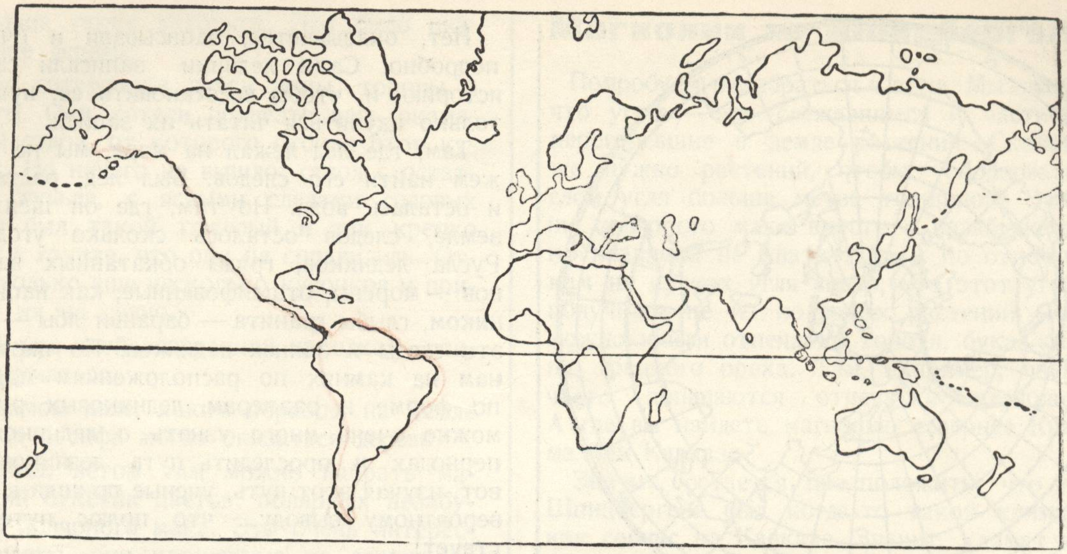
Но как же так путешествовал полюс? Может быть, перемещалась ось вращения земли? Нет, астрономы доказали, что этого не могло быть. Да это и так ясно: самый маленький волчок, и тот не хочет изменять положения своей оси в мировом пространстве до тех пор, пока не прекратится вращение.

Что же получается: с одной стороны, совершенно ясно, что полюс путешествовал, а с другой—совершенно ясно, что он стоял на месте!

Здесь наука зашла в такой тупик, что долго не могла из него выбраться. Ученые и исследователи предлагали много разных об'яснений, было сделано много предположений. Иногда казалось, что задача уже решена, но потом узнавали какой-нибудь новый факт, и вся стройная теория разваливалась и выбрасывалась, как разбитый горшок.

И только сравнительно недавно как-будто нашлась разгадка этого удивительного явления. Нашел ее молодой немецкий ученый Вегенер.

Он пошел по новому, совершенно неожиданному пути, и замечательно, что этот

Европа, Африка, Северная и Южная Америка были когда-то одним материком. Этот материк раскололся, и на месте трещины образовался Атлантический океан.

путь тоже начинается со старой, всем известной географической карты.

Вегенеру бросилось в глаза, что очертания западных берегов Европы и Африки и восточных берегов Северной и Южной Америки очень похожи. Если вырезать контур западного берега Европы и Африки и придвинуть к восточному берегу Америки, между материками останется узкая полоска воды. Точно так же западный берег Гренландии почти вплотную подойдет к Баффиновой земле; Баффинова земля плотно придется к берегам Канады... Но еще поразительнее будут эти совпадения, если взять не береговую линию, а ту линию двухсотметровой глубины, которую мы с вами договорились считать настоящими границами суши и океана.

Оказывается, эти линии сходятся по очертаниям так, как края двух плавающих льдин, отколовшихся друг от друга.

Получается, как будто Европа, Африка, Северная и Южная Америка были когда-то одним материком, потом этот материк треснул, раскололся, трещина разошлась, и на месте ее образовался Атлантический океан.

Вот к какому удивительному выводу пришел Вегенер, разглядывая карту! Но еще удивительнее оказалось то, что этот вывод сразу же подтвердился целым рядом фактов.

Геологи и ботаники еще до Вегенера поражались, что до какого-то определенного времени в Западной Европе и Африке и в Восточной Америке росли одни и те же растения. Потом американские растения стали развиваться по-своему, африканские и европейские — по-своему. То же самое заметили и зоологи: животные на обоих берегах до какого-то времени развивались одинаково, а потом пошли по разным дорогам. И самый характер почвы и древние горные образования — все говорило, что существовала какая-то связь между материками. Эта связь так бросалась в глаза, что требовала об'яснения. Чтобы об'яснить ее, придумывали разные теории и гипотезы. Придумали, например, Атлантиду — материк, который будто бы соединял Европу и Америку, а потом провалился в океан... Придумали и другие несуществующие материки—Лемурию и материк Гондвана.

А тут оказалось, что все эти загадочные явления об'ясняются без всяких придуманных материков да еще служат хорошим доказательством новой теории. Надо только додумать ее до конца, об'яснить, как же могли треснуть огромные материковые глыбы и как эта трещина могла расползтись на тысячи километров.

Вегенер нашел об'яснение и этому.

Плавающие горы

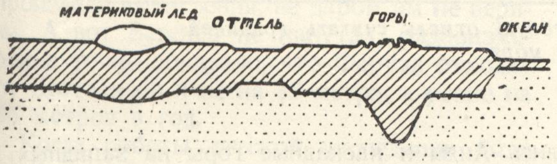
Он знал, что астрономы точно определили удельный вес (плотность) земного шара. Оказывается, плотность земного ша-

ра равна 5,6. А та земля, по которой мы ходим, которую пашем, на которой строим дома и фабрики, гораздо легче. Плотность гранита и базальта, из разрушившихся остатков которых и состоит поверхность земли, в среднем равна 2,7. Значит, плотность земли не везде одинакова. Снаружи земля легче, внутри тяжелее. И это доказано. Геологи считают, что земной шар от центра до поверхности состоит из трех слоев. Центральный, самый тяжелый слой, ядро земли — расплавленная, страшно сжатая смесь тяжелых металлов, главным образом никеля и железа. Этот слой называют «нифе» [1].

Ядро окружает другой, более легкий слой «сима» — смесь кремния [2] и магния.

А сверху лежит «сиал» — смесь кремния и алюминия, из которой главным образом состоят граниты, базальты и гнейсы.

«Сиал» твердый. Это мы все знаем. А «сима» может быть и жидкая. Если это так, тогда твердый легкий «сиал» может плавать на жидкой тяжелой «симе», как лед на воде.

Земная кора прогибается под тяжестью гор и ледников.

Еще задолго до Вегенера ученые Пратт и Эри, основываясь на результатах разных исследований и наблюдений, пришли к этому удивительному выводу. Они создали целую теорию, с помощью которой об'яснили одно явление, о котором мы уже говорили и которое раньше казалось загадочным и непонятным.

На примере маленького острова Уиндворт мы видели, что земля поднимается и опускается. Раньше трудно было об'яснить это вертикальное движение земной коры, а тут все стало ясно. Если на плавающую льдину ляжет морж, льдина глубже уйдет в воду. Точно так же и материк потонет, если почему-либо станет тяжелее, и, наоборот, всплывет, если станет легче.

На основании теории Пратта и Эри можно составить схему, из которой видно, что там, где лежит материковый лед, твердый «сиал» прогибается и глубже погружается в жидкую «симу»; там, где стоят горы, «сиал» сидит еще глубже, а зато под океанами и под отмелями «сиал» плавает тонким слоем на самой поверхности жидкого ядра земли.

Если ледники почему-нибудь растают, продавленная тяжестью льда земная кора выпрямится и всплывет. Если на дно океана осядет слишком много осадков, дно опустится, уйдет глубже в «симу».

Конечно, все это происходит не сразу. Иногда нужны тысячелетия, чтобы сколько-нибудь заметно поднялась или опустилась земная кора, но иногда, как мы уже знаем, достаточно сотни лет, чтобы земная кора поднялась на целый метр.

Если все это верно (а это подтверждается целым рядом фактов), тогда нет ничего удивительного и в том, что материки двигаются не только вверх и вниз, но и путешествуют по поверхности земного шара. Они сталкиваются, раскалываются и расходятся в стороны друг от друга.

А раз путешествуют материки, раз они переходят с места на место, тогда нет ничего удивительного и в том, что та часть земной коры, которая миллионы лет назад была на полюсе, «переселилась» к экватору и наоборот. Все это и легло в основу теории Вегенера, с помощью которой он об'яснил и путешествие материков, и перемены климата на земле, и необыкновенное сходство береговой линии Европы и Африки и обеих Америк.

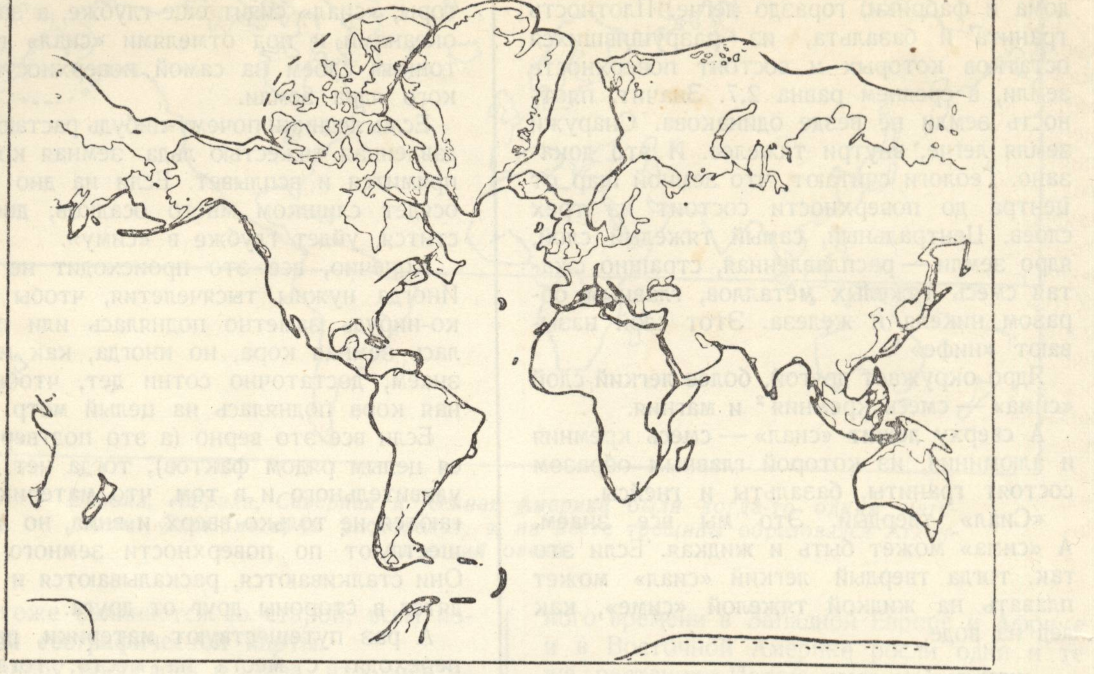
Жидкость тверже стали

Все сходилось очень хорошо в теории Вегенера, но тут вдруг перед ним встало серьезное затруднение. Дело в том, что астрономы, геологи и сейсмологи, наблюдая влияние приливов, отливов, извержений и землетрясений, совершенно точно доказали, что «сима» (на которой должен плавать «сиал») вовсе не жидкая, а очень твердая — в три раза тверже стали!

Выходит, что должна рухнуть вся удобная и стройная теория! Но Вегенер и здесь нашел об'яснение.

Если бросить палочку сургуча на пол, она просто расколется. Если ударить ее молотком, она разлетится на мелкие кусочки. Значит, сургуч твердый. Но стоит ту же самую палочку положить так, чтобы середина ее была на весу, а концы опирались на что-нибудь, и уже через неделю палочка прогнется. Кусок пробки ни за что не

[1] Феррум — по-латыни железо.
[2] Кремний — по-латыни силициум.

Так выглядит карта мира, если береговую отмель считать границей суши и моря.

вдавишь в кусок твердой смолы, а если положить на дно кастрюли пробку, сверху накрыть ее твердой смолой, то через несколько месяцев пробка сама вылезет на поверхность — всплывет, несмотря на то что смола все время как будто оставалась твердой. И если верно, что «сима» в три раза тверже и вязче стали и в десять тысяч раз тверже сургуча, значит, то, что происходит с сургучом в месяц, с «симой» произойдет в тысячу лет. Значит, дело только во времени.

С помощью своей замечательной теории Вегенер об'яснил и еще ряд явлений.

Он об'яснил, например, образование складчатых гор на западных берегах материков и вулканических — на восточных.

Было много разных об'яснений этих явлений, но все они упирались в неразрешимые трудности. Вегенер же об'яснил все очень просто: материки «плывут» с востока на запад. Передний, западный край плывущего материка упирается в затвердевшую «симу». Остальная масса материковой глыбы напирает сзади, и материк морщится, сгибается в складки, как капот автомобиля, налетевшего на стенку: так образовались Анды и каскадные горы на западных берегах американских материков.

Задний, восточный конец материка цепляется за «симу», куски материка отрываются и остаются позади островами, а трещины превращаются в вулканы. Так от берегов Азии оторвались Сахалин и Япония, так от Америки оторвались Антильские острова. Так образовались гирлянды островов позади плывущих материков, и так возникло большинство вулканов.

Вегенер об'яснил и причины, которые заставляют материки двигаться. Главная из них, оказывается, та же, которая вызывает приливы и отливы. Солнце и луна притягивают материки, задерживают их, и они отстают от общего движения земного шара. Но материковые глыбы неодинаковы по своему весу, поэтому одни отстают больше, другие меньше, а значит, одни двигаются быстрее, другие медленнее.

Теория и практика

Но все это были теоретические об'яснения, а Вегенеру этого было мало. Он решил доказать свою теорию на деле.

Прежде всего он подсчитал, движутся ли материки в наше время.

Тут получились удивительные цифры. По его подсчетам, выходило, что Буэнос Айрэс каждый год уходит от Капштадта на целый метр. Мадагаскар отстает от Африки на девять метров, а мыс Фаруэл (Гренландия) обгоняет Шотландию на 36 метров в год! Это были совершенно невероятные цифры, но в истории нашлись данные, которые подтвердили их. В Гренландии в 1823 году, в 1870 и в 1907 году производились астрономические определения. И по этим определениям вышло, что Гренландия догоняет Лабрадор и уходит от Европы со скоростью 32 метров в год. Эти данные астрономических определений давно были всем известны, и все-таки почти никто не поверил в эти цифры. Да и трудно верить точности определений, которые сделаны больше ста лет назад.

И вот отправилась в Гренландию датская экспедиция и с помощью радио точно проверила цифры и старые определения. Так и оказалось, что старики напутали: неверно произвели вычисления, не даром им не верили. А вот Вегенер не напутал: радиоизмерение точно доказало, что Фаруэл отходит от Шотландии и не на 32 метра, а ровно на 36 метров в год.

Когда работы датской экспедиции были опубликованы, тогда спохватились мастера точных определений—астрономы—и вспомнили, что их обсерватории неизвестно почему ползут со своих мест. Парижская обсерватория за 28 лет уехала на три с половиной метра, а знаменитая Гринвичская обсерватория, от которой идут все отсчеты на картах, за 18 лет передвинулась на полтора метра.

Но Вегенеру и этого было мало. Он решил проверить, правда ли, что материки тонут и всплывают.

По его подсчетам, выходило, что Гренландия — огромная тарелка. Тяжесть ледников, наросших на ней, должна продавить середину огромного острова. Так говорила теория. А факты как будто говорили обратное: середина Гренландии поднимается на 4 тысячи метров над уровнем моря. Как Альпы. Хороша тарелка!

Тогда Вегенер сам поехал мерить лед в Гренландии. Он воспользовался замечательным способом для измерения толщины ледников. Копать шахты, сверлить скважины было бы очень долго. Вегенер вместо рулетки пустил в толщу льда звук. Наверху сделали взрыв, звук понесся по льду, отразился от дна и вернулось эхо. Очень точные часы определили, сколько времени ушло на это путешествие, а отсюда, зная скорость звука во льду, определили толщину ледника.

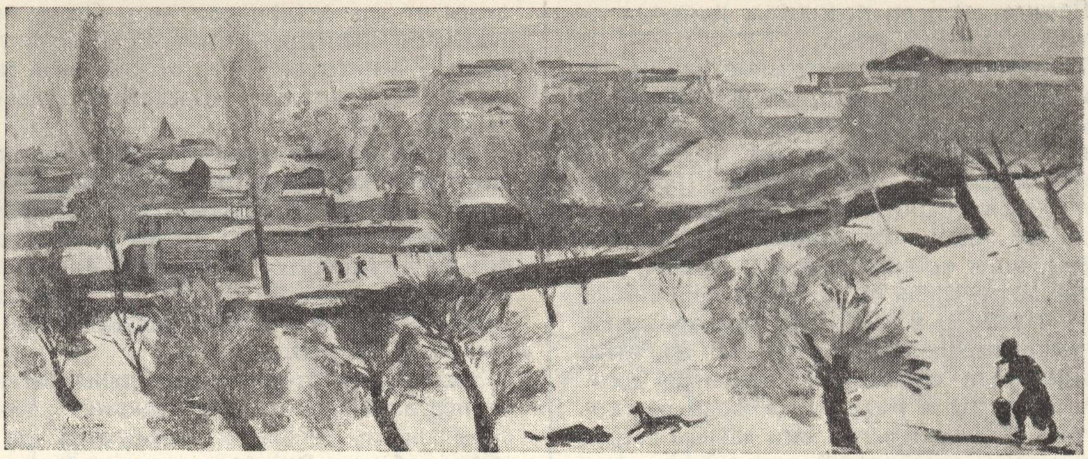
Оказалось, что толщина льда в Гренландии — три тысячи метров. Этот лед действительно продавил остров. Да и немудрено: по об'ему гренландский ледник в сорок раз больше Немецкого и Балтийского морей вместе взятых. Если бы он вдруг растаял, уровень мирового океана поднялся бы на несколько метров.

Значит, и в этом случае теория Вегенера подтвердилась. Сейчас многие ученые признали эту теорию и пользуются ею в своих работах. Эта теория помогает океанографам легче понять устройство морского дна, береговых отмелей и материковых склонов, биологам она помогает прослеживать историю развития видов, климатологам дает пути для разгадки истории климата и всех вместе учит тому, как самые разнообразные знания, накопленные человечеством, сведенные вместе помогают разрешить самые сложные задачи.

Но самое главное значение теории Вегенера в том, что она заставила проверить запасы знаний, собранных веками, подтвердила одни теории, пошатнула другие и расшевелила мысли ученых всего мира.

Если даже Вегенер и неправ, это ничего не значит. Если бы он выдумал из головы свою теорию, как это иногда делают некоторые ученые, — тогда другое дело. Но он честно перебрал тысячи фактов, вспомнил и сопоставил массу сведений, собрал гору материала и, наконец, самую жизнь отдал за свою научную идею: он погиб в Гренландии во время одной из своих экспедиций.

И до сих пор есть много ученых, которые не согласны с Вегенером. Есть много противников его теории, но я лично думаю, что Вегенер все-таки прав. Во всяком случае, до тех пор, пока мне не докажут совершенно твердо, что все это неверно, я буду изучать его теорию, придерживаться ее и пользоваться ею. Вот на какие размышления навел меня маленький кусочек окаменевшего дерева. Я спрятал его и привез на берег, а когда мы вернулись в Москву, подарил его ребятам из Музея детской книги для их арктической коллекции. Он и сейчас лежит там, и, может быть, еще кого-нибудь натолкнул на размышления о полярных плаваниях, о далеких северных островах, о прошлом, настоящем и будущем нашей земли.

Южная зима.

Мартирос Сарьян

Н. Машковцев

На этих страницах напечатаны фотографии с трех картин Мартироса Сарьяна, народного художника Армении. Но эти фотографии — только бесцветная тень его ярких и многокрасочных картин. Поэтому мы решили показать нашим читателям хотя бы одну картину Сарьяна в цвете. Посмотрите на обложку журнала, там напечатана его картина «Дети и фрукты». Мы взяли ее с выставки, привезли к себе в редакцию, и наши печатники постарались воспроизвести на обложке все горячие краски, которыми писал свою картину художник.

Его работы есть в Третьяковской галлерее, в Москве; посмотрели на них, и кажется, что в тихие и прохладные залы этого Музея привезли и повесили на стены кусок настоящей Армении, яркой, солнечной и горячей. Живопись Сарьяна нельзя не запомнить: так она ярка и многоцветна. Она своей декоративностью напоминает богатые восточные ковры, отличаясь от ковров тем, что изображает природу, людей, животных, цветы и плоды. Эти картины похожи на ковры еще и потому, что все изображено на них обще, без подробностей.

Сарьян родился в 1880 году в Нахичевани, близ Ростова на Дону; учиться живописи он приехал в Москву, в Школу живописи, зодчества и ваяния, где тогда преподавали Серов и Константин Коровин. Эти учителя научили Сарьяна владеть живописными материалами, научили работать с натуры, понимать и любить искусство. Но всего этого было мало Сарьяну. Он хотел добиться уменья передать в живописи, красками, свои детские впечатления южного солнца, величие южной природы, горы, покрытые снегом, и долины, заросшие фруктовыми деревьями. Начиная с 1908 года Сарьян предпринимает все более и более далекие поездки на юг и восток. Он путешествует по Кавказу, затем отправляется в Турцию, Персию и Египет.

Сарьян очень любит природу своей родины Армении. Теперь он живет в Ереване (Эривань), столице советской Армении. Он видит новых людей, которых воспитали и вырастили Сталин и Советская страна. Он стремится показать нам портреты этих новых людей, людей творчества: ученых, поэтов, изобретателей, рабочих-ударников. Он хочет писать человека, который строит жизнь, любит жизнь и чувствует себя ее творцом. Этого он пытается достигнуть в своих новых картинах.

«В каждом портрете, который я пишу, я хочу передать прежде всего не внешнее сходство, а внутренний облик данного человека, я стараюсь заставить его забыть о том, что он позирует, я беседую с ним, навожу его на близкие, волнующие его темы и только в момент, порой очень короткий, когда замечаю, что этот человек озарен творческой мыслью, я спешу написать его».

Вся жизнь Сарьяна — это труд, труд в искусстве. Его картины, которые некоторым кажутся сделанными легкой кистью,—плод огромного труда и большой культуры. Не даром правительство Советского союза наградило его орденом Трудового красного знамени. Но настоящий художник никогда не кончает учиться.

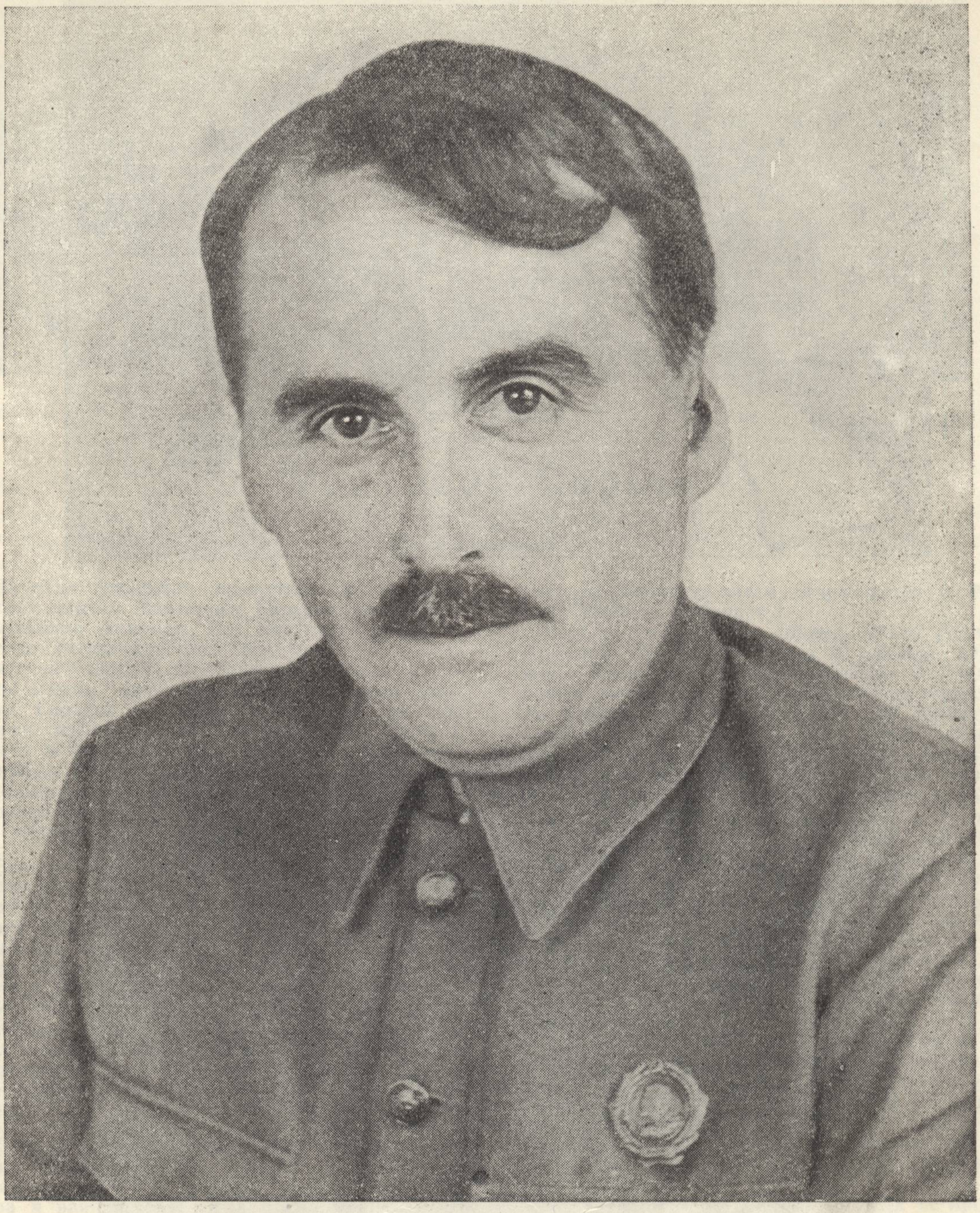
«Изучая природу и жизнь во всех ее проявлениях, — пишет Сарьян, — нужно помнить, что только тогда наши произведения будут убедительными, когда мы будем постоянно работать над повышением культуры нашего живописного языка. И эта упорная работа должна быть органически связана с внимательным и любовным изучением жизни нашей страны, страны социалистического строительства. Раскрыть эту жизнь в полноценных, художественных реалистических образах — почетная и ответственная задача каждого советского художника».

Дворик колхозников.

Прием винограда.

Иван Васильевич Котлов—начальник пожарной охраны Главнефти. В этом номере помещен рассказ тов. Котлова о том, как был потушен пожар на Майкопских промыслах и за что правительство наградило его орденом Ленина.

Пожар на скважине № 45

Рассказ Ив. Вас. Котлова

В детстве меня больше всего интересовала работа пожарных. Может быть, это было потому, что недалеко от нашего дома находилась пожарная часть. Меня поразили блестящие каски пожарных и звучный колокол, который гудел каждый раз, когда они выезжали на пожар. Я простаивал целые дни около пожарных ходов и первым из всех мальчишек прибегал на любой пожар.

Окончательно я решил стать пожарным после одного случая.

На окраине бывшего Нижнего Новгорода начался сильный пожар. Он охватил сразу несколько домов. Когда один дом уже весь пылал и готов был рухнуть, кто-то закричал, что в мезонине дома осталась девушка. Один пожарный кинулся в огонь. Я стоял внизу и волновался. Вдруг на лестнице, окутанной пламенем, показался пожарный. В руках он нес девушку. Меня очень поразила его самоотверженность. «А я смог бы кинуться в огонь?» — думал я, уходя домой. С этого времени я решил стать пожарным.

Скоро я подружился с начальником пожарной части и с 18 лет пошел учиться в пожарное училище

С тех пор прошло уже 22 года. И за это время мы с товарищами потушили пожаров пятьсот, если не больше. Но один пожар мне запомнился на всю жизнь.

Это произошло на Майкопских нефтяных промыслах. За тушение пожара правительство наградило меня орденом Ленина.

Дело было в июне 1931 года. Я был начальником пожарной охраны Майкопского района. Вдруг мне сообщают, что скважина № 15 открылась и оттуда бьет фонтан нефти. Сила этих нефтяных фонтанов очень велика: я как-то взял палку и ударил ею по струе нефти — палка сломалась пополам, а струя как ни в чем не бывало продолжала бить вверх.

Фонтан, о котором мне сказали, был очень сильный: он бил на высоту 80 метров. Разговаривать около него из-за шума совсем было нельзя. Мы писали палочками по песку. Скоро вся местность вокруг этой скважины была залита нефтью. Деревья стояли черные, нигде не было зелени. Вся одежда у нас была пропитана нефтью. Даже гуси, и те ходили совсем серые. По дорогам текли целые реки нефти. Мы сделали запруды, но сильные потоки снесли их, и нефть поплыла по реке Кубани. Нефть не пропускала воздуха в воду, и там умирала рыба. Нефть скапливалась у деревянных мостов — это было очень опасно. Малейшая искра могла создать страшный пожар. Я распорядился, чтобы оцепили всю местность вокруг скважины и никого не пропускали со спичками и папиросами. Десять дней мы пытались закрыть этот фонтан. На одиннадцатый день этот фонтан прекратился сам. Наверное, песок, который вылетал вместе с нефтью, создал там пробку.

Так как вся местность была залита нефтью, мы решили вырубить лес. Вырубленный лес отвезли в сторону и там стали его сжигать. И как-то так случилось, что рабочие недосмотрели и начался лесной пожар. Местность вся была покрыта нефтью — и огонь распространился моментально. В этом районе было 5 фонтанирующих скважин. Огонь стал приближаться к ним. Четыре скважины рабочие и местные пожарные забросали землей, и огонь их не коснулся, а вот фонтанирующую скважину № 45 зарыть не удалось. Над ней сохранилась буровая вышка. Деревянная вышка загорелась; одно бревно, падая, ударило по задвижке, задвижка эта открыла трубу — нефть вырвалась наружу и загорелась.

Я в это время был в Баку, и вот мне приносят телеграмму, что загорелась скважина № 45. Начальник пожарной охраны Азнефти тов. Мамиконов, я и еще несколько товарищей тут же собрались, погрузили в поезд 4 пожарных машины и

поехали в Майкоп. Приехали мы днем; едем на автомобиле к промыслам, а по бокам дороги ни деревьев, ни травы нет: все черно, погорело. Километра за четыре до промысла мы увидели горящий фонтан. Колоссальный столб нефти горел ярким желтым пламенем, а над ним тянулся густой черный дым. Весь этот фонтан сгорал в воздухе, так что на землю пламя не падало. Приехали мы на место, видим: местные работники не знают, что им делать. Район этот новый, солидных машин в нем нет. Да и фонтан такой сильный, каких история мало знает. Стали мы думать, что предпринять: водой нефть тушить нельзя, нефть легче воды, всплывает наверх. Надо сказать, что не весь фонтан горел: снизу, метра три от земли, нефть не горела. Вот мы и решили сильной струей воды разбить этот фонтан, оторвать горящую часть фонтана от нижней. Поставили кругом пожарные машины, направили 40 струй воды в одну точку, но нефть оказалась сильнее, и вода отскочила от столба, как резиновый мячик. Тогда мы решили, что надо уменьшить силу нефтяного фонтана. Вокруг кратера мы устроили большой котлован, по краям обложили его мешками с землей.

В вырытый котлован мы налили воды и глинистого раствора, так что нефти приходилось преодолевать сопротивление воды. Фонтан забил слабее, но когда мы снова ударили по нему водой, столб нефти даже не поколебался.

Что тут было делать? Собрался наш штаб в палатке, и стали мы думать. Много было разных предложений. Всю ночь мы просидели, все обсуждали и спорили. Под утро решили сделать пику в 5 метров вышиной, бросить ее сверху, чтобы она воткнулась в кратер и остановила фонтан. Сделали мы пику и на железном тросе подвели ее к скважине. Потом отпустили трос. Нефтяной фонтан тут же оттолкнул пику, и она отлетела в сторону, как легонькая палочка. Опять ничего не вышло.

Тогда наш инженер предложил сделать чугунные литые шары.

— Вот,— говорит,— эти шары мы спустим по трубе в кратер, и они остановят фонтан.

Мы подумали и согласились. Через несколько дней нам привезли шары из Туапсе. Каждый шар весил по 2—3 килограмма. Мы установили на горе трубу (наклонно к кратеру) и спустили по трубе шаров шестьсот. Фонтан опять стал бить слабее. Мы обрадовались. Вдруг из кратера со страшной силой начало вышвыривать эти шары. Казалось, что их подбрасывает какой-то невидимый жонглер.

Мы с Мамиконовым стояли совсем близко от фонтана, и, когда шары стали лететь вверх, мы не отошли в сторону, а продолжали разговаривать. Один шар высоко подлетел и упал прямо на голову Мамиконову. Мамиконов зашатался и упал на землю. Смотрим: пожарная каска у него вся смялась! Эта каска спасла его от верной смерти: не будь ее — чугунный шар наверняка проломил бы голову Мамиконову. Мы положили его на носилки и отнесли в медицинский пункт.

Я опять вернулся к фонтану.

«Ну,— думаю,— все-таки заткнем мы его глотку».

А фонтан разбушевался, как зверь, ничего с ним не сделаешь. Нефти в недрах много, она вся наружу рвется. Рабочие уже все измучились, около фонтана невозможная жара... Если бы нас не поливали водой, никто бы, наверное, не выдержал. С одной стороны жар пышет от фонтана, а в спину струя холодной воды бьет. На лицо надевали сетки из парусины. Но никто не уходил. Жили мы тут же, в палатках. Работали круглые сутки. Ни о чем другом не могли думать, кроме как о пожаре. Вот, бывало, ночью лягу и никак не могу заснуть. Верчусь, верчусь с боку на бок, не выдержу, встану и иду к фонтану. Сяду около фонтана и смотрю на него. Фонтан ночью всю местность освещал кругом. Из далеких аулов видели огненный столб. Кругом все выжжено, черно, а фонтан пылает как факел. Много ночей я так около него просидел. Все следил за ним. Однажды под утро я заметил, что фонтан затихает. Сначала я даже не поверил себе. «Может быть,— думаю,— мне это показалось?» Пришел опять на следующую ночь, жду. И верно, часам к трем утра стал фонтан стихать. Так мы узнали, что ночью сила фонтана меньше. С этого времени все попытки потушить фонтан мы стали делать ночью.

Один из работников предложил сделать металлический колпак, чтобы надвинуть его на скважину. Колпак этот был колоссальный. Весил он 300 тонн. Подвигали мы его 7 дней. И тракторами тянули и лебедками его поднимали, а на восьмой день, когда мы притащили к скважине, фонтан этот колпак отбросил, и он превратился

Колоссальный столб нефти горел ярким пламенем.

в развалину. Тут к нам приехал командующий Северокавказским военным округом тов. Белов. Стали мы вместе с ним обсуждать, что дальше делать. Осталось испробовать еще одно средство — взрывы. Сначала мы думали потушить пожар, как тушат свечу. Ведь достаточно на нее сильно подуть, и она потухнет. Мы протянули над центром кратера металлический трос. По этому тросу мы пустили ящик, наполненный взрывчатым веществом. Мы думали, что когда ящик взорвется, произойдет большое разряжение воздуха и пламя потухнет. Но наш расчет оказался неправильным: пламя продолжало бушевать.

Тогда мы решили сделать подземный взрыв, чтобы засыпать землей трубу, по которой текла нефть. Мы начали рыть штольни — это была очень опасная работа. В штольнях собирался нефтяной газ — метан, — и он каждую минуту мог взорваться. Свет в штольнях мы не зажигали — работали в потемках. Никто из рабочих не ушел. Мы рыли в противогазах, иначе можно было задохнуться. Воздух там был ужасный. Некоторые падали без сознания в штольне, мы вытаскивали их на свежий воздух, но работы не прекращали. Ведь все понимали, что каждый день пожара отнимает у страны целые тонны столь нужной нам нефти!

Штольни были прорыты с трех сторон

и подходили почти вплотную к трубе. Мы заложили в них тонну взрывчатых веществ и ушли в сторону, на пригорок. Скоро раздался страшный грохот, в воздух полетели куски металла, бревна, поднялся огромный столб земли, а потом все сразу стихло: не было ни фонтана, ни огня. Мы бегом бросились к тому месту, где недавно был фонтан. На земле были большие трещины, из них вытекали струйки нефти и газа. Огня нигде не было, но кругом лежали раскаленные металлические предметы, и каждую минуту все могло снова загореться. Надо было собрать нефть в одно место. Я стоял в самом центре кратера. Я отдавал распоряжение. Вдруг вспыхнуло пламя (должно быть, нефть попала на какую-то раскаленную часть), все моментально загорелось, и я один остался посредине бушующего пламени. Мне надо было пробежать 20 метров через огонь. Я слышал, как кричали:

— Сгорел! Котлов сгорел!

В эту страшную минуту я не потерял сознания, быстро сдернул рукавицы и закрыл ими глаза. Кожу на руках начало сводить. Пламя окутало меня со всех сторон, но я не потерял ориентировки и побежал так, что ветер дул мне в спину. На земле лежали разные предметы, куски железа, небольшие трубы.

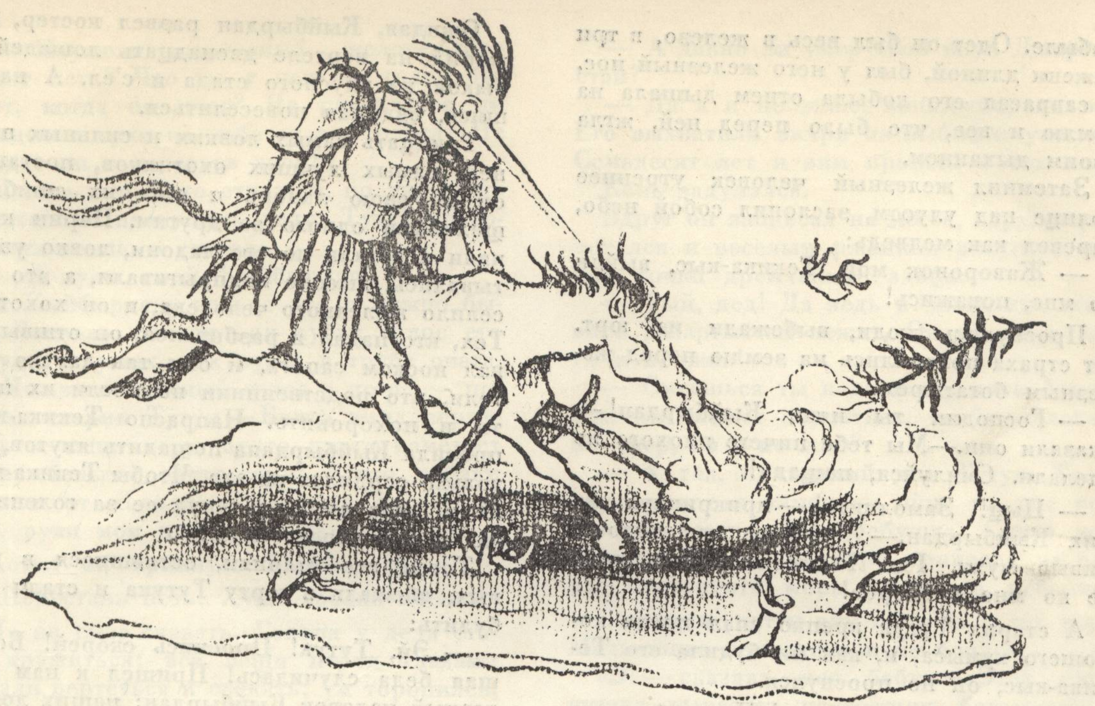
«Только бы не упасть!» — думал я.

Ничего не видя, я как-то перепрыгивал через них, но конца пламени видно не было, оно бушевало, жгло руки, ноги, уши. Всю кожу у меня свело, как у яблока, посаженного в печку. Я выбежал из пламени и упал без сознания. Целый месяц я пролежал в больнице. Руки и уши у меня почти совсем сгорели. Когда я вышел из больницы, пожар еще некоторое время продолжался, но мы вскоре потушили его подземными взрывами.

Этот пожар продолжался 7 месяцев.

Почему мы так долго его тушили? Этот фонтан нефти был одним из самых мощных фонтанов, бивших когда-либо. Из этой скважины № 45 до сих пор добывают нефть. Все те способы, которые мы знали раньше, оказались негодными при тушении этого небывалого пожара. Если бы не самоотверженность и героизм участников, мы не смогли бы этот пожар потушить. Так было в Румынии, где пожар возник одновременно с пожаром в Майкопе. Там пожар был гораздо меньше нашего, но его тушили два с половиной года и все-таки не смогли потушить. Он затих только тогда, когда кончились запасы нефти.

□□□

КОНЬ АТЫР

(Якутская сказка)

Обработала Н. Шебалдина *Рис. Ю. Кискачи*

1

Старик Тутук был самым старым человеком в ауле. К нему приходили люди советоваться по своим делам, и как, бывало, он скажет, так они и делали, зная, что старик Тутук не скажет зря. Еще бы! Ведь этому человеку было сто лет — он многое видел и слышал!

Однажды пришли люди к его юрте и с ними вороной жеребец.

— Дедушка Тутук, — сказали люди,— ты у нас в улусе самый старый человек. Ты многое видел и слышал. Послушай-ка этого жеребца, что он говорит! Не знаем, верить ему или нет!

Тут выступил вперед вороной жеребец, поклонился деду и сказал:

— Здравствуй, почтенный дед Тутук! Мое имя Атыр-конь. Моя бабушка, Сивая кобыла, прислала меня к вам с худыми вестями: на ваш улус собирается напасть железный человек Кыйбырдан. Он хочет угнать ваш скот, убить людей и жениться на внучке твоей Текике-кыс!

Тутук выслушал жеребца, но не поверил ему:

— Тый[1]! Врешь ты, конь! Сто лет я живу на свете, а железных людей никогда не встречал. Ступай на пастбище, пасись! Не твоего ума это дело.

Повернулся и ушел дед в свою юрту. Там внучка его Текика-кыс уже подала на стол кумыс и мясо; поел Тутук, попил и лег спать.

Постоял конь посреди улуса, другого ответа не дождался; замотал головой, заржал, как будто заплакал, и пошел в тайгу.

2

А на рассвете вдруг поднялся сильный ветер и прискакал в улус человек — не человек, гора — не гора, на саврасой

[1] Восклицание, которым якуты выражают удивление.

кобыле. Одет он был весь в железо, в три сажени длиной, был у него железный нос, а саврасая его кобыла огнем дышала на землю и все, что было перед ней, жгла своим дыханием.

Затемнил железный человек утреннее солнце над улусом, заслонил собой небо, заревел как медведь:

— Жаворонок мой, Текика-кыс, выйди ко мне, покажись!

Проснулись люди, выбежали из юрт. От страха повалились на землю перед железным богатырем.

— Господин ты наш, Кыйбырдан! — сказали они.— Мы тебе ничего плохого не сделали. Смилуйся, пощади!

— Цыц! Замолчите! — прикрикнул на них Кыйбырдан.— Жужжите как надоедливые мухи. Где Текика-кыс? Пошлите ее ко мне поскорее!

А старик Тутук крепко спал после хорошего кумыса, и, как ни будила его Текика-кыс, он не проснулся.

— Ступай на пастбище! Не твоего ума это дело! — бормотал он во сне, принимая внучку за вороного коня.

Кыйбырдан уже начал сердиться.

— Долго ли я буду ждать девчонку?— кричал он якутам.

Повернул свою кобылу к якутским пастбищам и приказал ей сжечь траву. Прибежали женщины к Текике-кыс, зовут ее:

— Текика-кыс, выйди поскорее! Сжалься над нами и над детьми!

Дети заплакали у женщин на руках.

— Сейчас выйду! — сказала Текика-кыс.

Нарядилась она в лучшие свои одежды, заплела в косы звонкие бляхи из серебра и меди, к поясу привязала колокольцы и, позванивая, вышла. Ласково поклонилась гостю, улыбнулась ему из-под длинных бровей и ресниц и сказала:

— Здравствуй, богатырь Кыйбырдан! Эх, эх, какой ты большой! Носом твоим, я думаю, можно лед расколоть на реке в самый крепкий мороз! Сила у тебя должна быть большая! Тебе будет стыдно, если скажут, что ты увез внучку у спящего человека!

Взял ее на ладонь Кыйбырдан и полюбовался, потом в ухо ее к себе посадил, прислушался к ее словам и сказал:

— А ведь ты правильно говоришь, Текика-кыс. Ладно, подожду я, пока не проснется старик Тутук.

Ожидая, Кыйбырдан развел костер, зажарил на вертеле двенадцать лошадей и быков из улусного стада и съел. А наевшись, вздумал повеселиться.

Тридцать самых ловких и сильных парней, самых лучших охотников, поставил он на свою ладонь и стал их сшибать щелчками одного за другим. Парни кричали и бегали по его ладони, ловко увертывались, высоко подпрыгивали, а это веселило железного человека, и он хохотал. Тех, кто падал и разбивался, он отшвыривал носком сапога, и они так далеко летели, что родственники не могли их найти и похоронить. Напрасно Текика-кыс просила Кыйбырдана пощадить якутов, он только сердился на это. Чтобы Текика-кыс не мешала ему, он сунул ее за голенище железного своего сапога.

Тогда все старики, оставшиеся в живых, вбежали в юрту Тутука и стали его будить:

— Эй, Тутук! Проснись скорей! Большая беда случилась! Пришел к нам железный человек Кыйбырдан: наших лошадей и быков жарит и ест; наших людей убивает. Твою Текику-кыс посадил за голенище железного сапога!

Наконец-то проснулся старик Тутук и очень рассердился:

— Что же вы меня раньше не разбудили?

Схватил со стены копье, наточил его и вышел.

3

— Ой, берегись! — закричал он Кыйбырдану.— Свою девчонку я тебе не отдам, и за убитых парней ты мне ответишь!

Нацелился и бросил копье прямо в глаз железному Кыйбырдану. Кыйбырдан так и присел, завыл. А пока он промывал у озера свой вытекший глаз, старик Тутук забрался в складки его железной рубахи и стал колоть его спину остро отточенным ножом. Как ни шарил ладонью по спине своей Кыйбырдан, не поймал он Тутука; как ни рычал железный богатырь, как ни скрежетал он зубами-утесами, не испугался его дед Тутук.

Тогда Кыйбырдан сел на землю, положил свое оружие и сказал:

— Да ты, я вижу, настоящий богатырь, старик Тутук! Силу и ловкость свою ты и в сто лет нисколько не потерял. А ну, давай еще сразимся — в песне!

Дед удивился:

— Неужели железный человек-гора умеет петь? Что же у него за голос бывает, когда он поет? Не разорвутся ли дождевые тучи на небе от его голоса? Не опадет ли с деревьев хвоя?

И хоть это было страшно, но уж очень захотелось послушать деду. Тутук соскочил на землю и сказал:

— А ну-ка, спой, Кыйбырдан.

А Кыйбырдану только это и нужно было. Запевая, оскалил он зубы; голос его загудел в ушах, как пурга в трубе очага.

«Что за несносный голос у него! — подумал старик Тутук.— Будто зима вернулась в наши леса; будто пурга заметает траву белыми застругами; будто собаки завыли от холода! Зубы мои стучат во рту, руки мои перестают двигаться!»

Хотел он крикнуть Кыйбырдану:

«Перестань петь! Хуже собаки воешь!»

Но не смог сказать. Голова у деда стала кружиться; все вещи перед глазами начали вертеться и скакать; ум торопился, путался, а язык сделался как кость.

«Что это? — подумал.— От пения железного человека стал я совсем больной, как будто об'елся мухомора?»

Поднялся с земли и пошел искать свою юрту. А юрта стояла перед ним. Ведь вот какой туман пал перед глазами деда! Целый день ходил он вокруг юрты, много раз ударялся в ее стены, а найти ее не мог. Наконец, к вечеру туман рассеялся, но в улусе уже никого не осталось. Улус стоял пустой, с остывшими очагами, с раскрытыми настежь хотонами[1] и с недоваренной пищей в котлах.

4

— Ах, конь Атыр, зачем я тебе не поверил? — сказал дед.

А конь — тут как тут! Вышел из тайги, остановился перед дедом и заржал:

— Что ж ты жалуешься, почтенный Тутук! Не жаловаться нужно теперь, а скорее ехать в железный улус, выручать из беды людей и скот.

Старик показал жеребцу на свои расслабленные ноги, на трясущиеся руки:

— Нет, конь Атыр, в дорогу мне больше не собраться! Видишь, что сделал со мной железный Кыйбырдан! Вот если бы жив был теперь мой внук Джаргыстай, он бы вместо меня поехал и отомстил!

[1] Хотон — хлев.

— А давно ли умер твой внук Джаргыстай?

— Да я и не знаю, конь, умер ли он. Его выхватили вихри из зыбки и унесли! Семьдесят лет и зим прошло с тех пор.

Конь задумался.

Вдруг он заплясал на месте, вдруг зарадовался и веселым ржанием вспугнул из-под кочки дремавшего зайца:

— Тый, дед! Да ведь я знаю, где твой внук Джаргыстай лежит. Он не умер, хотя и не жив!

— Смеешься ты надо мной, конь Атыр! Как это может случиться, чтобы человек не умер, но и не жил?

— А так, почтенный дед Тутук. Твой внук лежит в каменном яйце на дне восточного моря. Моя бабушка, Сивая кобыла, видела, как вихри принесли на берег восточного моря якутского ребенка.

Семьдесят лет и зим прошло с тех пор. Мальчишка не плакал и не боялся.

«Э! — сказала моя бабка.— Этот парнишка вырастет настоящим богатырем!» Но ночью вдруг вылетела из расщелины горы Железная сова, сестра железного Кыйбырдана, проглотила ребенка, полетела над морем и снесла над водой каменное яйцо. Яйцо упало в море, а вихри хохотали и выли: «Лежи, Джаргыстай, в море! Оттуда ты не выйдешь и не победишь железного Кыйбырдана!»

Сказал это конь Атыр, поднялся на воздух и полетел на восток, крикнув деду:

— Жди меня здесь, почтенный Тутук! Я скоро вернусь!

5

Вот конь Атыр прибежал на берег восточного моря, на то место, где паслась его бабка, Сивая кобыла, и стал ее просить:

— Бабка моя, Сивая кобыла, достань поскорее каменное яйцо со дна моря!

— Тый! Как я его достану? Сама потону, пожалуй!

— Слушай, бабка! Большая беда случилась! Если не освободим Джаргыстая из каменного яйца, железный Кыйбырдан всех якутов убьет и всех лошадей с'ест!

Сивая кобыла нырнула в море, ходила по дну три дня, вышла обратно ни с чем: только три дня могла она ходить по дну моря за всю свою жизнь, больше не могла.

Испугался конь Атыр:

— Что же делать будем, бабка? Пропадем!

— Ступай к моей матери, Буланой кобыле. Она может три месяца ходить по дну моря. Не найдет ли она яйцо.

Конь Атыр пошел к своей прабабке, к Буланой кобыле, стал ее просить:

— Достань, бабка, каменное яйцо со дна моря! Если не достанешь, железный Кыйбырдан всех якутов убьет и всех лошадей и быков с'ест!

— Ладно,— сказала Буланая кобыла.— Жди тут, на берегу!

Нырнула в море, три месяца ходила по дну, а яйца так и не нашла. Вышла на берег, упала, еле отдышалась:

— Больше не могу,— говорит,— ходить по дну моря. Если нырну, сразу утону.

Конь Атыр понурил голову:

— Что же делать будем?

— Ступай к моей матери, к Белой кобыле. Может быть, она достанет яйцо. Она три года может ходить по дну моря.

Побежал жеребец Атыр. Нашел свою родственницу, стал ее просить:

— Достань со дна моря каменное яйцо! Если этого не сделаешь, железные люди всех якутов убьют и всех лошадей и быков с'едят!

А Белая кобыла лежит на берегу еле живая, глаза ее потускнели, вот-вот умрет. Очень уж старая она была, пришел ее конец.

— Тый,— сказал она,— опоздал ты, сынок! Яйцо-то, может быть, найду, да выйти из моря не успею: умру там, под водой!

— Что же делать будем, бабка? Если ты не сделаешь, то кто сделает?

— Ладно, жди меня здесь, никуда не уходи! Может быть, успею вынести яйцо из воды!

Нырнула в воду и ходила по дну моря целых три года.

«Уж не умерла ли под водой моя бабка?» — подумал конь Атыр и хотел уходить, но в это время высунула голову из воды Белая кобыла и упала головой на берег, а тело ее осталось под водой. Изо рта ее пошла пена и выкатилось на песок каменное яйцо:

— Прощай, Атыр! — сказала Белая кобыла.— Береги яйцо, не разбей, смотри! Положи его в осиновый трухлявый пень, и пусть старик Тутук сидит на нем, как птица. Пусть три дня сидит.

Тут Белая кобыла умерла, а конь Атыр взял осторожно в рот яйцо и быстрее стрелы полетел обратно в улус, к старику Тутуку.

6

Старик Тутук не знал, что и подумать. «Не попал ли и конь Атыр в плен к железному Кыйбырдану?»

Сто три года исполнилось в то время деду. Взял он свой топор и пошел в лес делать себе гроб.

— Пора! — сказал он.

Сделал гроб, укрепил его на верхушке самого высокого дерева и в последний раз стал оглядывать с дерева пустые якутские пастбища и пустой улус.

Тут-то он и увидел опять коня. Жеребец Атыр стоял весь в пене перед трухлявым осиновым пнем и копытом выбивал ямку поглубже для каменного яйца.

«Тый! Что он делает?» — удивился дед.—Зачем прячет яйцо в пень?»

Выбежал из лесу, спросил:

— Конь, зачем ты каменное яйцо в пень прячешь? Если это — то самое яйцо, в которое Железная сова спрятала Джаргыстая, нужно его поскорее разбить!

А конь и говорит:

— Нет, дед, если ты это яйцо разобьешь, твой внук умрет. Слушай меня! Садись на пень и сиди на нем, пока Джаргыстай сам не выйдет из яйца!

Дед Тутук подивился, но не спорил, сел на пень и стал высиживать яйцо.

«Тый! — думал он, сидя на пне.— Сто три года прожил я на свете, а ни разу не видел и не слышал, чтобы богатырей высиживали из птичьих яиц!»

И рад был дед Тутук, что хоть соседей нет в улусе, а то засмеяли бы, пожалуй, старика.

День и ночь сидел на пне Тутук, еду и воду приносил ему конь Атыр. Вот пришел с едой Атыр на третий день и спрашивает:

— Ну как дела, дед? Что ты слышишь?

— Слышу,— сказал Тутук,— как будто дятел стучит носом в кору пня, а пень растет подо мной и меня кверху поднимает.

— Ну посиди еще, старик!

Но не успел конь отойти, как вдруг пень с треском развалился. Дед охнул, высоко взлетел над лесом, перевернулся и упал прямо в трубу своей юрты.

А из пня в это время высунул голову мальчишка, вытянулся сразу выше лиственниц, стряхнул яичную скорлупу со своих ног и побежал, сверкая голыми

А из пня высунул голову мальчишка, вытянулся сразу выше лиственниц...

пятками, прямо к озеру. Там он хорошо обмылся, понырял и поплавал, выскочил на берег, попрыгал и вернулся в улус. Осматривая пустые юрты, остановился он и перед юртой Тутука. Сел перед ней на корточки, заглянул одним глазом в трубу и спросил:

— Что это, дедушка? Почему все юрты в улусе стоят пустые, с потухшими очагами и с недоваренной пищей в котлах? Какой сильный богатырь обидел якутов, скажи!

Стал Тутук рассказывать о железном Кыйбырдане, о внучке своей Текике-кыс и об убитых парнях. Рассказывая, плакал от горя и от старости.

— Не плачь! — сказал ему Джаргыстай.— Я этого самого железного Кыйбырдана убью, все его железное племя уничтожу, а старшую сестру свою Текику-кыс и соседей привезу обратно в наш улус! Дай мне только коня богатырского, оружие и одежду!

— Ах, беда какая! — ответил дед.— Да где же я достану такие одежды, чтобы они были тебе впору, и где я найду для тебя коня? Уж очень ты вырос, Джаргыстай! Конь Атыр — хороший конь, но перед тобой он как суслик!

А конь Атыр — тут как тут! Стукнул о камень правым копытом, стукнул левым — выкатились из-под копыт два свертка: один с одеждой, другой с оружием богатырским.

Оделся Джаргыстай, вооружился.

— Ну, садись теперь на меня! — сказал конь Атыр.

— Да ведь ты передо мной, конь, как суслик! Я тебя сразу раздавлю!

— Ничего, садись!

Засмеялся богатырь, сел на вороного коня и глазам своим не поверил: конь

под ним не стоит, а пляшет, шею свою вороную выгибает дугой. Едва успел сесть на его спину Джаргыстай, конь Атыр поднялся на воздух и полетел.

— Прощай, дедушка Тутук! — закричал Джаргыстай.— Жди меня назад с Текикой-кыс и со всеми нашими соседями!

И скрылся из виду.

7

Очень далекий путь проделал богатырь Джаргыстай на коне Атыре. Наконец, конь Атыр остановился перед железным лесом.

Из лесу выбежали железные мальчишки, затопали железными ногами, захлопали ржавыми ладонями, заблестели от смеха их медные круглые глаза.

— Эвона, глупый якут сам к нам приехал!

— Дяденька Кыйбырдан его голову мне отдаст! — сказал один.

— Нет, мне!

Заспорили, подрались и побежали жаловаться железному Кыйбырдану. А конь Атыр пошел за ними и скоро вышел на поляну, на которой стояла железная юрта.

Соскочил Джаргыстай с коня, подбежал к юрте, ухватился за ее углы и стал ее расшатывать. В разные стороны от юрты полетели железные осколки, а внутри развалился каменный, крепкий очаг.

От очага отскочил Кыйбырдан:

— Что такое? Сестра моя, Железная сова, вылети в трубу, посмотри, кто к нам приехал. Уж не Джаргыстай ли вышел из каменного яйца?

Железная сова вылетела в трубу, посмотрела:

— Братец мой, Кыйбырдан, это он, якут Джаргыстай, к нам приехал! Пропали мы теперь все!

И от страха со стуком упала обратно через дымовую трубу на пол юрты.

Схватился Кыйбырдан за копье и уронил его, взял со стола нож и бросил его обратно:

— Лучше я сам сделаюсь ножом! — решил он.

Сделался ножом, воткнулся в пол юрты и вынырнул во дворе под самым брюхом вороного жеребца. Едва успел отскочить жеребец Атыр и закричал Джаргыстаю:

— Хватай поскорей этот нож, богатырь!

Джаргыстай схватил нож и поймал прямо за загривок железного Кыйбырдана.

— Эвона, что! — сказал.

Рассердился, бросил железного человека на землю, стал его бить плетью.

Завыл Кыйбырдан:

— Не убивай меня, богатырь Джаргыстай! Я отдам тебе твою сестру Текику-кыс, твоих соседей, которых увел с собой, и всех лошадей и коров, которых еще не с'ел!

— Ладно, — ответил ему Джаргыстай,— не убью, если сделаешь так, как сказал.

Привязал он Кыйбырдана длинной веревкой к своему седлу и пошел в юрту за Текикой-кыс.

8

После этого богатырь-якут возвращался домой и с ним все его соседи и сестра его Текика-кыс. А железный Кыйбырдан бежал за вороным конем на длинной веревке. Устал Кыйбырдан, вывалил трехсаженный медный язык, бежал как собака:

— Если я умру, какая польза от этого будет тебе, якут? — говорил он Джаргыстаю.— Лучше заставь меня пасти твой скот и коней.

Подумал Джаргыстай и сказал вороному коню и Текике-кыс:

— Ну куда он от нас убежит, этот железный Кыйбырдан? Я его так избил, что он еле дышит!

А Текика-кыс и говорит:

— Э, братец мой Джаргыстай, ты не верь железному человеку. У него крепкие железные ноги, он убежит.

И конь Атыр не советовал Джаргыстаю. Но Джаргыстай рассердился:

— Не вы богатыри, а я богатырь! Не вашего ума это дело! Как я сказал, так и сделаю!

Он отвязал железного Кыйбырдана от своего седла и велел ему быть погонщиком своих лошадей и коров.

А Кыйбырдану только это и нужно было. Захромал сильнее прежнего, заохал, застонал, отстал от других погонщиков, а потом кустик за кустик, дерево за дерево и убежал от якутов совсем. Когда остался, наконец, один, перестал охать и стонать, вскочил на крепкие железные ноги и побежал обратно в железный улус. Прибежал к своей юрте, упал на порог и воет:

— Эй, сестра моя, Железная сова! Выйди поскорее! Помоги мне победить якута Джаргыстая!

Вылетела Железная сова из юрты, захлопала крыльями и слепыми медными глазами уставилась на Кыйбырдана:

Тут только увидели якуты, что это не юрта, а Железная сова сидит перед ними...

— Если бы я знала, как помочь тебе, Кыйбырдан, помогла бы! Но что я сделаю?!

— Сестра моя, Железная сова, когда ты была моложе, ты была догадливей! Сделай на земле такой мороз, чтобы у коров рота ломались и у лошадей копыта отваливались, а сама стань на дороге теплой юртой с разведенным очагом, с двойными дверями, с окнами из толстых прозрачных льдин.

Железная сова обрадовалась:

— Ну, такое-то легкое дело я сделаю!

Вылетела она на дорогу, села на дерево, захлопала железными крыльями. Вдруг подул сильный ветер и началась пурга; всю землю замело снегом, у коров ломались рога от холода, у лошадей отваливались копыта. А сова свалилась с дерева на дорогу и стала на дороге юртой.

Якуты никак не ждали холода среди лета. Подпрыгивая от мороза, постукивая заледеневшими рукавицами, говорили:

— Чча, чча![1] Очень холодно стало! Не доедем, пожалуй, до улуса: замерзнем!

Вдруг видят: стоит впереди юрта с двойными дверями, с разведенным очагом, с прозрачными толстыми льдинами в окнах и с хотоном для скота. Удивились, обрадовались:

— Тый!—сказали они.— Не замерзнем!

И побежали к юрте и к хотону люди, коровы и лошади. Но тут жеребец Атыр забежал вперед, встал перед дверями, свирепо оскалил зубы, оттеснил всех назад, заржал:

— Не видите разве? Ведь вы прямо в брюхо Железной совы, сестры Кыйбырдана, скачете!

[1] «Чча, чча!» — восклицают якуты, когда озябнут.

Тут только увидели якуты, что это не юрта, а Железная сова сидит перед ними и не очаг, а злые глаза ее горят. Джаргыстай-богатырь ударил ее тяжелой плетью и рассек пополам.

Сразу стало тепло. Деревья покрылись листьями, трава зацвела.

— Хат, хат! Хай, хай![1] — закричали якуты, подгоняя весело лошадей и коров.

А Кыйбырдан все это видел из-за горы, завыл и ускакал.

Прискакал он к тетке своей, Кыбтай, упал на железный порог ее юрты, плакался на беду и просил ее:

— Тетка моя, Кыбтай! Выйди, помоги мне победить якута Джаргыстая! Если не победим его, он все наше железное племя изведет!

Вышла из юрты железная старуха. Как пещеры были ее ноздри, как две каменные горы раздвинулись ее губы, голос ее загудел, как гром:

— Ах, чем же я помогу тебе, Кыйбырдан? Если ты его не победил, то как это сделаю я, слабая старуха?

— Тетка моя, Кыбтай, от старости ты не слабая, а только недогадливая стала! Выйди на дорогу, по которой кочует Джаргыстай, и сделай на земле такой зной, чтобы шкура горела на лбу у быков, а сама протянись через дорогу каменной речкой со льдом и шугой!

— Тый! — обрадовалась железная тетка. — Какой ты у меня догадливый мальчонка, Кыйбырдан!

Выскочила на дорогу и стала дуть вслед якутам, потом забежала вперед, легла поперек дороги и раскрыла свою пасть.

Тогда подул на земле горячий ветер, земля трескалась, трава высохла, шкура на лбу у быков горела.

— Айя![2] — сказали якуты. — Этот зной испечет наше тело, высушит наши кости.

Смотрят, а впереди будто из-под ледяной горы бежит река со льдом и шугой. Бросились к ней люди, коровы и лошади.

Но конь Атыр забежал вперед, рассвирепел, зубы скалит, на дыбы встает, копытами бьет, всех от воды отогнал:

— Слепые вы, что ли? — сказал. — Ведь это не речка, а железная тетка Кыбтай лежит поперек дороги. Сами вы к ней в раскрытую пасть бежите!

Тут и Джаргыстай и все якуты увидели, что никакой речки нет, а лежит поперек дороги железная тетка с раскрытой пастью. Ударил ее своей плетью богатырь Джаргыстай и рассек пополам.

После этого сразу подул сырой, прохладный ветер и пошел дождь.

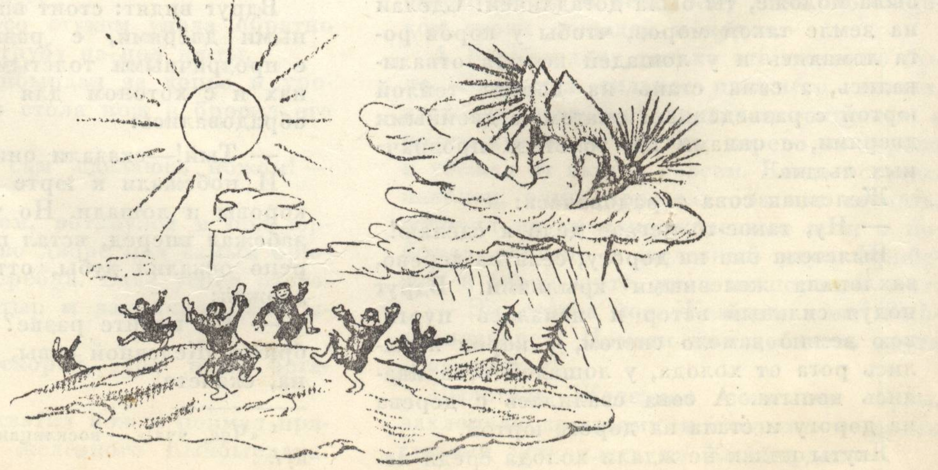
— Хат, хат! Хай, хай! — весело закричали якуты, подгоняя своих лошадей и скот по дороге.

Скоро они вернулись в свой улус. Там их встретил старик Тутук. Он так обрадовался, что разломал свой гроб и решил пожить еще лет сто со своими соседями и внуками. Женщины сейчас же побежали в свои юрты, развели потухшие очаги и доварили недоваренную еду в котлах.

А железный Кыйбырдан все это видел из-за высокой горы. Он взревел от злости, завыл, зарычал, вскочил на тучу и уполз на ней куда-то на запад. С тех пор якуты о нем больше никогда не слышали.

[1] «Хат, хат!» — восклицание, которым якуты погоняют лошадей; «Хай, хай!» — погоняют рогатый скот.

[2] «Айя!» — горячо, жарко!

Герои Советского союза — товарищи Чкалов, Байдуков и Беляков.

Всех выше, всех быстрее, всех дальше

Ю. Петровский

СОБЫТИЕ НА ДЕЙТОНСКОМ ПУСТЫРЕ

17 декабря 1903 года в маленьком городишке Дейтон, в штате Огайо (США), произошло необычайное событие. Правда, почти никто из жителей городка так и не увидел этого события: оно подготовлялось и совершилось в глубокой тайне, на глухом пустыре, обнесенном сверх того еще высоким забором. И за забором редкие прохожие слышали только ворчанье, оглушительный шум и еще какой-то странный свист. Уж не занимаются ли братья Орвиль и Вильбур Райт, эти два чудаковатых велосипедных механика, опытами с самодвижущимся экипажем — автомобилем?

Но вот однажды, открыв газеты, дейтонские жители узнали удивительную новость: братья Райт изобрели летающую машину — аэроплан! 17 декабря 1903 года Орвиль Райт сел в эту машину и она понеслась по пустырю. Брат, Вильбур, бежал рядом и держал аэроплан за крыло, чтобы он не перевернулся.

В этот день были поставлены первые рекорды высоты, скорости, дальности и продолжительности полета на аэроплане — все за один полет. Продолжительность — 20 секунд, высота—около 1 метра, дальность—36 метров, скорость — несколько километров в час!

Но это были рекорды. В то время никто не мог летать ни выше, ни дальше, ни быстрее. Это был вообще первый в истории удачный полет на аэроплане.

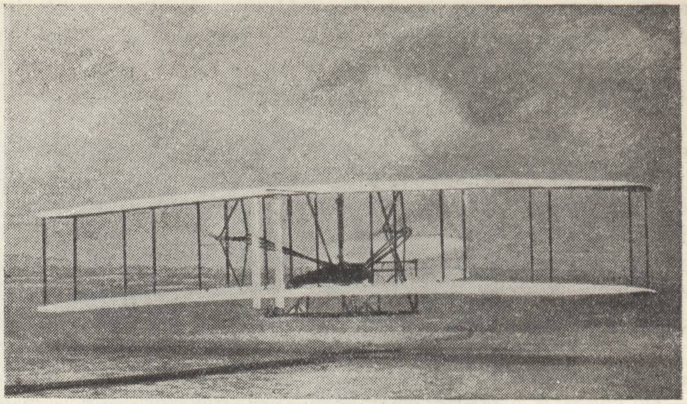
С этого момента авиация стала расти, как великан в сказке. Братья Райт без устали работали над своими летательными аппаратами. Появились десятки других строителей аэропланов. Люди летали все выше и дальше. Но точного контроля, как высоко поднялся летчик, как быстро он летел, не было. Даже самые слова «авиационные рекорды» появились позднее. Это случилось тогда, когда молодая авиация стала крепнуть, когда летать начали многие авиаторы в разных странах.

Теперь все авиационные рекорды учитывает Международная аэронавтическая федерация.

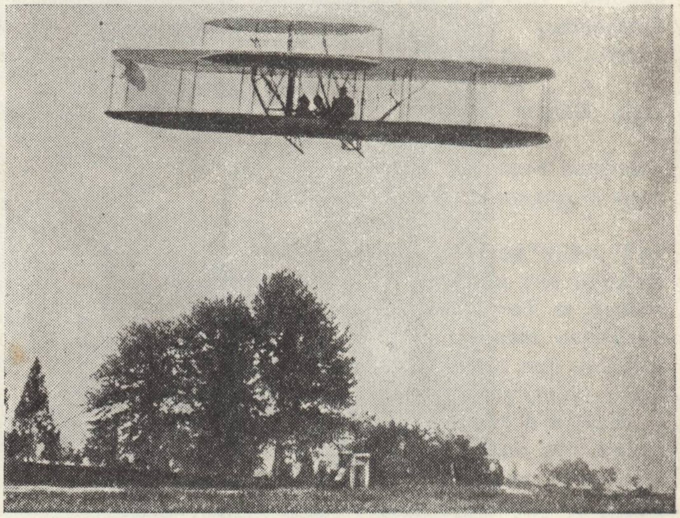
В 1936 году в Федерацию вступил СССР. С этого дня наше правительство решило признавать только те рекорды, которые будут поставлены по всем правилам Федерации.

МИРОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕКОРДЫ

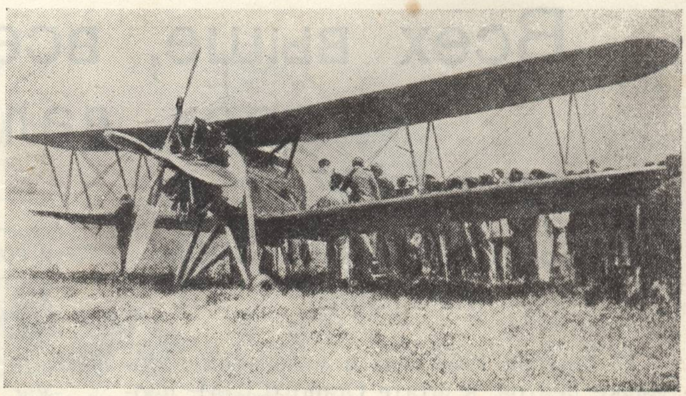
Часто приходится читать: такой-то летчик поставил мировой рекорд; такой-то побил международный рекорд. Что же такое

Первый полет первого в мире самолета братьев Райт.

Авиация еще молода: ей всего два года. Но братья Райт поднялись уже выше деревьев.

Самолет Донати спустился после под'ема на высоту почти 14½ километра.

мировой и международный рекорды? Многие думают, что это — одно и то же, а на самом деле между ними большая разница.

Мировых, или абсолютных, рекордов всего только три: дальности полета по прямой линии, высоты и скорости. Чтобы поставить мировой рекорд, нужно пролететь дальше всех, выше всех или быстрее всех. При этом все равно, на чем бы ни летать. Например мировой рекорд высоты принадлежит сейчас американцам Андерсону и Стивенсу, поставившим его не на самолете, а на стратостате.

Международных рекордов, напротив, много. Тут уже рекорды считаются для каждого вида воздушных судов отдельно. Они так и делятся на «классы»: для неуправляемых аэростатов (класс A), для дирижаблей (класс B), для самолетов (класс C), для планеров (класс D) и для геликоптеров (класс G).

Да и каждый класс делится еще. Аэростаты, например, делятся по об'ему: для шаров об'емом до 600 кубических метров рекорды одни, до 900 кубических метров — другие и так далее.

Почему это так, понятно. Пролететь 800 километров на маленьком шаре так же трудно, как пролететь 3 тысячи километров на большом.

Рекорды считаются отдельно для сухопутных самолетов, гидропланов, амфибий, для тяжелых, легких и легчайших, одноместных и многоместных. Отдельно регистрируются мужские и женские рекорды. Одни рекорды ставятся без нагрузки, другие — с нагрузкой в 500, 1 тысячу, 2 тысячи, 5 тысяч и даже 10 тысяч килограммов.

Всего различных международных рекордов — около ста.

15 КИЛОМЕТРОВ НАД ЗЕМЛЕЙ

Первый международный рекорд высоты для самолетов зарегистрирован 29 августа 1909 года. Знаменитый французский авиатор Латам на моноплане «Антуанетт», на котором он всегда летал, достиг огромной для того времени высоты — 155 метров!

Сейчас это нам кажется смешно — 155 метров — рядом с 14,5 километра Коккинаки! Но тогда это вызвало всеобщее изумление. Летчик на высоте австралийских эвкалиптов! В 155 раз выше Орвиля Райта, а ведь шести лет не прошло со времени события на дейтонском пустыре.

В те годы, перед мировой войной, авиация росла очень быстро. Рекорды побивают по нескольку раз в год. И каждый новый оставляет предыдущие далеко позади. Рекорд Латама держится всего полтора месяца. Другой француз — Ламберт — на биплане «Райт» поднимается вдвое выше — на 300 метров. Шутка сказать, высота Эйфелевой башни! Но через короткое время, в январе 1910 года, Латам на новом «Антуанетт» подымается сразу на километр. Еще несколько месяцев — и американец Дрексель на французском самолете «Блерио» достиг двух с лишним километров. А француз Леганье в том же, 1910 году поднимается на 3100 метров.

Прошло 3 года, и к началу мировой войны рекордсменом был тот же Леганье, но рекорд его, поставленный опять на «Блерио», был уже 6120 метров.

Началась война. О рекордах забыли. Лучшие летчики занимались истреблением друг друга. Новые машины с заводов отправляли прямо на фронт.

Прошло шесть с половиной лет, пока, наконец, был побит предвоенный рекорд Леганье.

На войне рекордов не ставили, но самолеты строили все быстроходнее, грузопод'емнее, с более мощными моторами. И когда американец Шредер сел на самолет в 1920 году и решил подняться как можно выше, оказалось, что машина его летает гораздо лучше, чем летал «Блерио» у Леганье шесть лет назад. Шредер сразу поднял потолок на 4 километра: он достиг высоты 10 093 метров. Его самолет подошел уже к границе стратосферы.

С этого времени перед высотной авиацией встали новые, более трудные задачи.

Раньше, чтобы лететь выше, надо было только лучше построить самолет, сделать сильнее мотор. А теперь надо было строить и самолет и мотор не только лучше, но и по-иному. На десятикилометровых высотах воздух разрежен: там вечная зима с такими морозами, какие редко бывают и в Якутии.

На этих высотах человеку трудно жить, а мотору — работать. Малейший недочет в кислородном аппарате, без которого нельзя дышать в разреженном воздухе, грозит смертью. Летчики с огромным трудом вырывают по нескольку сот метров высоты. Каждый рекорд держится уже не дни и месяцы, а годы.

За 10 лет — с 1920 по 1930 год — рекорд улучшился всего на 3 тысячи метров. В 1930 году американец Суссек достиг

13 157 метров. Около двух с половиной лет понадобилось англичанам, чтобы подняться выше Суссека на 247 метров. Английский рекорд, поставленный в 1932 году Юинсом, продержался больше года. Побил его француз Лемуан: он поднялся всего на 259 метров выше. В следующем году этот рекорд был побит итальянцем Донати. На этот раз рекорд был превышен на 782 метра.

Казалось, что Донати сделал невозможное. Он поднимался на специально построенной машине. Весь лишний вес был с нее убран. Не было даже амортизаторов, которые смягчают удар, когда шасси машины коснется земли. Малейшая неточность при посадке — и Донати разбился бы. Горючего он взял с собой только на под'ем — спускаться надо было, планируя без мотора Истратив последнюю каплю бензина на отчаянный рывок вверх, полумертвый от невероятного напряжения, он камнем пошел вниз.

— Я знал, что мне следовало спускаться в десять раз медленнее, но у меня не хватило силы воли сопротивляться желанию — скорее вниз!

От резкой перемены давления ему стало еще хуже. Чудом не разбив машины при посадке, Донати тут же потерял сознание. Его вынули из самолета и унесли.

— Я подошел почти к пределу человеческой выносливости, — сказал он, придя в себя. — Моя машина могла бы еще набирать высоту. Но человек, увы,—не машина!

Он истратил не только весь бензин, но и все свои силы. Это было 11 апреля 1934 года.

А 21 ноября 1935 года в борьбу за рекордную высоту вступил впервые советский летчик Владимир Константинович Коккинаки. Для него не строили специальной машины, непригодной ни для чего другого: он выбрал серийную советскую машину конструкции инженера Поликарпова и только освободил ее от всего ненужного в рекордном полете. Уверенной рукой повел он самолет все выше и выше и вывел его на 14 575 метров — на 142 метра выше Донати. И это не был безумный рывок рисковавшего жизнью итальянца. На потолке он пробыл 10 минут. Идти выше самолет не мог.

— Машина, — рассказывал потом Коккинаки, — еле-еле ползла вверх. И, наконец, остановилась. Нажимаю, нажимаю, может быть, подтянется хотя бы еще немного, — нет, не выходит. Я задираю нос, самолет идет брюхом, но вперед, а не вверх.

Тогда Коккинаки спокойно проверил приборы, температуру и давление воздуха, убрал газ и стал снижаться. Шел без мотора, сел в самом центре аэродрома и вышел из машины здоровый, веселый, хоть сейчас готовый к новому полету.

— Моя машина подошла почти к пределам своих возможностей. Но сам я мог бы лететь еще выше.

О Донати с тех пор не слышно ничего, а Коккинаки продолжает удивлять весь мир новыми и новыми рекордами.

Недавно в газетах появилось сообщение, что французским летчиком Жоржем Детре установлен новый рекорд высоты — 14 836 метров. Это уже почти та высота, до которой поднялся Пикар во время первого своего полета на стратостате. Детре летел на специально переделанном самолете «Потез 50»: у него были увеличены крылья и почти на 400 килограммов уменьшен вес. Сам Детре летел в специальном скафандре. И все же он перекрыл рекорд Коккинаки всего на 261 метр.

Все эти рекорды были поставлены на машинах, с которых убрано было все, что только можно убрать, даже некоторые части, необходимые для всякого нормального полета,—например амортизатор у шасси, который снял Донати.

Можно сказать так, что мировые высотные рекорды поставлены на машинах-бездельницах.

Но человеку высота нужна не ради самой высоты: надо, чтобы самолет работал на этой высоте. Высотный самолет тогда выполнит свое назначение, когда он подымется на большую высоту с грузом.

И вот героический советский летчик-испытатель В. К. Коккинаки ставит в июле и августе 1936 года один за другим ряд рекордов высоты с грузом в 500 килограммов и в тонну. Буржуазный рекорд остался далеко позади. 21 августа Коккинаки, побивая свои собственные недавние рекорды, с тонной груза подымается на 12 101 метр.

Тонна груза впервые в истории авиации поднята советским летчиком до границ стратосферы!

Летчик Коккинаки после своего полета получил поздравление от товарища Сталина.

А 7 сентября Коккинаки побил и рекорд высоты под'ема с двумя тоннами груза: он поднялся на 11 295 метров—прежний рекорд итальянских летчиков—всего 8 438 метров!

Владимир Константинович Коккинаки.

11 сентября другой советский летчик-испытатель, майор А. Б. Юмашев, взял в самолет 5 тонн груза и поднялся на 8102 метра. Рекорд буржуазных летчиков (6649 метров) снова остался далеко позади!

16 сентября тов. Юмашев вторично побил рекорд. Он достиг высоты 6605 метров, подняв груз уже в 10 тонн.

В СЕМЬ РАЗ СКОРЕЕ КУРЬЕРСКОГО ПОЕЗДА

Сейчас, глядя на самолет, мы прежде всего думаем о скорости: ведь ни на чем другом человек не может передвигаться скорее чем на самолете! В первые годы авиации было не так: и автомобили, и мотоциклы, и поезда — все они двигались быстрее аэропланов. Так было даже в 1909 году, когда был зарегистрирован первый международный рекорд скорости на самолете — 54,8 километра в час. С такой быстротой пролетел француз Тиссандье на биплане «Райт», это было очень много для хрупких и громоздких сооружений из палок, материи и проволоки, какими были аэропланы того

времени. Но курьерские поезда ходили все-таки скорее!

Авиация тогда была только спортом. Аэропланы не применялись ни на транспорте, ни в сельском хозяйстве, ни в военном деле. Летчики и конструкторы думали больше всего о рекордах. И рекорды ставились так часто, что сейчас не стоит их и перечислять.

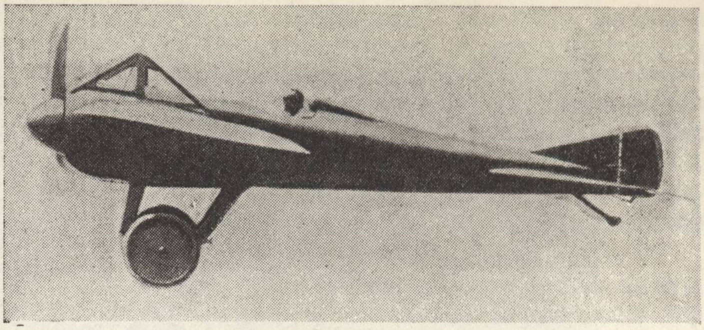
Но вот 10 июля 1910 года француз Леон Моран поставил удивительный рекорд — 106,5 километра. Больше ста километров в час!

Сто километров в час казалось тогда пределом скорости.

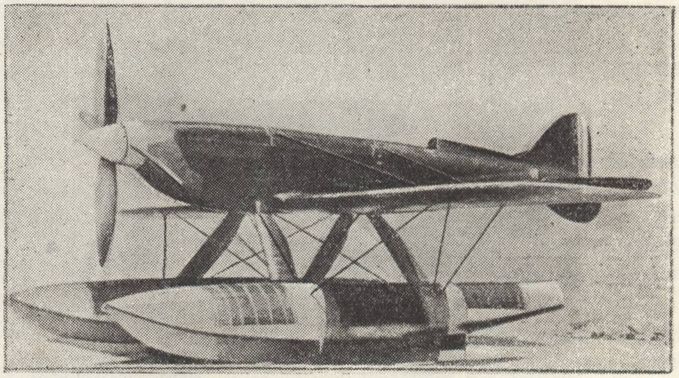
Но очень быстро все убедились, что это совсем не предел. Меньше чем через 4 года скорость Леона Морана была удвоена другим французом—Морисом Прево: 203,8 километра! Моноплан Прево — «Депердюссен» — очень отличался от других машин. Его кузов (фюзеляж) походил на сигару или торпеду. У него были, как говорят, обтекаемые формы — такие, какие позволяют легче и свободнее рассекать воздух. По виду своему он похож гораздо больше на современные самолеты чем на неуклюжие машины тех времен.

Затем почти на семь лет прервалась история скоростных рекордов. Шла война. И только в 1920 году — в том самом, когда Шредер поднялся на 10 километров,—Сади Лекуэнт пронесся со скоростью 275,9 километра. Вслед за этим началась упорная борьба за каждый десяток километров.

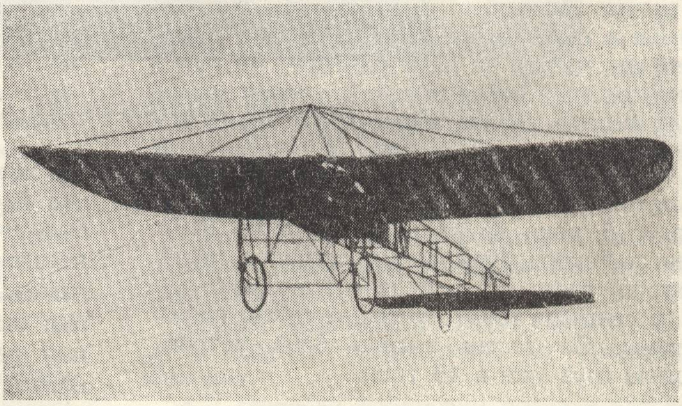
В 1922 году в эту борьбу вступили гидросамолеты. Сначала эти громоздкие машины сильно отставали от своих сухопутных собратьев, но скоро оказались очень опасными конкурентами. Дело в том, что самолеты, летающие очень быстро, приземляются, садятся на землю, тоже с большой скоростью. У быстрых самолетов велика, как говорят, и посадочная скорость: у современных рекордных гидро-

Почти не верится, что эта машина построена в 1913 году, так она похожа на наши современные. На ней француз Морис Прево впервые пролетел со скоростью 203 километра в час.

Быстрее этого гидросамолета «Макки-Кастольди» пока не летала ни одна машина в мире.

Эта машина впервые перенесла человека через море. На ней Блерио перелетел из Франции в Англию 25 июля 1909 года.

самолетов она доходит до 260 километров в час. Приземлиться с такой скоростью сухопутный самолет не может: шасси не выдержит, и машина разобьется. А гидросамолет, спускающийся не на твердую землю, а на воду, выдерживает даже такую посадочную скорость.

Рекорд французского военного летчика Бонне (448,2 километра в час) продержался целых восемь лет — с 1924 по 1932 год. А гидросамолеты за это время сделали гигантский прыжок—от 280 до 655 километров.

Миллионер Шнейдер установил специальный приз для рекордов скорости на гидросамолетах. И каждый год устраивались состязания на «кубок Шнейдера». Этот кубок получал не летчик, а страна, чей гидросамолет победил. Кубок переходил от страны к стране. Навсегда он должен был остаться у той страны, которая выиграет его три раза подряд.

С огромной скоростью, в 655 километров в час, пролетел в 1932 году английский гидросамолет. Англичане выиграли состязание в третий раз подряд, и кубок миллионера Шнейдера остался у них навсегда. Но если не кубок, то рекорд скоро отбили у англичан итальянцы.

19 апреля 1933 года лейтенант Ажелло сел на гидросамолет «Макки-Кастольди», на котором был установлен мотор небывалой мощности: 2800 лошадиных сил. Пропеллер заревел, машина оторвалась от воды и помчалась, как молния. Когда через несколько минут она опустилась, рекорд был побит. Итальянец достиг невероятной скорости—682 километров в час. С такой скоростью можно было бы долететь меньше чем в час из Москвы в Ленинград, если бы, конечно, машина могла долго летать так быстро.

Неужели можно побить и этот рекорд? Неужели возможно полететь еще быстрее?

Прошло полтора года. Ажелло перестроил свой гидросамолет. Мотор показался ему слабым — поставил новый, в 3000 лошадиных сил. Этот мотор занял добрые две трети корпуса самолета и оттеснил сиденье летчика к самому хвосту. Сиденье это было узким и тесным — в него еле можно было пролезть, — и сидеть приходилось скрючившись. Гидросамолет стоял на огромных поплавках: они должны были смягчать удар о воду. Ажелло всего прикрутили ремнями к самолету. Парашюта он с собой не брал: все равно, если что-нибудь случится на такой скорости, не то что открыть парашют, вылезть не успеешь!

Это был необычайный на вид самолет на вздутых поплавках, самолет, на который некуда поставить запас горючего и нельзя долго лететь летчику. Самолет годился только для того, чтобы развить на несколько секунд гигантскую скорость,— и больше ни для чего он не годился.

23 октября 1934 года на озере в Дезензано Ажелло четырежды пролетел отмеренные три километра. Наибольшая показанная им скорость равнялась 711,462 километрам, средняя — 709,034. Эта средняя скорость и была признана мировым рекордом. Ажелло и посейчас остается «самым быстрым человеком в мире».

Он летел в два с половиной раза быстрее самой быстрой птицы — каменного стрижа!

Между тем скорость сухопутных самолетов росла гораздо медленнее и к 1933 году дошла только до 490,8 километра (летчик Уэделл, США). Этот рекорд был побит только в 1935 году французом Дельмоттом (505,8 километра) и вскоре после него американским спортсменом, миллионером и конструктором Говардом Юзом. На самолете своей собственной конструкции с мощным мотором до 1000 лошадиных сил он резко улучшил рекорд, доведя его до 567,1 километра в час. Этот рекорд не побит и до сих пор несмотря на попытки Юза улучшить его.

ЧЕРЕЗ МАТЕРИКИ И ОКЕАНЫ— БЕЗ ПОСАДКИ

Вряд ли какие-либо другие события в авиации вызывали такой энтузиазм, как дальние перелеты. Ведь смысл авиации в том и заключается, чтобы быстро переносить человека по воздуху на самые дальние расстояния.

Когда Райты пролетели без посадки в 1905 году 40 километров, это казалось чудом.

А знаменитый перелет Луи Блерио через Ламанш? 25 июля 1909 года Блерио поднялся во французском городе Кале, пересек морской пролив Ламанш и спустился в английском городе Дувре. За 27 минут он пролетел 31 километр. Как будто не так много для 1909 года? Ведь другие летчики, кружась над аэродромом, покрывали без остановки и по 150 километров. А все-таки перелет Блерио произвел такую сенсацию, какой не производил, может быть, никакой другой перелет до самых наших дней.

Почему это произошло? Да потому, что после перелета Блерио все увидели, что авиация — не игрушка, не только забава, что она имеет громадное будущее. Аэроплан может перелетать и через моря!

Больше всего была потрясена Англия: она сотни лет кичилась своим островным положением и своим сильнейшим в мире флотом. А тут стало ясно, что пройдет немного лет и ни море, ни флот не смогут защитить ее от врага...

С этого времени авиация перестала быть частным делом любителей. Ею всерьез занялись государства и правительства.

По потрясающему впечатлению, произведенному на мир, с перелетом Блерио через Ламанш может сравниться лишь перелет Чарльза Линдберга через Атлантический океан.

Вы думаете, что это был первый беспосадочный перелет через океан? Нет. За целых восемь лет до Линдберга этот подвиг совершили два англичанина: капитан Джон Алькок и лейтенант Артур Броун. Летом 1919 года они поднялись на большом и неуклюжем биплане «Виккерс Вими» из Сен-Джонса, на Ньюфаундленде, и, пролетев без остановки 3060 километров, спустились у Клифтона, в Ирландии.

Но этот смелый полет не принес летчикам славы. Шел 1919 год. Было не до рекордов. Соверши они свой перелет на год—два позже, они, конечно, прославились бы, как до них Блерио и после них Линдберг. А тут о них забыли. И когда 22 мая 1927 года, поднявшись в Нью-Йорке и пролетев 5809 километров, спустился в Париже никому неизвестный молодой американец Чарльз Линдберг, весь мир приветствовал его как первого человека, перелетевшего океан.

Правда, другой никому неизвестный американец, молодой карикатурист Дисней, поместил в одной газете дружеский шарж на героя дня с подписью:

«Чарльз Линдберг, 37-й человек, перелетевший без остановки Атлантический океан».

На другой день газета получила тысячи писем. Возмущенные американцы протестовали и угрожали дерзкому оскорбителю национального героя. А еще через день Дисней снова выступил в газете. Он рассказал про перелет Алькока и Броуна и про два перелета в 1919 же году английского дирижабля «Р-34», перевозившего каждый раз по 17 человек: 2 + 17 + 17 = 36. Линдберг — 37-й. И что же? Прославился Линдберг, прославился и карикатурист Дисней, а Алькок и Броун были забыты снова.

Свою славу Линдберг купил не только уменьем и мужеством, но и огромным риском. Он летел один, без радио, без спасательных средств, без надежды на помощь в случае аварии, рассчитывая лишь на себя, на самолет и мотор.

Влезая в машину перед полетом, он сказал:

— Я знаю, что сажусь сюда, приговоренным к смерти. Если я останусь жив, это будет значить, что меня помиловали.

Как непохожа эта игра жизнью на замечательные перелеты наших героев, которых с такой заботой готовят товарищ Сталин и вся наша страна!

Рекорд Линдберга жил гораздо меньше чем его слава. Уже через две недели он был побит соотечественниками Линдберга Чемберлином и Левиным, долетевшими из Нью-Йорка почти до Берлина (6294 километра).

А затем рекорд следует за рекордом.

Но вот 5—7 августа 1933 года французы Кодос и Росси ставят самый долговечный мировой рекорд.

Вылетев 5 августа 1933 года из Нью-Йорка, они опустились через 56½ часов в Райяке, в Сирии, недалеко от Дамаска, в 9104 километрах от старта. Летели они на специально для этой цели построенном цельнодеревянном самолете «Блерио-Цаппата». Их самолет назывался «Жозеф Лебри».

С этим именем связана трогательная история. У Кодоса и Росси был друг, такой же, как они, известный летчик Жозеф Лебри. Еще раньше их он сделал попытку поставить мировой рекорд дальности и перелететь из Парижа в Токио. Но эта попытка кончилась катастрофой. Далеко в Сибири самолет и отважный летчик разбились. Тогда Кодос и Росси назвали свой самолет именем погибшего друга и отправились на нем в свой знаменитый перелет.

«Жозеф Лебри» все-таки поставил мировой рекорд!

Рекорды дальности считаются самыми трудными и ценными. Каждый новый рекорд дальности показывает, что вот еще одна новая дорога на земле освоена самолетом, еще одна граница для крылатых машин взята. Самолет должен возить человека быстрее всего и над всей землей. Он может пролететь самым коротким путем там, где не пройдет поезд и не проплывет пароход. Самолеты, пролетавшие дальше всех,—разведчики завтрашних дорог авиации. Если

мы посмотрим на большинство дальних полетов, о которых сказано здесь, то мы увидим, что маршруты их проходили обычно по обжитым, густо населенным местам, где есть много аэродромов и не очень страшна вынужденная посадка. Смелые летчики перелетали, правда, и океан, но путь через океан выбирался в умеренном климате, в местах, где и погода и ветры хорошо известны всем капитанам сотен океанских пароходов.

Но ведь самолет должен завоевать всю землю, сам должен проложить по ней кратчайшие пути! Как же он может ограничиваться знакомыми дорогами?

О. Ю. Шмидт сказал об этом так:

«Вместо карты нужно взять в руки глобус. Только на глобусе наглядно видна одна решающая особенность авиации, а именно то, что она не связана никакими дорогами, а выбирает свой путь по кратчайшему расстоянию между двумя точками земного шара. На глобусе также раскрывается исключительная роль Арктики в больших перелетах ближайшего будущего. Оказывается, что кратчайший путь между Лондоном и Токио проходит через полярные страны, а путь Москва — Сан-Франциско, например, идет через полюс».

И вот по труднейшему сталинскому маршруту, через суровую Арктику, на самолете «АНТ-25» полетели Герои Советского союза Чкалов, Байдуков и Беляков. В 2 часа 45 минут ночи 20 июля они вылетели из Москвы, где стояла почти тропическая жара, взяли курс прямо на север, пролетели над островами и ледяными полями Северного полярного моря, пересекли снежные Якутские горы, Камчатку, бурное, туманное, закутанное сырыми облаками Охотское море и 22 июля, в 11 часов 10 минут, опустились на острове Удд (теперь он называется островом Чкалова).

Летать приходилось по магнитному и солнечному компасу, по солнцу и луне, по радиосигналам; часами шли слепым полетом, определяя направление только по приборам.

Такого полета не было в истории авиации. Пролетев в мерзлых, сырых облаках Охотское море, самолет начал вблизи Сахалина обледеневать. Он терял высоту. В темноте в дожде и тумане он шел бреющим полетом над водой. Тогда-то и был отдан из Москвы по радио приказ: идти на посадку.

«АНТ-25» пролетел 9374 километра — на 270 километров больше рекорда Кодоса и Росси.

Официально это не зарегистрировано как рекорд: Международная аэронавтическая федерация измеряет рекорды дальности по прямой, кратчайшей линии между пунктами старта и финиша. От Москвы до острова Чкалова по прямой — меньше 9104 километров.

Но весь мир признает, что достижение советских летчиков превосходит все официальные рекорды. Самое героическое и самое важное достижение во всей истории авиации принадлежит советским летчикам и советской машине.

ПО ВОЗДУШНОЙ „БЕГОВОЙ ДОРОЖКЕ“

Иногда, испытывая, как далеко может летать самолет, вместо дальней, трудной дороги выбирают какой-либо точно отмеренный круговой путь в хорошо знакомой местности. Самолет кружится по такой воздушной «беговой дорожке», и при этом считают, сколько кругов он сделал и за какое время.

В 1932 году зарегистрирован рекорд французов Боссутро и Росси — 10 601 километр.

В 1934 году этот рекорд был оставлен далеко позади советскими летчиками Громовым, Спириным и Филиным. На самолете «АНТ-25», который назывался «РД» (от слов «рекордная дальность»), с советским мотором «М-34» они продержались в воздухе больше трех суток и покрыли за это время 12 411 километров. «Выносливее» всех в мире оказалась опять-таки советская машина!

Но сколько может налетать самолет, если ему подбавлять горючего? Такой рекорд тоже существует. Он называется рекордом продолжительности полета с заправкой горючим в воздухе. Он принадлежит американским летчикам, братьям Хэнтер. Больше 23 суток (533 часа) они летали над аэродромом в Сан-Луи на одномоторном самолете, а их сестра с другой машины переливала им время от времени по резиновой трубке бензин и спускала в корзинке обед. За эти 23 дня упорные братья налетали 80 тысяч километров.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ РЕКОРДЫ

Нелегко и недешево даются рекорды. Много лучших летчиков разбилось, погибло

при взрывах бензиновых баков или утонуло при попытке поставить новый рекорд.

Почему же авиация всего мира упорно стремится все к новым и новым рекордам? Зачем нужны они?

Дело в том, что каждая рекордная конструкция самолета, каждый рекордный полет дают очень много и конструкторам и летчикам. Они указывают пути развития авиации. Они ставят перед ней новые задачи. Рекорды показывают, что нужно сделать, чтобы увеличить скорость, дальность и потолок военных и гражданских самолетов.

То, что сначала было рекордом, через немного лет становится обычным для всей авиации. Истребители летают сейчас так же быстро, как в 1933 году рекордный самолет Уэделла. Истребители и бомбардировщики забираются на высоту, которая еще недавно была рекордной.

СВЕРХСКОРОСТЬ И СВЕРХВЫСОТА

Когда приказ тов. Орджоникидзе заставил «АНТ-25» прекратить свой полет, в его баках оставалась еще тонна бензина. Он мог бы пролететь еще две—две с половиной тысячи километров. На такой же машине Громов пролетел 12 411 километров. Это значит, что уже в ближайшее время мы могли бы увеличить рекорд до 11—12 тысяч километров. Наверное, в ближайшие годы будет улучшена и конструкция рекордного самолета — тогда он полетит еще дальше.

Меньше всего горючего тратит дизельмотор. Но теперешние дизели очень тяжелы—их на самолет не поставишь. Вот когда будет изобретен хороший авиационный дизельмотор, тогда дальность полетов сразу резко увеличится.

Если бы на «АНТ-25» стоял дизель, то можно было бы лететь без посадки 15 и больше тысяч километров. А будущие самолеты с дизелями легко пролетят и 20 тысяч километров — половину окружности земного шара.

Может быть, после этого не надо будет особенно стремиться увеличивать еще больше дальность полета. Через несколько лет станет обычным явлением переливание бензина на лету. На больших воздушных линиях, пересекающих материки и океаны, будут дежурить «летающие бензиновые колонки».

Вспомните теперь, как медленно полз в последние два десятилетия рекорд высоты. Из авиационной техники сегодняшнего дня выжато почти все, что она может дать. Еще немного выше — и даже богатырская натура Коккинаки не выдержит. Чтобы решительно поднять потолок авиации, нужно что-то новое. И это новое — стратоплан. Стратопланы строят в разных странах уже давно, но пока неудачно. У стратоплана должна быть плотно, герметически закрытая кабина для летчика, похожая на гондолу стратостата или батисферу Биба. Но изготовить герметически закрытую кабину стратоплана куда труднее чем гондолу стратостата. Гондола имеет удобную форму и спокойно висит. А корпус стратоплана должен с огромной быстротой рассекать воздух, к нему крепятся и крылья, и мотор, и шасси. Да кроме того надо сделать так, чтобы летчик не отравился выхлопными газами, парами бензина и масла.

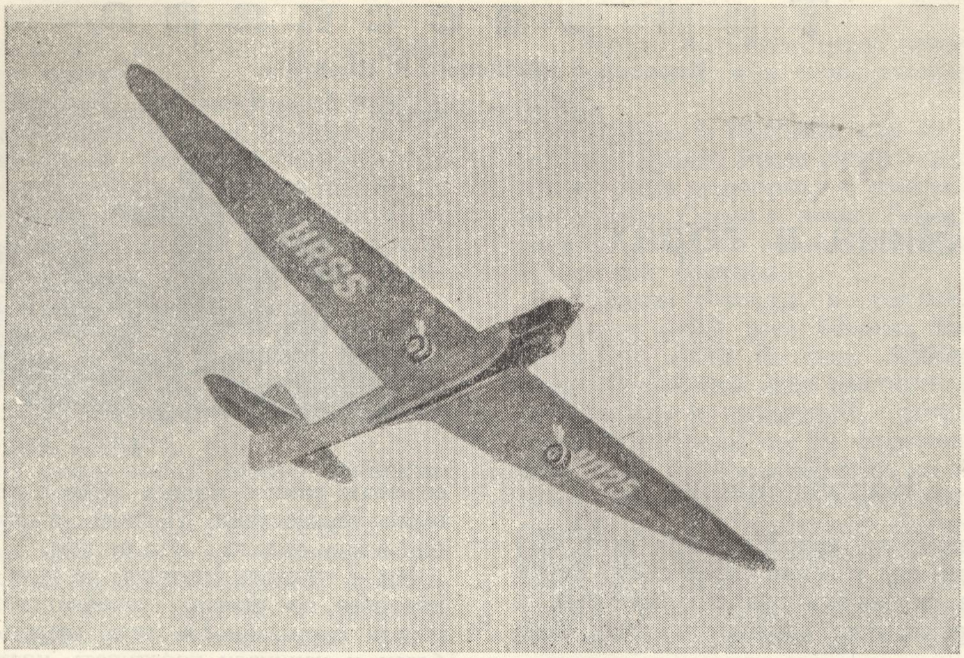
Впрочем, и стратоплан с двигателем внутреннего сгорания сможет поднять потолок не очень высоко. В разреженном воздухе мотор задыхается так же, как и человек. На помощь должна придти паровая турбина. Стратопланы с турбиной поднимутся, может быть, километров на 20 и выше.

Однако и они упрутся когда-нибудь в свой потолок. Пробить этот потолок сможет только реактивный двигатель. Ракетоплан поднимет человека гораздо выше, в самые высокие слои атмосферы.

Но и граница атмосферы когда-нибудь перестанет останавливать человека. Ракета (может быть, со складными крыльями для приземления) не имеет потолка. Когда-нибудь человек поднимется на ней на тысячи и миллионы километров и полетит к другим планетам. Но это будет уже не авиация, не аэронавтика, а астронавтика, или, как говорил умерший в прошлом году замечательный изобретатель Циолковский, звездоплавание.

Будущее скоростных рекордов похоже на будущее рекордов высоты. Уже сейчас за рекордные скорости приходится платить слишком большим ухудшением всех остальных качеств самолета. Рекордный самолет «Макки-Кастольди» вмещает только одного скрючившегося летчика и поднимает горючего всего на несколько минут полета.

Самолет, который делал бы у земли тысячу километров в час, — задача выполнимая. Но мощность моторов его пришлось

«АНТ-25».

бы довести тысяч до десяти—двадцати лошадиных сил.

Но огромные скорости легко развивать в разреженном воздухе стратосферы. Первые же удачные стратопланы позволят, наверно, совершать дальние перелеты со скоростью 600—800 километров в час, а рекорд скорости на короткое расстояние сразу поднимется до тысячи километров и больше. Наконец, ракетопланы и ракеты увеличат и эту сказочную быстроту еще в несколько раз. На них когда-нибудь человек достигнет скорости 11 километров в секунду. Это та скорость, которая нужна, чтобы преодолеть силу земного тяготения и отправиться в межпланетное путешествие.

Перед авиацией открывается трудный, но блестящий путь. И первыми по этому пути героев пойдут советские летчики и конструкторы. Советская авиация будет летать выше всех, дальше всех и быстрее всех!

Вахтанг Ананян

Три рассказа

Перевод с армянского К. Каренина

Рис. П. Кузьмичева

Зима в горах

Корова Машка

Зимовник, где находился наш скот, был похоронен под толстым слоем снега. Ветки деревьев склонялись под его тяжестью, а горная речка едва слышно журчала подо льдом.

Как по-разному относятся люди к зиме! Я теперь живу в городе и с осени, когда выпадает первый снег, наблюдаю, как восторгаются им городские жители. Бесчисленные хлопья, сверкая по вечерам под электрическим светом, как белые бабочки, кружатся в воздухе и падают на тротуары, на крыши трамваев...

Однако нам, пастухам, зима не приносит радости. Тяжелые заботы не дают нам возможности пользоваться ее прелестью.

В эту зиму я был особенно грустен и мысленно повторял в уме одно выученное из учебника стихотворение:

«Куда, куда исчезли
Листья и трава,
Росистые розы,
Свирель и песня,
Куда, куда исчезли?..»

Чехарда, жгут, снежки, костры в лесу, свирель и пляски перед очагом в долгие вечера — всех этих обычных развлечений в эту зиму не было.

У одного убили сына, у другого искалеченный брат лежал дома. Нам опротивели и земля и пашня. А то, что у нас еще оставалось, отобрали маузеристы [1]. Сено, привезенное нами с горных лугов с необычайными трудностями, топтали их лошади, и оно всюду валялось под ногами.

Мы с грустью смотрели на наш скот, у которого постепенно тускнели глаза, пропадала округленность тела, шерсть теряла блеск и начинали проступать кости.

Уже с начала зимы бычки и телушки не играли у водопоя, а бык не мычал и не рыл ногой землю...

Самым опытным пастухом в нашем зимовнике был Мелонц Аршак. За всю эту зиму мы не видели на его лице улыбки. Часто раздавался его голос:

— Гей, сын Степана!

— Что, дядя?

— Поди-ка сюда.

Я подходил к нему. Он стоял на куче навоза, который мы каждый день вывозили на тачке из хлева, и ковырял его палкой: он вытаскивал оттуда соломинки.

— Ты что смотрел? Ведь ты знаешь, какое время теперь! Теперь каждая соломинка — золото. А до весны еще далеко.

Я почувствовал себя виноватым: разве можно было оставлять солому в навозе, когда зима только началась, а на сеновале у нас было не больше трех возов сена!

В феврале оно все вышло. Когда я по утрам входил в хлев и видел обращенные ко мне жалобные взгляды животных, сердце мое сжималось. Я проклинал грабителей-дашнаков и выходил из хлева с влажными глазами. Надо было найти способ, как спасти скот.

Однажды вечером я стал кричать в ухо своему двоюродному брату Гайку, наполовину потерявшему слух после тифа, которым он болел в дашнакских казармах:

---

[1] Маузеристами называли армянских контрреволюционеров, членов партии дашнаков. Действие рассказа относится ко времени господства дашнаков в Армении.

— Завтра выведем скот в лес кормить почками.

— Но ведь снег еще глубокий, и у животных не хватит сил идти.

— Мы пойдем по солнечной стороне, там снега меньше.

На следующий день мы валили деревья, а скот в ожидании корма с жадностью глядел на ветки, на кончиках которых от приближения весны уже надулись почки.

Как только дерево со скрипом падало на землю, давя собой мелкие деревья и кусты, голодные животные бросались к нему и поедали молодые почки.

С этого дня скот наш стал питаться только этим кормом. Мы безжалостно рубили лес — уничтожали народное добро, но, несмотря на это, животные наши продолжали худеть и падать.

Ущелье около нашей деревни превратилось в настоящую могилу...

В начале марта Машка уже не могла подняться на ноги. Это была любимица и надежда нашей семьи: полукровка, крупная, с белой блестящей шерстью и красивыми рогами. Не будет преувеличением, если я скажу, что всю весну и лето Машка была для меня матерью. Это был тот год, когда кусок ячменного хлеба нам только снился, и до нового урожая я и теленок часто вдвоем сосали Машку, причем вначале теленок косился на меня и даже пытался оттолкнуть меня своей мордой, но потом так ко мне привык, что уже больше не мешал.

В то утро, когда Машка не могла встать, мы подняли ее, подложив под нее палки, но к полудню она снова легла, и, когда я вошел в хлев, она тоскливо посмотрела на меня мутными глазами. Я понял, что надежды больше нет. Спасти ее могло только сено. Что мне оставалось делать? Я обнял Машку за шею и заплакал...

Вдруг я вспомнил, что осенью оставил на горе Садаплу стог сена, чтобы спасти его от рук маузеристов и подкормить скот ко времени пахоты. Так же поступили все наши соседи. Я предложил Гайку отправиться за ним.

— Наплевать на пахоту и на все! — сказал я.

— Для кого же нам пахать, для кого? — воскликнул Гайк.

Разгневанные на весь мир, возмущенные своими угнетателями, мы решили отправиться за спрятанным сеном.

Трофей Гайка

День был бурный. Метель бушевала, и в горы невозможно было пройти. Я погнал скот в лес, чтобы кормить его почками, а Гайк взял ружье и решил спуститься в Ущелье двух монастырей.

— Может быть, подстрелю зайца,— сказал он, — а то ведь и мы подохнем с голоду.

Не прошло и получаса, как из ущелья раздался грохот. После второго выстрела я бросил стадо и побежал к ущелью, скользя по снегу. Скоро я увидел Гайка, тащившего за собой по земле тушу волка. Вот что он мне рассказал:

— Только я вошел в ущелье, — вижу перед собой двух бегущих волков. Я растерялся и сел на снег. Любого зверя можно остановить, если свистнуть: он всегда оглянется и посмотрит, откуда идет свист. Я поступил так же. Волки остановились. Один из них повернулся ко мне всем телом (волки не могут поворачивать одну голову); тут я и выстрелил. Как только я выстрелил, этот негодник стал рычать и кататься по снегу. Тут второй волк стал удирать. Я выстрелил в него. Пусть отрежут мне усы, если я не попал и в этого.

Гайк говорил правду: действительно, на следующий день пастухи нашли далеко от Двух монастырей, в ущелье Чахо, труп волка.

Вечером все население зимовника собралось, чтобы посмотреть на трофей Гайка. Мы уселись в хижине у очага, и началась оживленная беседа об охоте.

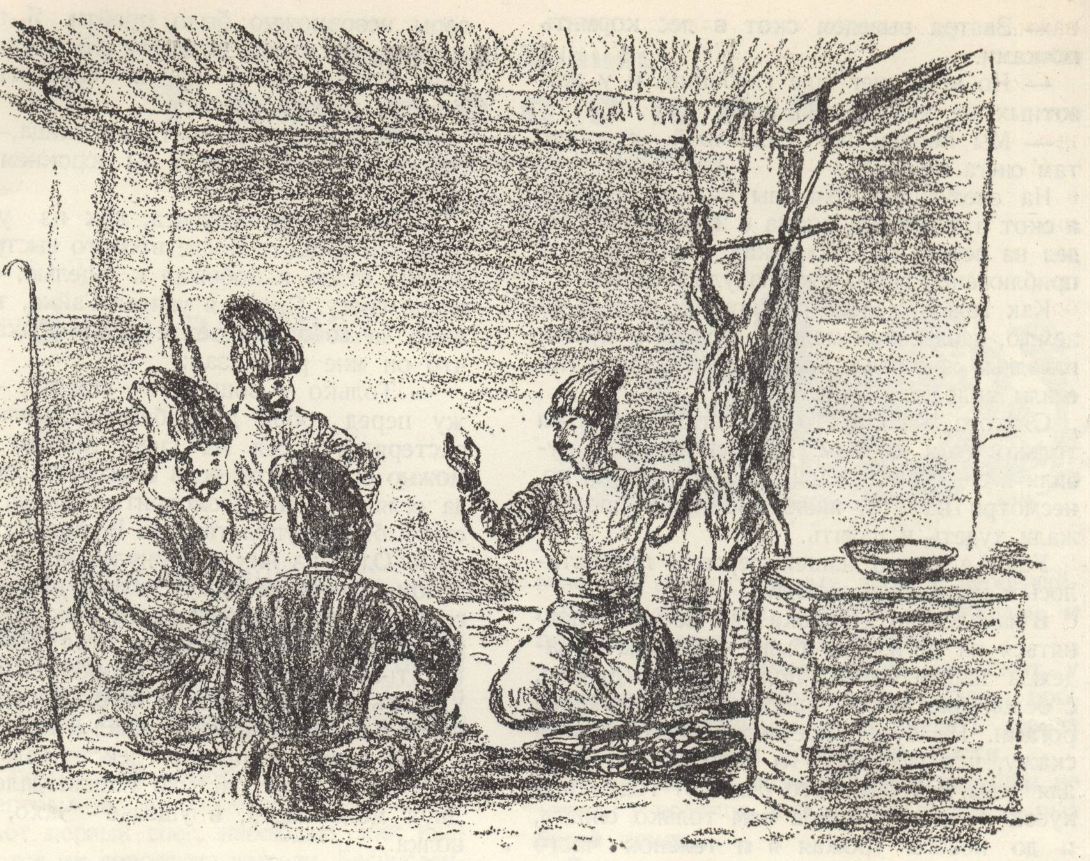
Гайк повесил волка на столб и стал обрабатывать его тушу: он собирался сделать из него чучело. Для этого он вытащил сперва внутренности волка через рот, а потом стал выскабливать мясо; шкуру он посыпал солью и квасцами. Мелонц Аршак сказал:

— Да, видать, что ты настоящий охотник!

Гайк понял, что речь идет о нем, и навострил уши. Мелонц повторил ему свою похвалу прямо в ухо. Гайк покраснел, потом помрачнел и глубоко вздохнул.

— Что это за охота! Еще когда мне было шестнадцать лет, олени — и те не избегали моей пули. Но что же осталось от прежнего Гайка...

И в его глазах мы заметили слезы. Мы были тронуты. В нашей памяти воскрес былой Гайк, стройный, широкоплечий, с берданкой на плече, верхом на горячем коне. В деревне он считался одним из самых красивых и храбрых юношей. Он был всегда хорошим человеком и даже скверным лю-

Гайк повесил волка на столб и стал обрабатывать его тушу...

дям делал так много добра, что они в глубине души раскаивались в своих бесчестных поступках.

Бесчестный Андо из Ахнизора

Мы попросили его рассказать нам что-нибудь из своей жизни. Он начал так:

— Пятнадцать лет назад дядя Шакар, Самсон Газарянц и, кажется, Гокор Асатурянц собрались на оленью охоту. Я попросился с ними; мне тогда было шестнадцать лет. Я так любил свое ружье, что спал, держа его в своих об'ятиях.

— Эй, малыш, не твое дело охота, ты останешься под сугробами! — пошутил дядя Шакар, но все же решил взять меня с собой.

Я хочу рассказать не об этой охоте, а о том, как ответил на поступок бесчестного человека.

О чем я говорил? Да, мы вчетвером поднялись на гору Халафа. Перед нами лежал Лори, а за ним ущелье Делижана. В этот день мы убили несколько оленей и подошли к селению Ахнизор. Меня послали туда за ослом, чтобы погрузить туши. В деревне мне указали на богача Андо, у которого был осел. Андо был известным и влиятельным человеком. Когда я подошел к его дому, то увидел костер, на котором жарилась свинья. Я был так голоден и так устал, что ноги мои подкашивались. Подойдя к Андо, я передал просьбу моих товарищей, но он грубо ответил:

— Нет у меня ничего для голодранцев!

И даже не поднял головы, чтобы посмотреть, кто с ним говорит.

Меня точно по голове ударили. Этот бессовестный, зная, что я пришел издалека, даже не подумал предложить мне кусок хлеба. А у меня при виде жарившейся свиньи потекли слюнки.

С тех пор прошло уже почти десять лет, но этот случай я никогда не мог забыть, и самым горячим моим желанием было встретиться с Андо как-нибудь еще раз. Я всегда расспрашивал о нем и узнавал, что он еще жив, все так же пользуется большим уважением в Лорийских горах и считается

важным человеком. Но в моих глазах он попрежнему был скверным человеком.

Свое благородство он приберегал для таких, как богач Павле-ага из Лори, а подобных нам не пускал даже и на порог.

Много злых мыслей проносилось у меня в голове. То мне хотелось поджечь зимовник Андо, то загнать куда-нибудь его стадо, чтобы несколько успокоить свое сердце, но потом мне казалось, что это неблагородно.

Одним словом, скажу коротко: выражение Андо «голодранцы» десять лет кололо мое сердце.

Однажды летом я поднялся в горы. Палатки ахнизорских пастухов находились недалеко от наших. Я сказал Мелонцу Аршаку, который был родственником Андо:

— Послушай, брат, я слышал, что Андо находится в горах. Пригласи его в гости, чтобы я с ним познакомился; говорят, он очень храбрый человек. А угощение я возьму на себя.

О цели своего приглашения я, конечно, умолчал.

Андо явился торжественно с целой свитой друзей. Он хотел осмотреть наши палатки. Компания слезла с коней и принялась за еду.

Я зарезал двух баранов и созвал всех пастухов на площадку за нашей палаткой.

Угощение было прекрасное: мясо, творог, сливки, вино, водка и вдобавок тар и кяманча [1]. Молодежь играла на бархатной зеленой траве в жгут.

Мы кутили до захода солнца. Андо был поражен оказанным ему приемом. Он чуть не плакал, настолько был тронут. Подконец он поднял чарку и предложил выпить за мое здоровье, обращаясь к пирующим со следующими словами:

— Друзья мои! Ничего я так от бога не хочу, как чтобы Гайк когда-нибудь слез со своей лошади перед моим домом. Тогда вы увидите, на что способен Андо из Ахнизора!

Я не дал ему договорить, встал и громко сказал:

— Я уже раз был у твоей двери...

При этом я ядовито улыбнулся. Андо удивился:

— Когда же это было?

— Десять лет назад.

Видно было, что он забыл об этом случае.

— Разве ты не помнишь, как я спустился с гор и пришел к тебе усталый, голодный и просил у тебя осла?

Андо сперва покраснел, а потом побледнел, как стена. Пирующие затаили дыхание. Я невозмутимо продолжал:

— В то время, дядя Андо, насколько я помню, ты жарил свинину, а бурдюк с вином валялся рядом. Слушай, Андо из Ахнизора! — тут я повысил голос. — Сказал ли ты мне: «Эй, парень, ты, наверно, голоден. Сядь и с'ешь кусок хлеба»?

Пирующие продолжали хранить молчание. Удар, нанесенный мной Андо, был так неожидан и тяжел, что все от стыда опустили головы.

Жилы на лбу и шее Андо так надулись, что казалось, сейчас лопнут. Задыхаясь, он сказал:

— Ты меня осрамил! Никто еще так не топтал в грязь Андо из Ахнизора!

— Не огорчайся, дорогой Андо, — ответил я спокойно. — В этом мире всякое бывает. Только у меня одна просьба: там, где ты захочешь рассказать о своем поступке, расскажи и о моем.

Да... Вот как можно сравнять с грязью бесчестного и наглого богача, — самодовольно закончил Гайк.

Мы были в восторге от поступка Гайка. Только батрак Енок покачал головой и сказал:

— Разве с кулаками можно так сводить счеты?.. Андо останется тем же Андо, а мы теми же голодранцами.

— Так ты говоришь, что вы убили оленей? — спросил Сурен.

— Да, целых четыре штуки, — ответил Гайк.

— А ну-ка, расскажи, как это было, — попросил я.

— Тогда мне было шестнадцать лет, и я только начинал охотиться, — заговорил Гайк.

— В те времена олени водились целыми стадами, — перебил Акоянц Кочар. — Большое ли дело было убить оленя! Ружья были не у многих, а в лесу за нашей деревней водились не только олени, но и медведи и козули. Стреляй — не хочу.

Олени, которые нам не достались

— Как я сказал, — снова начал Гайк, — мне было тогда шестнадцать лет. Руководил нашим охотничьим отрядом Шакар. Судя по погоде, он решил, что оленей мы найдем на южном склоне горы Халафа, так как там солнце уже растопило снег. Дядя

[1] Струнные музыкальные инструменты.

Шакар сказал, что если даже снег еще не растаял, то ветер, дующий с вершин, наверное, смел его остатки. Там уже, должно быть, зазеленела трава и, конечно, пасутся целые табуны оленей. Еще не пели петухи, как мы одели башлыки, набили лапти соломой и вышли из зимовника.

К восходу солнца мы уже были в горах.

Сказать правду, мне стало грустно: на склонах наших прекрасных гор еще не было пестрых цветов, мягкой, как шолк, травы. Куда ни взгляни, — везде пусто, лежит один только снег... Не доносится еще крик пастухов, лай собак, и коровы не мычат на пастбищах.

У тюркских кочевников есть песня, где говорится о горах и цветах и о печали перед наступлением осени. Они со слезами на глазах прощаются с горами и поют: «Горцы спускаются в долины, горы остаются оленям». Они так жалобно поют, что у слушателей сжимается сердце, а баранье стадо останавливается и точно прислушивается.

Напевая тихонько эту песню, мы поднимались по склону горы Халафа. В самом деле, гора осталась оленям: не было слышно ни звука, ни шороха, словно все живое вымерло. От времени до времени нам попадались большие сугробы снега. Прикладами уминали мы его, чтобы удобнее было ставить ноги. Оглянешься назад — внизу бездонное ущелье. Мы очень измучились.

Вы помните Студеный ключ на горе Садаплу? Около него мы заметили следы копыт; животных, повидимому, было целое стадо.

— Здесь были олени на водопое, — сказал дядя Шакар.

Навоз, оставленный ими, был еще теплый, значит, они проходили здесь совсем недавно.

У родника мы сытно закусили, напились воды и затем, держась следов оленей, быстро двинулись вперед; вскоре мы разделились и стали подниматься поодиночке с разных сторон на гору.

Как вам известно, перед горой Халафа поднимается еще гора Чут-Кар. Я взобрался на ее вершину, и сердце мое затрепетало.

Был ясный, солнечный день. Снег местами так сверкал и переливался, что глазам было больно; казалось, склоны усыпаны бесчисленными брильянтами. Под моими ногами раскинулась вся область Лори. Гордо поднимались вверх Лок, Лалвар, Леджан. Дальше видны были горы, лежащие за Тифлисом. А за ними далеко-далеко выступала белая вершина. Дядя Вано говорил, что это самая высокая гора Кавказа — Эльбрус.

Я глядел на нашу чудесную страну: внизу лежали леса, горы, весь Казах до самой Куры. С другой стороны возвышался Арарат со своей белой, как сахар, головой. А вон синеет что-то, точно кусок неба упал среди гор — это озеро Севан.

Я стоял и видел весь Кавказ перед собой. И, удивляясь, я думал: «Дивны дела твои, господи! Кто же создал мир таким прекрасным? И есть ли страна, лучше нашей!..»

Чего только ни подумает одинокий человек, стоящий на пустынной вершине горы! Долго еще я, увлеченный чудесными тайнами природы, беседовал с горами, как вдруг опомнился и увидел, что уже полдень. Я взял ружье на плечо и стал продолжать свой путь. Снег на склонах был глубокий, но я не погружался, так как поверхность его замерзла, и я шел легко, как по гладкому полу, а под ногами у меня хрустело.

Наконец, я добрался до горы Халафа. Ведь вы знаете, что у нее прямо сумасшедший характер. Летом, в самый зной, когда солнце сжигает все вокруг, вдруг она темнеет, грохочет градом и раскидывает овец по ущельям. А зимой она уж всегда бесится. И в этот день, о котором я рассказываю, она подняла такую бурю и метель, что передать нельзя. Я спрятался, с'ежившись под большим камнем, и весь дрожал, стуча зубами.

Когда буря немного утихла, я вылез и пошел дальше. Дойдя до небольшого плоскогорья, я пополз на животе немного в сторону, как меня учил дядя Шакар, и снова спрятался за камнем. Когда я высунул голову, то сердце мое затрепетало. Что же я увидел?.. Передо мной было целое стадо оленей... Они спокойно паслись. «Не следует стрелять, пока так бьется сердце»,— подумал я и с восторгом стал наблюдать за животными. Они передними ногами разрывали снег и щипали под ним траву. От времени до времени они поднимали свои красивые головы, настораживались, оглядываясь по сторонам, а затем снова принимались пастись.

Ну, что же мне вам рассказывать: ведь каждый из нас видел оленей, их тоненькие, точеные ножки, красивое, гладкое тело — совсем как городские девицы, приехавшие на дачу. Был среди них один молодой олень, такой прекрасный, ну, точно дочь нашего лесничего.

Олени-самцы бывают крупных размеров,

Олени спокойно паслись...

с вола. Ноги у них тонкие, туловище широкое, а шея — точно у быка, рога же напоминают ветви деревьев. У самок рогов нет, и они более изящны.

Продолжаю дальше. Ниже стада, за которым я наблюдал, на холмике лежали попарно шесть оленей и жевали жвачку. Занятно было то, что они лежали с мордами, повернутыми в противоположные стороны, точно отвернувшись друг от друга: таким образом они следили вокруг себя и могли заметить опасность с любой стороны; точно так же поступили и пасшиеся олени: одни стояли, повернувшись к Лори, другие—к Казаху. Но меня они не заметили: я стоял за камнем, затаив дыхание.

Как я уже говорил, мне тогда было шестнадцать лет, и я был неопытен, как ребенок. Долго и растерянно смотрел я на добычу, забыв о том, что олени могут убежать и что я должен скорее стрелять. Наконец, наглядевшись вдоволь, я разложил патронташ и стал целиться. Курок щелкнул так громко, что олени подняли головы и стали поводить ушами, прислушиваясь, а вожак стал нюхать воздух, вытянув морду. Я прицелился прямо в сердце.

Когда раздался выстрел, точно бомбу бросили в толпу. Животные с испуга подпрыгнули в воздух, начался переполох. Они точно ждали какого-то приказа, не зная, сами, что делать. Но приказа не было, вожак лежал на земле, роя ногами снег, весь залитый кровью и издавая предсмертное хрипение. Олени, очевидно, растерялись, увидя смерть своего вожака. Я выстрелил еще раз. Молодой олень, похожий на дочь нашего лесничего, подпрыгнул и упал...

Несчастные животные не могли понять, откуда летят пули, и поэтому не знали, куда бежать. При третьем выстреле они побежали прямо на меня и чуть было не повалили меня в снег. Зато мне удалось сделать два—три выстрела в упор, тут они меня увидели и понеслись в сторону Лорийских гор. Когда они убежали, я вылез из своей засады и увидел на плоскогорье три оленьих трупа. Вокруг на снегу было столько крови, что сердце у меня заныло. Вероятно, так выглядит поле брани после

штыкового боя. Некоторые олени, которых я только ранил, бежали, истекая кровью.

Когда на мои выстрелы подошли товарищи, мы пошли по следам раненых. Дядя Шакар убил одного из них в горах Ахнизора. После того как мы зарыли трупы в снег, я отправился в Ахнизор за ослами. Дальнейшее вы уже знаете, об Андо я уже вам рассказывал.

Но тут, ребята, случилось одно чудо, о котором я еще не говорил. Когда мы нашли ослов и привели их в горы, чтобы погрузить на них оленьи туши, со мной стряслось что-то непонятное. В глазах у меня потемнело, в голове все помутилось, и я вдруг неожиданно для себя направил ружье на дядю Шакара и уже хотел стрелять, когда меня схватили товарищи. Они стали тереть мне снегом лицо и тело, но это мало помогало. Потом я потерял сознание. Мне рассказывали после, что дядя Шакар развел костер и положил меня в горячий пепел. Этим он опалил мне ноги, и я пролежал две недели.

Все же было непонятно, что со мной, и многие решили, что это в наказание за пролитую мной кровь. Конечно, это пустяки, и грех тут не при чем, а дело было, повидимому, в том, что я очень замерз в этот день, измучился и чересчур волновался. Как бы то ни было, меня взгромоздили на ослика и повезли домой. По дороге я пришел в себя, слез с осла и несмотря на спаленные ноги пошел пешком. Перед самыми нашими зимовниками мы наткнулись на стражников из лесничества, которые хотели отнять у нас оленей; мои товарищи стали просить их оставить нам добычу, говоря о своей бедности и горе, но стражники ничего не хотели слушать. Тогда я, еще будучи не совсем в уме, взял ружье, спрятался за деревом и хотел было уже стрелять в стражников, крича: «Пошли, собачьи дети, у кого вы хотите отнять оленей?», — как дядя Шакар схватил дуло моего ружья...

— С ума ты сошел, что ли? Нас в Сибирь загонят, что ты делаешь! — закричал он и отнял у меня ружье.

Эти люди в нашивках нас как следует поколотили, отняли оленей и отправились в Делижан. На следующий день я услышал, что меня хотят арестовать за то, что я хотел убить должностных лиц. Тогда я решил убежать в зимовники Ахарцни.

Мой дядя Осеп, старшина,— ведь вы знаете, каким влиянием он пользовался,— поехал в Делижан к приставу и стал просить за меня, говоря, что я это сделал по молодости и глупости. Может быть, он дал и взятку. Думаю, что без этого не обошлось.

Да, дорогие братья, вот какие дела!.. Так нам и не достались эти олени, — закончил Гайк.

— Да, тогда нам не было житья, и теперь, при дашнаках, тоже житья нет, — застонал мой отец, зажег лампу и вошел в хлев. Когда он вернулся обратно, я заметил в глазах его глубокую печаль.

— Машка умерла, — сказал он и опустил голову.

— Да, сейчас тоже нам житья нет, — повторил я с горечью, взял нож и вошел в хлев, чтобы снять шкуру с моей любимой коровы.

* * *

На следующий день, в буран и метель, мы шагали по колено в снегу, идя в горы за сеном, чтобы спасти от голодной смерти оставшийся скот...

Медведи

Еще не рассвело, как мы с приятелем Вашнаком и охотником Шакаром, тепло закутанные и в башлыках, вышли из деревни на охоту. Вскоре мы сошли с дороги и вступили в лес.

Было очень холодно. Промерзшие сучья трещали у нас под ногами. Из-под кустов, из-за камней или из ям выскакивали то и дело зайцы, навострив уши, или вылетали куропатки и другие мелкие птицы.

При виде их мое юное сердце трепетало, а рука невольно тянулась к собачке карабина, который я держал наготове. Было мне тогда шестнадцать лет.

— Эй, паренек, не шали!—наставлял меня дядя Шакар.— Стоит ли на них тратить пули! Скоро мы дойдем до медвежьего логовища, вот тогда ты покажи свое уменье, если оно у тебя есть.

Пройдя горы и ущелья, мы добрались до Арпвутского леса, места нашей охоты. Здесь водились медведи. Я сиял от радости.

Вскоре взошло солнце. Было ясное и прозрачное утро. Снежинки сверкали под солнечными лучами как тысячи алмазов. Птицы, щебеча, порхали с дерева на дерево.

Мы дошли до большой горы. Дорога стала тяжелой: снег доходил нам до пояса. Лохматая папаха и две пары носков защищали мои уши и ноги от мороза.

Дядя Шакар несмотря на свой преклонный возраст шел впереди, ломая сучья и кусты, разворачивая сугробы и расчищая дорогу для меня и Вашнака. По дороге он рассказывал нам свои приключения, от которых нас пробирал мороз по коже.

— Видите вы вот ту скалу?—сказал он.

— Под ней я убил оленя величиной с молоканского вола. Рога были у него словно ветви дерева. Это было в год «бунта» [1], тоже зимой. Тогда же я убил медведя, которого три пары волов еле довезли до дому.

Мы с удивлением и восхищением слушали дядю Шакара. Чего-чего только не испытал этот человек, охотившийся в течение сорока пяти лет! Казалось, не было куста или камня, не окрашенного кровью его жертв. С ним нам совсем не было страшно.

Мы продолжали взбираться на гору, то спотыкаясь на камнях, то катясь со склона подобно бревнам, то карабкаясь и цепляясь за скалы. Наконец, дядя Шакар довел нас до родника. Мы сели отдохнуть; мои спутники вытащили из своих мешков хлеб и сыр, я достал каурму [2], завернутую в лаваши [3], и мы стали с большим апетитом закусывать.

— Как вкусно есть на воздухе! — воскликнул я.

Дядя Шакар согласился со мной и затем указал на скалы, лежавшие перед нами за ущельем:

— Вон там живет дядя медведь. Он, наверное, вышел из логовища. Слышите, как беспокойно щебечут колочарты: эти птички всегда поднимают переполох при появлении медведя.

Мы напились воды из родника и пошли

[1] Подразумевается революция 1905 года.

[2] Жареное мясо, заготовленное в прок, на зиму.

[3] Большая лепешка из тонко раскатанного теста.

— Ты меня хотел сожрать, так вот попробуй!..

за дядей Шакаром. Когда мы вошли в ущелье, он остановил нас знаком. Мы увидели на снегу, у самых наших ног, следы больших лап, точно здесь прошел босой человек.

— Это след медведя, — прошептал дядя Шакар, снимая ружье.

Сердце мое забилось.

— Теперь он, повидимому, вернулся в логовище, которое, думаю, находится среди этих скал. Будем держаться следов и подниматься вверх. Ты, малыш, — обратился ко мне дядя Шакар, — еще молод, пойди, спрячься за камнем и сиди молча, а ты, Вашнак, иди вперед и, дойдя до пещеры, где находится берлога, выстрели прямо в нее, потом беги обратно и тоже спрячься.

— А кто же убьет медведя, дядя Шакар? — наивно спросил я.

— Чудак, конечно, не ты: это дело Шакара. Вы не успеете перейти эту речку, как я уже буду над берлогой, на скале. Вы только выгоните медведя из его логова, а уж остальное — мое дело, — говорил старый охотник.

Перепрыгивая с камня на камень, он быстро и бесшумно исчез в темном лесу. Мы остались одни.

Следуя приказу, мы стали карабкаться вверх по горе, держась медвежьих следов. Судя по кое-где взрытому снегу, медведь останавливался и искал под сухими листьями завалявшиеся груши, яблоки, орехи.

Чем ближе мы подходили к берлоге, тем сильнее нас охватывал страх. Когда мы подошли совсем близко к цели, то увидели дядю Шакара, который как сокол сидел на верхушке скалы, держа наготове ружье, впиваясь взглядом в то место, где, по его расчетам, находилась берлога. Он сделал нам рукой знак, и я, по уговору, отстал и спрятался за камнем.

Вашнак отважился и подошел ближе, разглядывая медвежьи следы. Убедившись, что зверь находится в берлоге, он направил дуло в пещеру, выстрелил и сейчас же бросился бежать обратно.

После грохота от выстрела в пещере раздалось глухое рычанье медведя. Он проснулся, вылез из берлоги и, недовольно ворча, пошел к лесу.

В это время две пули из ружья дяди Шакара попали в спину медведя. Он, рассвирепев, бросился в ту сторону, где спрятался Вашнак. Вашнак стал быстро и бесцельно стрелять, так что скоро израсходовал все свои патроны. Отступая, он остановился у громадного дуба, и, пока поворачивался, медведь настиг его, встал на задние лапы и, схватив ружье за дуло, стал его жевать, пытаясь в то же время свалить Вашнака в снег.

— Помогите, помогите! Дядя Шакар, спаси меня! — закричал Вашнак из-под медведя.

Дрожащими руками я схватил свой карабин и выстрелом раздробил левую заднюю лапу зверя. Он зарычал от боли и еще сильнее сдавил Вашнака. Дядя Шакар был еще далеко. Он дал мне знак не двигаться, прицелился в медведя и выстрелил. Тут Вашнак и медведь, оба окровавленные, скатились в ущелье.

— Дядя Шакар, ты убил Вашнака!—закричал я и, плача и спотыкаясь, побежал в ущелье.

— Ты, малыш, не плачь! Охотник Шакар знает путь своей пули!—крикнул мне в ответ старый охотник. Спокойно и самоуверенно он спустился со скалы.

Мы вошли в ущелье и что же увидели: Вашнак, растерзанный и весь в снегу, стоит около убитого медведя, прикладом ружья яростно бьет его и ругается:

— Ты меня хотел сожрать, проклятый, так вот попробуй!..

Я сквозь слезы начал смеяться.

— Ну торопитесь, день близок к концу, — приказал дядя Шакар.

Мы связали лапы медведя, привязали их к ружью, и Шакар с Вашнаком поволокли его по снегу вниз, в ущелье, туда, где стояли зимовники, а я торжественно восседал на мохнатом животе зверя и победно орал на всю округу.

Когда мы добрались до зимовников, нас встретили и провели в одну из хижин, где сейчас же развели огонь и окружили толпой нашу добычу.

Часть ребят стала сдирать кожу, громко удивляясь толстому слою жира, а другие отправились в лес, чтобы из сучьев сделать вертела для шашлыка.

Когда все было готово, дядя Шакар сам приготовил шашлык «по-лесному». Мы накинулись на него и с апетитом уничтожили, шутя и смеясь над «трюками» Вашнака во время борьбы его с медведем.

Затем, после ужина, сидя перед горящим очагом, мы всю ночь слушали рассказы дяди Шакара из его охотничьей жизни.

Снаружи доносился до наших ушей вой волков из ближайших лесов и в ответ им—лай наших собак...

Случай в камышах

I

Наш дом стоит в верхней части деревни, на восточном склоне холма, окруженного зеленью садов.

Первые лучи солнца золотят наш балкон раньше других и через открытые окна врываются в комнаты.

В это утро я почувствовал на своих веках солнечный свет и проснулся.

Я стою на балконе и смотрю: передо мной тянется Казахское ущелье со своей пенистой, бешеной речкой, темными лесами и огромными скалами, поднявшими среди зеленой листвы свои оголенные вершины. Вон возвышается гора Гегдаг с ее лиственными склонами и бархатными, ровными плоскогорьями. На севере горы, отделяющие Казах от Лори, покрыты беловатой, утренней мглой. Ветерок шуршит на балконе и приносит аромат бесчисленных цветов и дыхание волнующихся внизу колхозных полей. Я с жадностью вдыхаю этот чудесный воздух—с жадностью человека, приехавшего из пыльного и знойного города на один день.

Несколько голубей летят в воздухе, и их перья блестят под лучами солнца.

Я беру свою двустволку, поднимаюсь на холм и стреляю в проносящуюся над моей головой стаю. Раздается хлопанье крыльев, и мои жертвы падают в соседний сад. Я подбираю птиц, вешаю на пояс, сбоку, и спускаюсь вниз.

Перед нашим домом стоит человек, опирясь на огромный посох. У него большая лохматая папаха, посеребренный кинжал заткнут за пояс и полы чухи подобраны. Он беседует с моим отцом. Я его узнаю издали: это Шакар, самый известный охотник Казаха. Точно я не знаю, как он нам приходится: нето племянник дедушки, нето внук. Меня он с детства любит за смелость.

Он заметил меня и закричал густым басом:

— Эй, парень, ты ли это? Добро пожаловать!

Затем, он покосился на голубей, висевших у меня за поясом, и прибавил:

— Э, сыночек, видно в городе ты только и научился, что голубей гонять?

По мнению этого старого охотника, не было для мужчины чести в том, чтобы стрелять мелких птиц. Кроме того он высмеивал городских охотников за то, что они берут с собой охотничью собаку. Ему было за семьдесят, и полвека он прожил на свежем воздухе, на лоне природы, бродя зиму и лето среди бездонных ущелий и высоких вершин. Многие из его ровесников, как он сам говорил, уже «семь раз износили свои саваны», но он был здоров как бык, и его глаза были зоркие как у горного орла.

Теперь он был колхозным пастухом, и ни один волк не осмеливался показаться около его стада. Не было зимы, чтобы медведь не ревел, издыхая от пули его ружья, не знающего промаха.

— Скажи мне, племянник, не привез ли ты чего-нибудь, чтобы смочить вот здесь?— и он щелкнул себя по горлу.

— Ну, как же! Да здравствует «Арарат» [1]. Пойдем к нам!

Мы сели на балконе, вокрут стола, и наполнили стаканы коньяком.

— Слушай, молодой племянник, ведь ты меня осрамил перед всем армянским народом.

— Как это, дядя?

— Будто не знаешь?.. Недавно прохожу я по большой улице Делижана. Ребята, у которых вокруг шеи повязана красная мате-

[1] «Арарат» — трест винодельческих совхозов, марка вина.

рия, показывают на меня пальцами и кричат: «Вот, глядите, это охотник Шакар!» А я ничего не понимаю. Вдруг один из них подходит ко мне с книгой в руках и говорит: «Дедушка, смотри: вот твой портрет напечатан, ты видел?» Кровь ударила мне в голову. Я выругался: «Будь ты проклят, сатана! Чего же я такого сделал, что мой портрет напечатали в книге?» Смотрю на картинку: какой-то человек с толстой мордой, в мохнатой папахе направил дулю ружья прямо в грудь медведя. Но он совсем не был похож на меня. Я говорю: «Дорогие ребята, я много медведей убивал, но этот человек — не я, у него морда широкая». Они отвечают мне: «Ведь это в городе рисовали по памяти».

Рассказ дяди Шакара сильно насмешил нас. Очевидно, это был журнал «Пионер», в котором я когда-то печатал свои воспоминания об охоте на медведей с дядей Шакаром.

— Расскажи мне что-нибудь об охоте, хочу опять тебя пропечатать,— попросил я дядю.

— Если вы опять меня сделаете таким уродом, я ничего не расскажу,— серьезно ответил он.

Я его успокоил, после чего он начал свой интересный рассказ о диких кабанах.

II

«Однажды, в середине марта, неожиданно выпал глубокий снег. Скот, пасшийся уже в горах, должен был вернуться в хлева, где вскоре кончился запас сена. В то время колхозов еще не было, а правительство было не наше. В деревне заправилой был Бадалянц Вартыван. Он накопил много золота, выстроил себе хоромы и жил как ядрышко в скорлупе ореха.

Осенью он руками батраков заготовил много сена и в эту трудную пору продавал его втридорога. А народ, отчаявшись, продавал половину своего скота, чтобы купить сена и спасти этим оставшихся животных.

Я говорю сыну: «Арут, сыночек, наш скот не выдержит, коли приходится покупать сено горсточками. А этот бессовестный Вартыван, как видишь, забыл своего бога. Давай погоним скот к Куре, там теплее».

Сказано—сделано. Я взял своего младшего сына Абеля, и мы отправились.

На четвертый день мы дошли до Акстафы и погнали скот в деревню Садалу, прямо к нашим знакомым тюркам. Они, как ты знаешь, летом поднимаются в горы, где мы живем, отсюда и наша дружба. Эти люди приняли нас так сердечно, что мы навеки останемся их должниками.

Здесь была настоящая весна. Кура разлилась, помутнела, и в ее камышах птицы уже начали вить гнезда. Трава поднялась настолько, что скот мог вполне насытиться.

Овцы начали уже ягниться, и молока было много—мы делали похлебку и ели вдоволь. Собаки поедали не меньше нашего, они потолстели и бегали без дела на этих равнинах, где не было ни волков, ни других тварей. Одним словом, жили мы сытно и хорошо.

Только плохо было то, что я целых две недели не ходил на охоту — руки и все тело мое словно чесались.

Однажды утром я увидел, что кучи навоза вокруг хлева были разрыты, как будто кто-то прошелся по ним сохой. Смотрю: и в поле тоже такие же точно вспаханные места. Я говорю: «Это что такое, Марлам?» А он мне: «Это ночью дикие кабаны здесь были. Они приходят сюда из камышей».

Как только он сказал это, сердце мое встрепенулось. Охота на кабана мне была непривычна: ведь в наших краях, как тебе известно, кабанов нет.

Наш хозяин сказал мне, что кабан хуже медведя. Его трудно убить, так как у него такой толстый слой жира, что он сейчас же закрывает рану и не дает крови вытечь. Поэтому кабан редко попадает в руки охотнику. А если встретишься с самцом, то нет тебе спасенья.

Марлам рассказал нам, как один из его односельчан поехал на охоту верхом, чтобы раненый кабан не достал его. С лошади он и выстрелил в кабана. Раз'яренное животное бросилось на коня и клыками словно шашкой распороло ему заднюю ногу от копыта до бедра. Чтобы спастись от раненого кабана, надо или вырыть яму и забраться туда, так как кабан не может бить клыками вниз, или надо подняться куда-нибудь повыше, чтобы он не достал своим рылом.

Зная эти правила, я отправился в камыши и стал их обшаривать.

Рассчитав, в какую сторону побегут кабаны, если их выгнать из тростников, я послал туда Абеля с собаками, чтобы он поднял шум и заставил их выбежать на меня. Затем, я сел на пень и стал ждать.

Вдруг я увидел, как передо мной задвигались и зашуршали камыши. Стадо кабанов, ломая высохший тростник, прошло недалеко от меня. Я их сначала и не увидел; затем, показался один кабан с припод-

Я выстрелил снова и вдруг почувствовал, что мои ноги уходят в трясину.

нятым кверху рылом. Я выстрелил и попал, но он исчез; тогда я бросился за ним по кровавым следам на стеблях. Вскоре я увидел его спину и выстрелил снова. И вдруг почувствовал, что мои ноги уходят в трясину. Тут этот негодяй злобно захрюкал, повернулся и бросился на меня. Я направил ружье прямо ему в грудь и снова выстрелил, а ноги мои уже по колено ушли в болото. Кабан настиг меня и навалился так, что я упал. Из его груди и спины лилась кровь. Ружье очутилось под ним. Я хотел выхватить кинжал, чтобы вонзить ему в грудь, но кинжал запутался в корнях тростников.

Кабан в это время стал уже издыхать и уже не мог меня ударить: он лежал, навалившись на меня половиной своей туши, и, сам погружаясь в болото, тянул меня с собой. Я старался вылезть из-под него, весь измучился, но ничего не выходило. «Будь ты проклят, дьявол, что это за наказанье!»—выругался я.

В тот момент, когда кабан испускал дыханье, он повернулся так, что совсем придавил меня. Я закричал:

«Абель, помоги! Эй, Абель, помоги!»

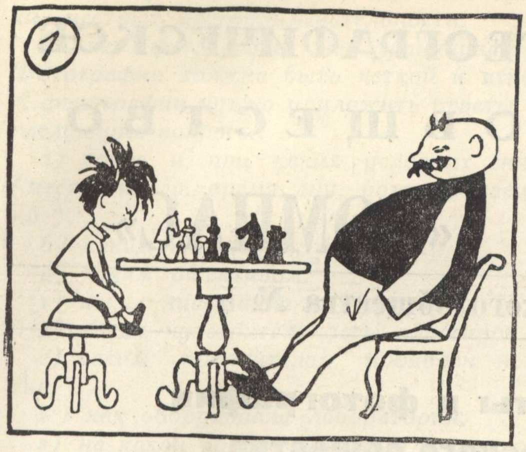
На мой крик подоспел Абель с собаками, сбросил кабана и вытащил меня из болота. Да, этот негодяй хотел меня взять с собой на тот свет. Но это был не кабан, а целый буйвол: восемь пудов мяса и жира было в нем!

После этого случая я уже знал, как охотиться на кабанов, и никогда не слезал с пня, чтобы там ни случилось, — закончил свой рассказ дядя Шакар».

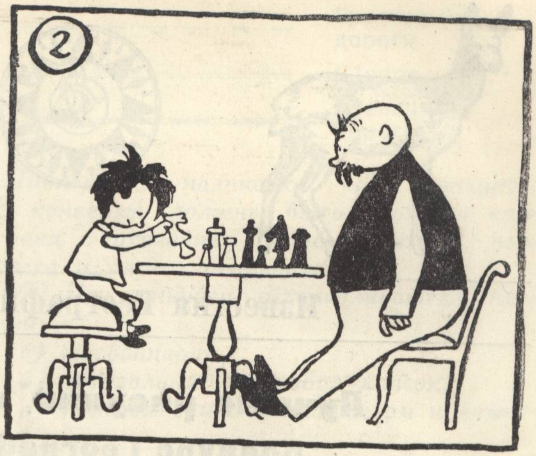
— Я знаю, что ты об этом напишешь в книге, — прибавил он улыбаясь, — но не пиши ничего лишнего, а самое главное — не давай рисовать меня таким страшилищем.

Тут он поднял стакан вина, выпил за мое здоровье и высказал пожелание, чтобы моя пуля никогда «не упала на землю».

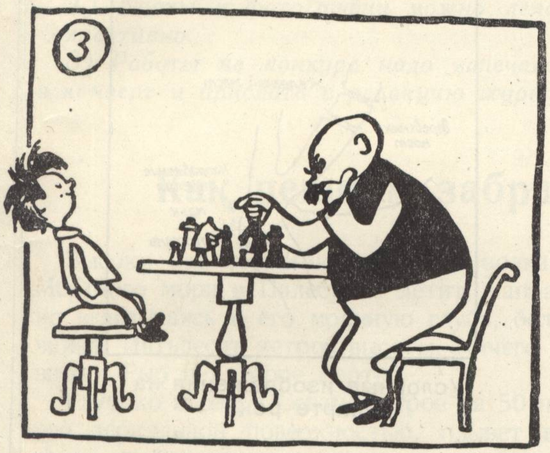
Неожиданный эндшпиль

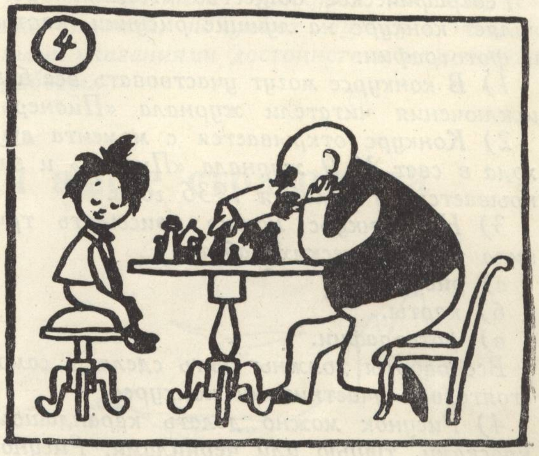
— Ну-ка, поглядим, как ты играешь.

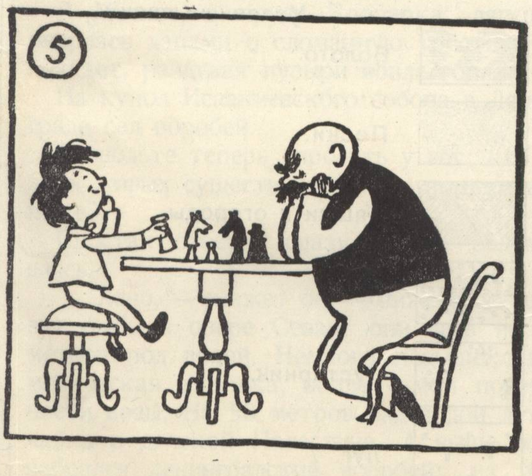
— Гм... странный ход!

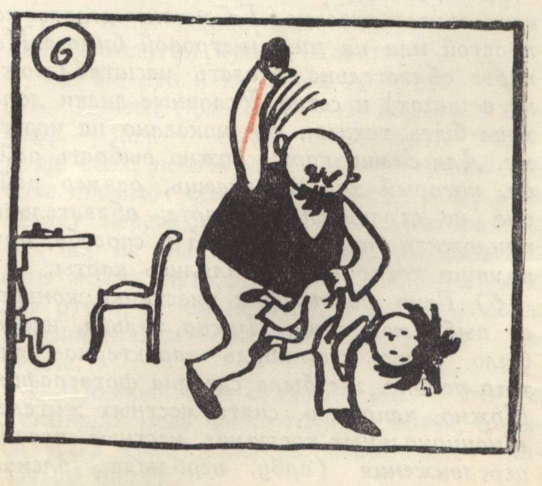
— Если я—так, он—так...

Папаша Фогель в цейтноте.

— И как будто, папаша, следующий ход—мат!

Эндшпиль, в шахматной теории неизвестный.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «КОМПАС»

Известия Географического общества № 5

Лучшие рисунки, карты и фотографии

Конкурс Географического общества

Географическое общество «Компас» объявляет конкурс на лучшие рисунки, карты и фотографии.

1) В конкурсе могут участвовать все без исключения читатели журнала «Пионер».

2) Конкурс открывается с момента выхода в свет № 9 журнала «Пионер» и закрывается 31 декабря 1936 года.

3) На конкурс можно присылать три вида географических работ:

а) рисунки,

б) карты,

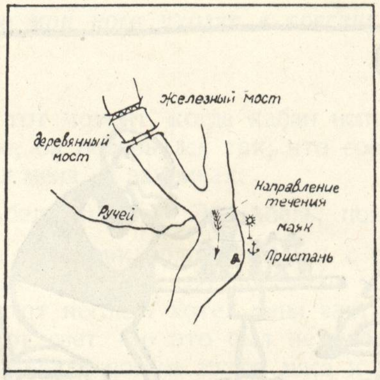
в) фотографии.

Все работы должны быть сделаны самостоятельно участниками конкурса.

4) Рисунок можно делать карандашом, красками, тушью или чернилами. Рисунок должен передавать характер местности.

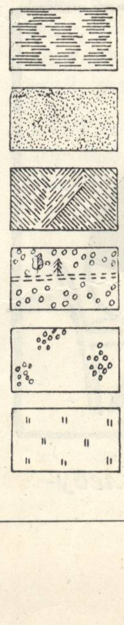
5) Карта должна быть снята и вычерчена самостоятельно. Ее можно делать на простой или на миллиметровой бумаге. На карте обязательно показать масштаб (можно в шагах) и сетку. Условные знаки должны быть такими, как показано на чертеже. Для с'емки карты нужно выбрать район, который хорошо знаешь, размер района не ограничен. К карте обязательно приложить описание района и способа, при помощи которого составлялись карты.

6) Тему фотографии участники конкурса выбирают сами. Нужно только, чтобы было снято что-нибудь характерное для того района, где была сделана фотография. Можно, например, снять местных жителей в национальных костюмах, местные способы передвижения (арбу, верблюда, оленью упряжку, лодку и т. д.), животных и растения, характерные для этого района, местные производства (разработку торфа,

Условные изображения на карте реки.

Условные знаки:

Болото.

Пески.

Пашни и огороды.

Лес.

Кустарник.

Луг.

лесосплав, рыбный лов и т. д.), новостройки, местные достопримечательности.

Размер фотографии не ограничивается. Фотография должна быть четкой и ясной. К фотографии нужно приложить ответы на следующие вопросы:

а) когда и при каких условиях снято (месяц, число, время дня, погода, освещение),

б) каким аппаратом,

в) каким об'ективом,

г) какая диафрагма и выдержка,

д) какая чувствительность пластинок,

е) каким проявителем проявлен негатив,

ж) как оборудована лаборатория,

з) на какой бумаге сделан отпечаток,

и) как сделан отпечаток (контактом или увеличителем).

7) Карты и фотографии можно делать коллективно.

8) Работы на конкурс надо запечатать в конверт и прислать в редакцию журнала

——— Тропы.

——— Грунтовые дороги.

═══ Шоссе.

═══ Железные дороги.

«Пионер» с надписью: «На конкурс». В конверты должны быть вложены карточки с указанием фамилии, имени, возраста и адреса отправителя.

9) По конкурсу устанавливаются премии:

а) фотоаппарат,

б) готовальня или набор красок,

в) полевая сумка с планшетом и компасом,

г) подписка на «Пионер» на год,

д) подписка на «Пионер» на полгода.

10) Участники конкурса, не получившие премий, получают оценку с подробными указаниями достоинств и недостатков работы.

Как пешком забраться выше стратостата

Высоко над темными солеными волнами Мертвого моря в Палестине летит, напрасно вглядываясь в его мрачную глубь, белая чайка. Пятьдесят метров высоты. Ничего не видно. Рыб нет. Море мертво...

Глубоко в озере Севан, метров на 50 под его зеркальной поверхностью, плывет веселая стайка пестрых, похожих на форель рыб. Сумрак... Острые очертания подводных скал...

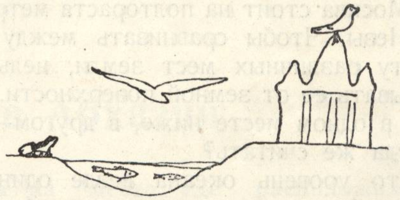
В Москве, в пруду Зоопарка, лягушка оперлась лапами о сломанную тростинку и квакает, раздувая пузыри возле горла...

На купол Исаакиевского собора в Ленинграде сел воробей...

Позвольте теперь спросить у вас: кто из этих живых существ находится выше и кто ниже?

Простак ответит сразу же, не задумываясь.

— Ясно, — скажет он, — ниже всех плывут рыбы в озере Севан: они ведь на 50 метров под водой. Немного повыше сидит московская лягушка, возле самой поверхности воды. На 50 метров над водой летит чайка в далекой Палестине. А выше всех забрался ленинградский воробей: на 112

Так кажется на первый взгляд.

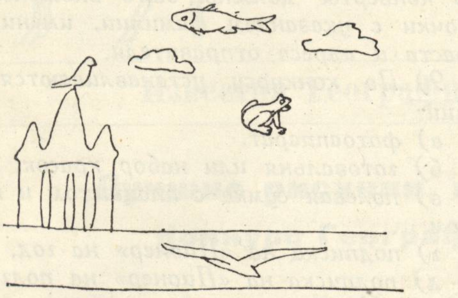
метров выше ленинградских лягушек поднимается золотой купол Исаакия.

Что же это и на самом деле так?

— Ничего подобного! — возмутится географ. — Дело обстоит совершенно иначе: выше всех, почти на двухкилометровой высоте, плавают севанские форели; ниже всех летает невежественная чайка, которая до сих пор не знает, что в Мертвом море нет и не может быть рыб: оно слишком солоно для этого, в нем не вода, а густой рассол; повыше чайки — воробей, еще выше — лягушка.

— Позвольте! — скажете вы. — Что за путаница? Ведь чайка-то н а д водой, а рыба п о д водой. Как же чайка может оказаться ниже?

— Да, над водой, но над водой М е р т в о г о моря. Да, под водой, но под водой озера С е в а н, — сердито закричит географ. — Вы должны знать, что озеро Севан лежит на 1917 метров выше, а Мертвое море почти на 400 метров ниже... уровня океана!

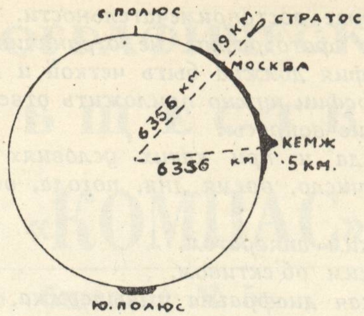
А на самом деле так.

Озеро Севан лежит высоко в Армянских горах. Ленинградские тучи ходят иной раз ниже чем его волны. Мертвое море лежит глубоко в Палестинской впадине земли. Средиземноморские корабли плавают на полкилометра выше, чем летают палестинские птицы. Нева течет еще немного выше, Москва стоит на полтораста метров выше Невы. Чтобы сравнивать между собой высоту различных мест земли, нельзя отсчитывать ее от земной поверхности. Земля сама в одном месте ниже, в другом — выше. Откуда же считать?

Зато уровень океана везде один. Если бы не было материков, океан облегал бы всю землю ровной, гладкой выпуклой оболочкой, без возвышенностей и провалов. От этого уровня удобно отсчитывать любую высоту и любую глубину.

Однако почему мы должны отсчитывать высоту обязательно от этого незаменимого уровня? Неужели нельзя найти других, столь же постоянных оснований для измерения? Конечно, можно.

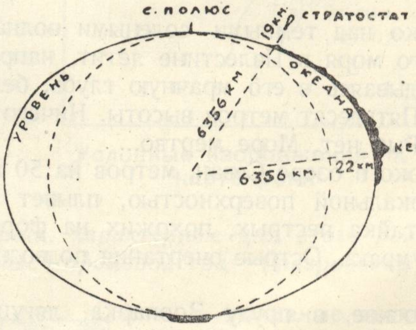
Давайте условимся, например, исчислять высоту любого предмета не от поверхности океана, а прямо от центра земли. Тут тоже никакой разноголосицы как будто быть не может: центр земли для всех мест один. Палестинская чайка ближе к нему — значит она ниже; севанская форель дальше от него — значит выше. Все в порядке. Появилось даже лишнее удобство: не надо различать «глубины» от «высоты».

Земной шар не таков.

Но допустим, что в тот день, когда над Москвой взлетел в небо стратостат «СССР-1» и поставил мировой рекорд высоты — 19 километров, — несколько негров, карабкаясь по склонам горы Кении, у экватора, достигли ее вершины, возвышающейся на 5520 метров. Кто был выше?

Как будто совершенно ясно, что негры были на 13 480 метров ниже нашего стратостата.

Он сплющен с полюсов.

Так оно и есть, если считать высоту от уровня океана. Но ведь мы условились измерять высоту от центра земли. А земной шар — это почти всякий знает — похож не на шар, а скорее на репку или на мандарин. Он сплющен с полюсов, т. е. тот его поперечник, который соединяет оба полюса, несколько короче чем соединяющий две противоположные точки экватора. Разница эта пустяковая: она составляет всего-навсего одну трехсотую часть диаметра земли, т. е. примерно около 44 километров. Но посмотрите, что из-за этого получается.

Если бы земля была правильным шаром, то высота стратостата от центра земли равнялась бы 6356 километрам (радиус земли) плюс 19 километров (над уровнем моря), т. е. 6375 километрам. Высота горы Кении была бы 6355 плюс 5,5 километра = 6360,5 километра. Кения попрежнему была бы почти на 14 километров ниже.

Но ведь это не так.

Москва лежит так близко к полюсу, что мы сейчас можем для простоты не обращать внимания на разницу между ее высотой от уровня моря и над центром земли[1]. Другое дело — вершина Кении: она расположена близко к экватору. Поглядев на чертеж, нетрудно понять, что она расположена дальше от центра земли, на половину разницы длины «полярного» и «экваториального» поперечников земли, то есть на 22 километра. Значит, высота стратостата от центра земли в Москве почти не будет отличаться от той, какую мы нашли раньше, — 6375. Высота же негров, поднявшихся на вершину Кении, окажется равной 6356 плюс 5,5 плюс 22 километра = 6383,5 километра. Значит, негры пешком поднялись на 8,5 километра выше стратостата, если считать высоту по такому, изобретенному нами методу.

Почему же не пользуются этим методом? Да просто потому, что это неудобно. Ведь каждый легко может опуститься до уровня океана и, находясь на нем, начать любые измерения. А попробуйте добраться до центра земли, и вы, конечно, откажетесь от этого способа, хотя теоретически он совершенно правилен, а главное — этот способ не дает нам в данном случае практического, реального знания. Ведь говоря о высоте под'ема, мы имеем в виду преодоление слоев атмосферы. Об этом и говорит нам измерение от уровня океана, т. е. от нижнего слоя атмосферы. И, конечно, выше стратостата никто из людей не поднимался. Но все же, говоря о высоте, всегда надо помнить, что начало для отсчетов ее выбрано совершенно условно и в случае надобности может быть заменено другим.

[1] Однако эта разница все же есть. Ее позволяет вычислить и, где нужно, принять в расчет наука о форме и размерах земли — геодезия.

Л. Успенский

Ленинград

Охота на перепелок в Абхазии

Весной и осенью через Абхазию пролетают огромные массы перепелок. Небольшая часть их остается на лето в Абхазии, а большинство в Абхазии только отдыхает во время перелета.

Иногда, в темные осенние или весенние ночи, перепелки стаями налетают на освещенные окна и бьются о стекла. Тогда люди ловят их прямо руками.

Понаблюдав это, охотники стали охотиться ночью с фонарем, употребляя его как приманку.

Но самый распространенный и любимый в Абхазии способ ловли перепелок — это охота с прирученными ястребами.

Выходя на охоту, охотник сажает ястреба на руку, надевает ему на голову колпачок, берет палочку и идет на поле.

Придя на место, где расположились отдыхать перепелки, охотник начинает бить палкой по кустам и высокой траве, стараясь шуметь как можно больше. Перепелка, услыхав шум, взлетает. Тогда охотник снимает колпачок с головы ястреба и бросает хищника по направлению к перепелке. Ястреб быстро настигает ее, хватает своими когтями, от тяжести добычи опускается на землю и долбит ее по голове. Хозяин находит ястреба по звону бубенчиков, привязанных на его ноге, берет у него перепелку и в награду дает поклевать ее голову.

Охотник обходит таким образом все поле и за несколько часов добывает иногда сотню перепелок.

Оленичев Олег

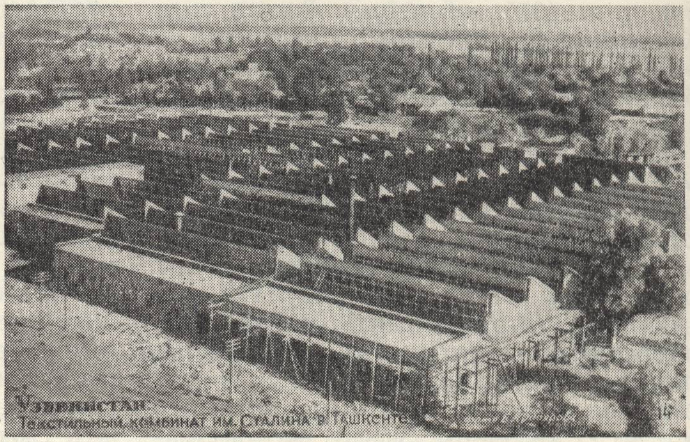
Абхазия. Сухум

Ташкентские записи

От Москвы до Ташкента скорый поезд идет ровно 100 часов.

До Самары в окнах вагонов мелькают леса, дальше идут песчаные степи. Растительности в степях очень мало. Кое-где попадается сухой, желтый кустарник. Зато Ташкент весь в зелени. Ташкент—это как бы сад среди пустынь. Как свечи стоят стройные тополя и акации по краям улиц. Чинары, тутовые деревья (листьями которых питается тутовый шелкопряд), орешины (грецкие орехи), персиковые деревья, урюк, груши, яблоки и много других фруктовых деревьев заполняют дворы, сады и улицы Ташкента.

На окраине Ташкента вырос новый текстильный комбинат.

В Ташкенте изумительная весна, которая начинается в феврале. Воздух наполняется ароматами цветущих акаций и других деревьев.

Ташкент разделен на два города: новый и старый. В новом городе большие широкие улицы, по которым вместе с трамвайным и автомобильным движением важно идут караваны верблюдов или на одном ишаке едут два взрослых человека. Кажется, что ишак сейчас должен упасть от такой нагрузки, но он идет и проходит большие расстояния.

В новом городе расположена главная сеть магазинов и учреждений. В старом городе улицы настолько узки, что на них не раз'ехаться двум запряженным лошадям. Но теперь старый город сравнивается с новым городом. Вдоль улиц Ташкента текут арыки. Холодная прозрачная вода заходит в каждый двор. В некоторых дворах сделаны купальни, наполняемые водой арыков.

Сначала мне казалось, что под знойным солнцем никак нельзя простудиться, и я купался по нескольку раз в день в ледяной воде. От этого я охрип и у меня целый месяц болело горло.

Арыки как паутиной опутывают весь город. В Ташкенте я был вместе с папой, который туда приехал строить текстильный комбинат. В царской России Узбекистан служил только источником сырья: оттуда вывозили хлопок. Строить текстильные фабрики там не разрешалось. Теперь хлопок не надо будет возить к текстильным фабрикам: он будет обрабатываться на своей родине. Место для постройки комбината выбрали на окраине города, среди фруктовых садов. Недалеко от места постройки было кладбище; там резко выделялась большая гробница, в которой лежал «сын божий», по словам попов. К приходу рабочих гробницу кто-то вскрыл, и я увидел ее уже пустою. Впоследствии эту гробницу превратили в трансформаторную будку.

В день закладки комбината на площадку колоннами, с музыкой пришло много празднично одетых людей — будущих строителей комбината. На постройке комбината будет работать 75% узбечек, которые до революции были очень угнетены.

Девочек продавали и обменивали на баранов. Баи (кулаки) имели по нескольку жен. Все женщины должны были носить паранджу (сетку из конского волоса, закрывающую лицо). Без паранджи им не позволяли ходить. Да и во время закладки комбината мы видели женщин в паранджах. Но они, конечно, снимут паранджу, пойдут работать в светлые, просторные и чистые цеха текстильного комбината и наравне со всеми будут участвовать в строительстве социализма.

Змея

Как-то раз я бродил по кладбищу, недалеко от стройки комбината. Несколько рабочих разбирали могильные плитки. Узбеки покойников не зарывали в землю, а просто клали на землю и обкладывали кирпичными плитками. Под плитками теперь лежали только развалившиеся скелеты. Я уже собирался уйти с кладбища, как вдруг увидел змею. Она была серого цвета с зеленоватым оттенком. Я решил взять ее домой. «Но, может быть, она ядовитая?» Я стал обдумывать, как бы мне ее взять. Она между тем спокойно грелась на солнышке. Тут я вспомнил, как один охотник, когда ему попадались змеи, брал их за хвост, встряхивал, клал в охотничий рог и в таком виде, живых, приносил домой. Он приносил ядовитых змей — гадюк. Я решил поступить так же.

Когда я стал к ней подходить ближе, она пыталась уползти под одну из могил и уже сунула туда свою голову. В это время я ее схватил за хвост и поднял на воздух. Хотел встряхнуть посильней, но она и не пыталась даже кусаться, а только тихонько извивалась, стараясь освободиться. Я не стал ее встряхивать и, держа за хвост, понес домой. Несколько узбеков, работавших недалеко от меня, стали мне что-то кричать, но я по-узбекски ничего не понимал. Сначала я подумал, что они боятся, как бы змея меня не укусила, и, засмеявшись, пошел дальше. Тогда один из узбеков с угрожающими жестами стал подходить ко мне. Я ничего не понимал. В это время я услышал позади себя сердитый голос:

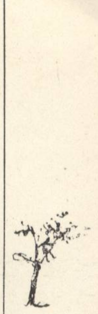
— Брось! Брось ее скорей!

Я бросил змею и убежал. Потом я узнал, что змеи у узбеков считаются священными и человеку их нельзя трогать, если они его не трогают. Змеи заползают к узбекам в дома, сидят у них на окнах, и узбеки их никогда не трогают. Кроме змей у узбеков священным считается гнездо аистов. Такое гнездо я видел в Ташкенте, и в него каждый год прилетают аисты. Его тоже нельзя трогать.

Чинар

Однажды один из моих товарищей сказал мне:

— Лезем с тобой на чинар, и я уверен, что, когда будем лезть, ты будешь кашлять.

— А ты?

— А я нет.

— Ну, это еще посмотрим, кто первым закашляет.

И мы полезли. Мой товарищ полез первым. Когда мы добрались до середины дерева, я с трудом сдерживал кашель. Мы еще немного поднялись выше, и тут я закашлялся и зачихал. А товарищ надо мной смеялся. Я так кашлял, что из глаз даже катились слезы.

«Что это,— думаю,— за чудеса такие?»

Мы забрались на самую верхушку и уселись там на сучки. Я продолжал кашлять, а товарищ смеялся. И тут он мне открыл секрет моего кашля.

— Когда я лез, — говорит он мне, — я тряс вот эти кисточки, — и он указал мне на кисточки, растущие на сучках.— С этих кисточек слетала пыльца и попадала тебе в нос и горло, потому что ты был внизу.

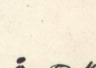
Мы сорвали несколько кисточек и спустились на землю.

В гостях

Узбеки—очень гостеприимный народ. Мне удалось однажды попасть в гости к одному узбеку. Со мной было несколько товарищей. Хозяин, к нашей радости, умел говорить по-русски.

Узбекские дома построены так, что во двор одного дома не выходят и не должны выходить окна соседнего дома. Из домов на улицу окон тоже нет. Двор обнесен высоким дувалом (глиняным забором).

По середине двора висела корзина, подвешенная на веревке к дереву. Сначала мы подумали, что это люлька с ребенком, но, оказывается, в этой корзине помещались тутовые шелкопряды (черви), а подвешены они для того, чтобы муравьи их не достали и не пожрали.

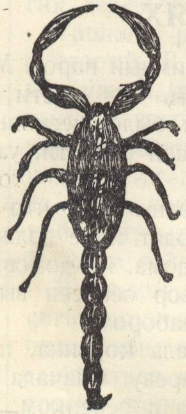

Мы подошли к кухне. Топилась маленькая глиняная печка. Когда печка накаливается изнутри, прямо к ее стенкам прилепляют тесто и таким образом пекут лепешки. Такие лепешки продаются на всех ташкентских базарах.

В небольшом котле приготовляли плов. Плов—узбекское национальное блюдо, ко-

торое приготовляется из риса и баранины. Мы пошли в сад. Ворота этого сада стояли на пушках. А в саду мы нашли большую медную плиту, на которой были перечислены имена русских генералов и полковников, погибших при завоевании Средней Азии. А пушки были те самые, из которых в то время стреляли.

В саду было много всяких фруктов: персиков, абрикосов, урюка, слив, груш, яблок, айвы—и всяких других плодовых деревьев. Некоторые деревья сломались под тяжестью плодов, многие держались при помощи подпорок. Груши и персики настолько налились соком, что, падая с дерева, разбивались вдребезги. Большие виноградные аллеи занимали половину всего сада. Почти полдня мы ходили по саду. Потом пошли обедать. В саду было небольшое возвышение, сделанное из земли. На это возвышение постлали войлок, а затем накрыли скатертью и подали большое блюдо с пловом. Узбеки, когда едят плов, обходятся без вилок. Они едят прямо руками и, надо сказать, очень акуратно. У нас же ничего не получалось, и пришлось нарушить их обычай — взять ложки. Потом мы спросили хозяина, для чего они везде подстилают войлок, и он нам стал рассказывать о пауках. Запаха шерсти боятся такие ядовитые пауки, как каракурт, тарантул, фаланга и скорпион. Верблюд от укуса каракурта погибает через пять минут, если не принять мер. А овцы этих пауков пожирают, и ничего овцам от этого не делается. Поэтому пауки не переносят и боятся запаха овцы, а от войлока как раз и пахнет овцой.

Скорпион.

Но здесь, кроме скорпиона, редко кого встретишь. Эти ядовитые пауки водятся в степях. Скорпион похож на рачка. На конце его хвостика жало, которым он поражает жертву или врага. Многие считают укус скорпиона смертельным. Но мне известен только один случай смерти от укуса скорпиона. Умерла одна старушка, лет 80, и то весной, когда у скорпиона много яду. Но все-таки укус скорпиона—вещь серьезная.

На базаре изобилие фруктов.

Узбеки укушенное место мажут скорпионовым маслом. Для того чтобы приготовить это масло, надо взять простое масло и посадить в него живого скорпиона. Он из себя выпустит весь яд в масло. И этим маслом лечатся. Если поймать скорпиона и посадить его, например, под стакан, то он некоторое время бегает кругом, пытаясь найти выход. Но когда увидит, что ему выхода нет, он загибает хвост, ударяет им себя в голову и кончает жизнь самоубийством. То же самое он сделает, если его кругом обложить ниткой, смоченной керосином, и поджечь ее. Пробовали сажать под большую стеклянную банку скорпиона и фалангу. Между ними происходит отчаянная борьба. В конце концов фаланга начинает побеждать скорпиона, и он убивает себя.

До самого вечера мы слушали, сидя в саду, рассказы хозяина.

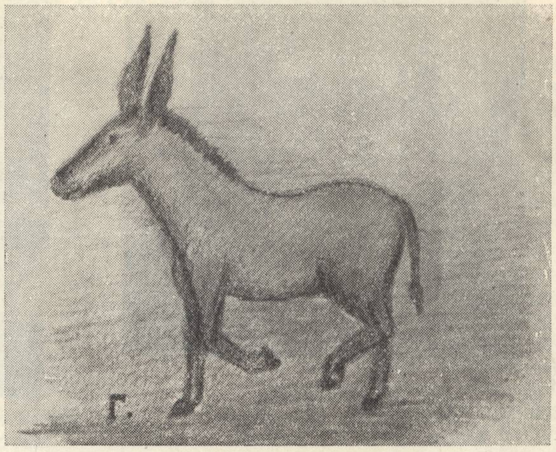
На полях

На полях созревали хлопок и рис. Группа работников текстильного комбината поехала на машине осматривать поля. У меня был один хороший товарищ, Володя Федоров, и мы с ним тоже поехали на поля, взяв с собой мелкокалиберную винтовку. С Володей я очень любил ходить за орехами. Обыкновенно мы с ним на целый час залезали на орешину, рвали орехи и что-нибудь рассказывали друг другу. Но однажды случилось так, что нам не пришлось даже залезать на дерево: к стройке комбината прокладывали шоссе, по дороге попадались деревья, и рабочие их взрывали. В то время как мы с Володей подходили

к одной из орешин, шагах в двухстах от нас раздался взрыв. С шумом повалилось большое дерево. Мы скорей ушли от места взрыва, а когда кончили взрывать, пошли за орехами...

Мы проезжали мимо хлопковых полей. Коробочки хлопчатника уже раскрылись, и широкое поле, казалось, было покрыто белым ковром. Мы ехали дальше. Проехали мимо бахчи. Потом начались рисовые поля. В Ташкенте лето длится 6—7 месяцев. За это время почти не выпадает дождей. Такое длинное лето хорошо и для хлопка и для риса. Но им, особенно рису, нужна и влага. Здесь на помощь приходят арыки. Рисовые поля обносятся невысокими глиняными дувалами, и арыки несут туда свою воду. Мы проехали поля и остановились в небольшой деревушке. По другую сторону деревни были камышевые заросли. По берегам Сыр-Дарьи в этих камышах водится очень много кабанов. Но отсюда до Сыр-Дарьи километров сорок. Все пошли осматривать поля, а мы с Володей отправились в камыши, надеясь подстрелить фазана. Фазанов здесь много. Мы бродили по камышам часа четыре, ничего не убили и чуть не заблудились, так как камыш выше человеческого роста. Когда выбрались из камыша, нам очень захотелось пить, а тут как раз перед нами протекал арык. Вода в нем была чистая, холодная. «Ну,—думаем, — разве от такой воды заболеешь?» И мы напились. У меня после этого ничего не было, а Володя заболел, но не малярией, а брюшным тифом. Его положили в больницу.

Рис. Бори Фадеева

Ишак

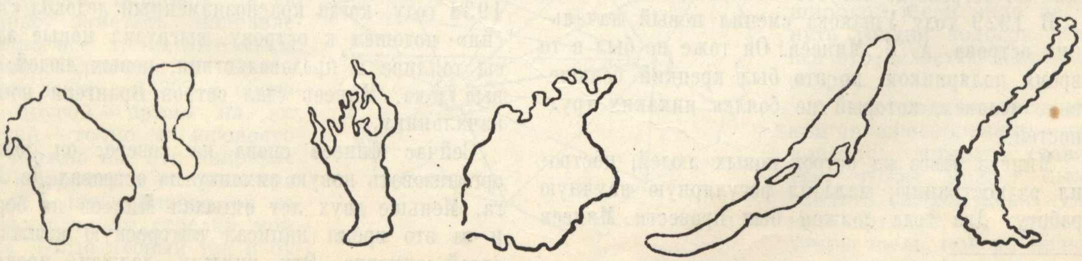
Река Чирчик

На окраине Ташкента протекает река Чирчик; она стекает с ледяных гор и поэтому очень бурная. Когда подходишь к берегам Чирчика, даже страшно становится глядеть на бушующие волны. В этой реке водится рыба, главным образом маринка и сазан. Володин папа очень искусно ловил там рыбу. У него была круглая сетка, по краям которой висели свинцовые грузы, а к середине, то есть к центру, была привязана длинная веревка. Он бросал с берега эту сетку, а конец веревки держал при этом в зубах. Сетка взлетала вверх, как парашют, раскрывалась и падала в воду, и грузы тянули ее ко дну. Когда он тащил за веревку, то грузы на дне сходились все вместе, и рыба, которую накрыла сетка, не могла выйти из нее, так как грузы сходились очень плотно. Рыбы этой сеткой он ловил очень много. Вскоре он себе достал новую сетку, а старую отдал нам, и мы с Володей целыми днями занимались рыбной ловлей.

БОРИС ФАДЕЕВ

Москва

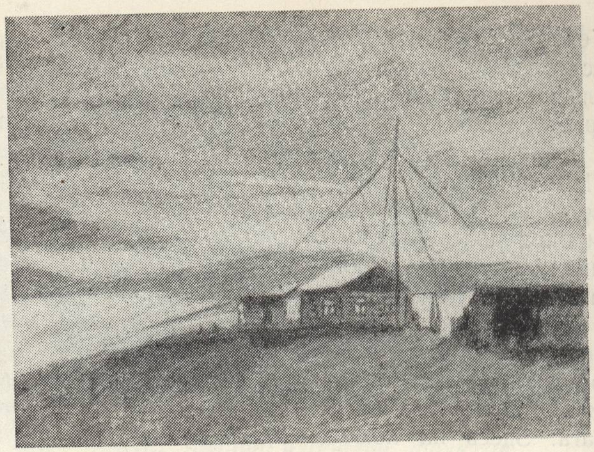
Какие это озера?

Фамилии ребят, правильно указавших названия озер, будут напечатаны.

А. И. Минеев.

Зимовка на о. Врангеля.

Интересная книжка*

Книга о замечательном острове

Далеко, за полярным кругом, на семидесятиградусной широте, лежит замечательный остров.

На этом острове живут песцы и белые медведи, к берегам каждый год подходят огромные стада моржей, белух и тюленей. В горах, покрытых ледниками, лежат уголь, железо и другие полезные ископаемые.

В 1820 году русский моряк Фердинанд Врангель впервые открыл этот остров, но еще много лет он оставался необитаемым. В 1921 году англичане высадили на остров Врангеля шестерых зимовщиков, чтобы закрепить остров за Великобританией.

Но когда в 1923 году пришло судно, чтобы снять зимовщиков, на острове остались только труп одного из них и больная эскимоска Блек Джек. Все здоровые, не выдержав трудностей зимовки, ушли на материк, но по дороге погибли во льдах.

Но вот десять лет назад, в августе 1926 года, знаменитый полярник Г. А. Ушаков, который тогда еще не был полярником, завез на остров Врангеля первую советскую колонию, поднял на острове советский флаг, построил зимовку и прожил на острове до августа 1929 года.

В 1929 году Ушакова сменил новый начальник острова, А. И. Минеев. Он тоже не был в то время полярником, но это был крепкий большевик, человек, который не боялся никаких трудностей.

Минеев завез на остров новых людей, построил радиостанцию, наладил регулярную научную работу. Два года должен был провести Минеев со своими товарищами на этом острове. На два года были рассчитаны запасы. Но прошло два года, и три, и четыре, а ни одно судно не могло пробиться сквозь льды Берингова пролива к острову.

На острове настали тяжелые дни: продовольствия не хватало, угля не осталось совершенно. В 1932 году пароход «Совет» подошел так близко к острову, что в бинокль видели людей на палубе, но выгрузить уголь, продовольствие и другие грузы «Совет» не смог.

Был большой соблазн оставить остров, пройти по льду на «Совет», уехать на материк. Часть зимовщиков так и сделала: лишние люди стали в тягость на острове,—но Минеев остался. На остров прилетали самолеты. Герой Советского союза Леваневский и известный полярный летчик Красинский предлагали перебросить Минеева на материк, но Минеев и тут не сдался, не покинул остров.

И Минеев победил. Он сохранил остров, все его хозяйство, сохранил здоровыми и живыми до одного человека всех зимовщиков и из своих товарищей подготовил таких прекрасных полярников, как Званцев, который сейчас работает начальником комсомольской зимовки. Только в 1934 году, когда краснознаменный ледокол «Красин» подошел к острову, выгрузил новые запасы топлива и продовольствия, новых людей, новые дома, Минеев сдал остров Врангеля новому начальнику.

Сейчас Минеев снова на севере: он должен организовать новую зимовку на островах Де Лонга. Меньше двух лет отдыхал Минеев на берегу и за это время написал интересную книжку о своей зимовке. Эту книжку должен прочесть каждый, кто хочет стать исследователем Арктики.

---

* *А. И. Минеев «Пять лет на острове Врангеля». Изд. «Молодая гвардия».*

Снаряжение географа

1. Компас-буссоль

Каждый географ, отправляясь в путешествие, берет с собой приборы, которые помогают ему найти свое место на карте, найти дорогу, измерить высоты, а если нужно, то и исправить неточную карту, попавшую ему в руки.

Одни из этих приборов — сложнейшие механизмы, изобретенные совсем недавно, другие уже сотни лет прослужили человеку и, наверное, прослужат еще немало. Пожалуй, главный из этих приборов — известный каждому компас.

Днем и ночью, в туман и в бурю стрелка компаса неизменно показывает одним концом на север, другим — на юг. С компасом в руках нестрашно и в лесу и в пустыне: он покажет дорогу.

Правда, не всегда. В море, например, ветер или течение могут снести корабль. Нос его будет все время смотреть в одну сторону, скажем, на юг, а ветер будет гнать на восток — так нетрудно заехать совсем не туда, куда нужно. Поэтому одного компаса в дальнем плавании мало. Но в небольшом путешествии и по суше и по морю компас всегда выведет на правильный путь. Мало того: тот же компас поможет сделать с'емку местности и начертить ее план.

Вот, допустим, открыли неизвестный, необитаемый островок. Его можно промерить шагами вдоль и поперек, а как нанести его на карту поточнее? Вот тут и помогает компас. Стоит только стать в какой-то точке, с которой виден весь островок, и по компасу заметить направление на все приметные мысы, камни, заливчики и бухты. Один лежит на 30° к востоку, другой — прямо на юг, третий — точно к юговостоку. Можно все эти направления выразить в угловых градусах, считая вправо от северного конца стрелки компаса. Тогда первый так и будет 30°, второй — 180°, третий — 225° и т. д.

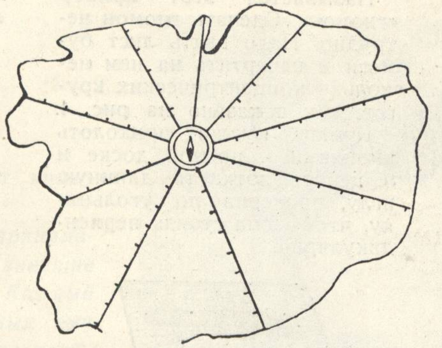

Рис. 1. С'емка карты из одной точки.

Выраженные таким способом направления называются «азимутами», и ничего не стоит перенести все эти азимуты на бумагу. Получится звезда. А когда звезда будет готова, тогда нужно измерить рулеткой, веревкой или просто шагами все ее лучи и в масштабе отложить величину каждого на бумаге. Теперь осталось только соединить концы лучей линиями и карта готова (рис. 1). Эту карту не обязательно чертить тут же, на месте. Можно просто записать в книжку азимуты в градусах и величины лучей в метрах или в шагах, а тогда хоть через год можно вычертить ту же карту.

Но не всегда можно добраться до каждой точки острова. Да и неудобно шагать каждый раз из конца в конец. Можно сделать проще: нужно отметить две точки на острове, измерить расстояние между ними и, узнав азимут линии, соединяющей эти точки, в масштабе начертить ее на бумаге, а потом из каждой точки опять взять азимуты всех приметных оконечностей острова — и с'емка готова.

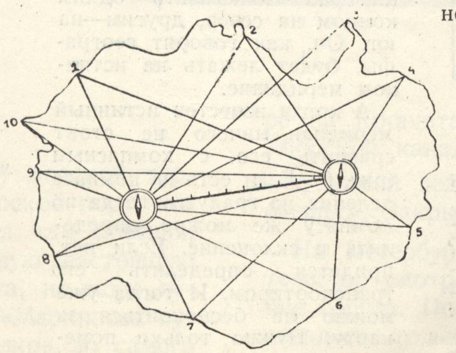

Рис. 2. С'емка карты из двух точек.

Осталось только перенести все азимуты на бумагу, начертить их и те точки, в которых пересекутся азимуты, взятые на один и тот же предмет, соединить — и готова карта острова в том масштабе, в котором начерчена основная линия, или «базис», как ее называют. И такую карту можно чертить не сразу. Нужно только, как и в первом случае, записать в цифрах ряд величин: азимут базиса, его длину и азимуты из его концов на приметные точки. Записанная таким образом карта очертаний целого большого района может поместиться на одной страничке записной книжки, но хуже от этого она не станет. Если ее вычертить, — по ней смело можно измерять расстояние между отдельными точками: не ошибешься (рис. 2).

С простым компасом не очень удобно замечать направление, но к любому компасу можно сделать маленькое приспособление, которое поможет в этом деле. Нужно приделать к компасу две металлические (но не железные и не жестяные) пластиночки с прорезанными щелями разной ширины. Узкая щель должна прийтись как раз против юга на компасе, а широкая тогда придется против севера. Посредине широкой щели надо натянуть тонкий волосок. Как все это делается, показано на рис. 3.

А как пользоваться таким приспособлением,—это понятно: компас ставят так, чтобы можно было увидеть сквозь щели нужный предмет, и, глядя в узкую щель, поворачивают компас до тех пор, пока волосок не придется на

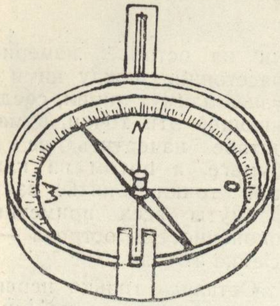

Рис. 3. Буссоль.

выбранную точку предмета. Тогда дают стрелке успокоиться и записывают ее направление по картушке компаса.

Компас с таким приспособлением называется «буссоль», и такая буссоль непременно лежит в сумке каждого геолога, картографа и путешественника, который отправился в поход не только для того, чтобы посмотреть красивые виды.

Но и компасу не всегда можно верить. Вернее, даже компасу никогда нельзя верить. Каждый компас всегда немножко неверно показывает направление на север, да при этом еще в разных местах земного шара врет поразному.

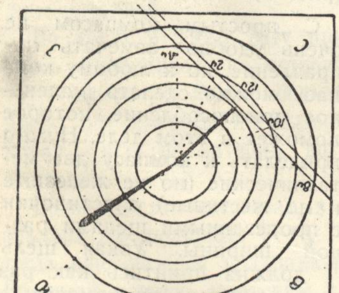

Рис. 4. Гномон.

Как же быть? Как же находить по нему дорогу? Как же чертить по нему карту, чтобы не подвести того, кому придется ею пользоваться?

Оказывается, можно проверить компас, или, как говорят, определить его «склонение».

Для этого служит другой замечательный прибор, который изобретен много веков назад и который был, пожалуй, первым географическим прибором.

Называется этот прибор «гномон». Сделать гномон нетрудно. Надо взять лист бумаги и начертить на нем несколько концентрических кругов, как показано на рис. 4.

Бумагу нужно приколоть кнопками к ровной доске и в центре воткнуть длинную иглу, проверив по угольнику, чтобы она стояла перпендикулярно.

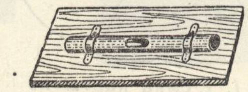

Рис. 5. Ватерпас.

Доску нужно установить горизонтально. Это нетрудно сделать при помощи ватерпаса, который можно сделать из любой стеклянной трубочки.

Вот и все. Теперь осталось только дождаться ясного, солнечного дня и с утра следить за тенью иглы. В той точке, где конец тени пересечет самый большой круг, сделать отметку; когда тень укоротится и пересечет второй круг, снова сделать отметку, и так до вечера. До полудня тень будет укорачиваться, после полудня — удлиняться. Когда будет сделано несколько отметок до и после полудня, нужно соединить их, прочертив прямые по линейке, как показано на рис. 5. Потом по угольнику провести перпендикуляр к одной из этих линий и проверить его по другим линиям. Этот перпендикуляр и будет как раз показывать одним концом на север, другим—на юг. Он, как говорят географы, будет лежать на истинном меридиане.

А когда известен истинный меридиан, ничего не стоит сравнить его с компасным (рис. 6). Если есть на компасе деления на градусы, тогда по компасу же можно определить и склонение. Если нет, придется определить его транспортиром. И тогда уже можно не беспокоиться за карту. Нужно только пометить на ней величину склонения компаса в градусах и не забыть указать, куда склоняется стрелка: к востоку или к западу.

По такой карте можно смело идти, нужно только все время помнить, что компас в

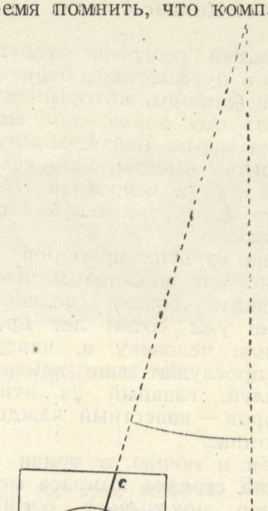

Рис. 6. Так определяют склонение компаса.

этом месте немножко врет.

Вот эту простую задачу — определить склонение компаса в своем районе — мы и

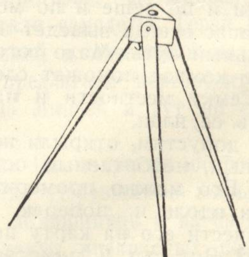

Рис. 7. Штатив.

предлагаем сделать всем членам нашего Географического общества.

А чтобы удобнее было устанавливать гномон, мы советуем сделать треногу — штатив (рис. 7). Этот штатив пригодится и после, для установки других географических приборов, о которых мы расскажем в следующих номерах «Известий».

Повесть о Кирове

Б. Житков

Скоро в Детиздате выходит книжка «Повесть о Кирове».

В создании этой книжки принимали участие люди, близко знавшие Сергея Мироновича Кирова. Каждый из них рассказал об известных ему случаях из удивительной, разнообразной, богатой событиями жизни Сергея Мироновича. Из этих рассказов во весь рост встает образ пламенного борца за дело Ленина — Сталина, непреклонного большевика, пролетарского полководца и замечательного человека. Эти рассказы были обработаны писателями: Б. Житковым, Б. Ивантером, А. Некрасовым и Б. Шатиловым.

В прошлом году мы выпустили целый номер журнала, целиком посвященный С. М. Кирову Теперь мы печатаем несколько новых глав из «Повести о Кирове». Мы хотим помочь нашим читателям ярче представить себе образ Сергея Мироновича Кирова и глубже понять, какого бойца вырвала из рядов партии пуля предателей.

Порт

Старинный Петербургский морской торговый порт. Что это за морской порт, который стоит на реке? Вода там пресная, можно удочкой ловить самую настоящую плотву. А выйдешь из порта, на море лужа; она так и называется «Маркизова лужа». Потому что море мелкое до самого Кронштадта, на тридцать пять километров. Так мелко, что для прохода морских судов выкопан среди мели канал в настоящее море за Кронштадт. Он так и называется «морской канал».

А зимой лед. Встанет и вовсе не пробьешься. Закрывай торговлю на полгода.

На Петербургский порт царское правительство смотрело скорее как на украшение города. По-настоящему власти интересовались только Кронштадтом. В Кронштадте стоят броненосцы и крейсера.

Если бы спросить в то время какого-нибудь государственного вельможу, конечно,

знатока этого дела, про Петербургский порт, он вам ответил бы:

— Ну, уж сказать вам по-домашнему, что за польза от этой ледяной дыры, замерзающей на полгода? Что там, утюгами колотить лед до самого Ревеля? А что провезешь? Да и кто захочет среди льдов пароходы калечить? Ни один дурак туда не полезет. Держи канал от Ревеля до Кронштадта, от Кронштадта до Питера. Одни ледоколы чего стоят! А начнут тонуть иностранные корабли, беды не оберешься. Льдом им бока пропрет — и крышка. Нет, уж пусть стоит, как был. Наше окно в Европу с паутиной. Никто туда не полезет, и звать нечего.

Но вот грянула Октябрьская революция. Новый хозяин — пролетариат — взял власть в свои руки. Совсем новые нужды появились в стране. Надо было в кратчайший срок вырвать ее из иностранной зависимости. Закупить самые необходимые машины, станки для заводов, а потом строить все самим, у себя дома. Но задаром машины не дадут. Так пусть лесовозы везут лес из Ленинграда в Европу, пусть весь избыток нашего северного сельского хозяйства: масло, лен, яйца, битая дичь из Сибири — идет через Ленинградский порт. Пусть работают холодильники в порту, принимая этот нежный груз.

И вот на Ленинградский торговый порт сразу, неожиданно наваливались работы и заботы.

Ленинградский порт — захудалое, покосившееся петровское окошко — приходится сразу и вдруг обратить в ворота, в широкие ворота, куда могли бы входить караваны судов.

Пока в Ленинградском порту наспех старались завертеть, пустить в ход старое оборудование, иностранцы уже пришли за товарами. У ленинградских причалов сотнями скопились заграничные суда. Дело горячее. Денек зря простоит иностранный корабль — пожалуйте золотую копеечку... Судов набивалось все больше и больше, и «копеечки» становились немалые.

В 1929 году получилось вот что. В порту оказалось много хозяев: трест по вывозке льна, по вывозке масла, по вывозке хлеба — все хозяева. Каждый трест спешил наперебой провернуть свои товары через портовую погрузку. Трестовики вырывали друг у друга причальную линию места у под'емных кранов, складочные помещения, в холодильниках, под навесом. Тут с севера, из Карелии, сплавом, баржами, буксирами гнали в порт экспортный лес. Лес завалил весь порт штабелями досок, целыми городами балансов, круглыми, как точеные бревна, готовыми сваями для Голландии, кварталами строительных брусков. Лес наводнил и закупорил порт, забил склады, под'ездные пути, причальные линии. Вышло так, что лесу бери, сколько хочешь, а другие товары и не протащишь к причалам: лес мешает. Иностранцы, получив уплату за простой, уходили ненагруженными, и порт стал работать в убыток.

Перед Сергеем Мироновичем Кировым стала задача — решительно и сразу разгрузить порт.

Киров, как всегда, прежде всего посмотрел, какие люди в порту, чего этим людям не хватает и что нужно, чтобы эти люди весело и с под'емом работали.

А какие люди?

По погрузкам — грузчики, по льдам — ледокольщики. И Киров успел пересмотреть всех: и грузчиков, и матросов, и капитанов, и портовых сторожей, и начальника порта. И вот что он увидел. Он увидел, что спорят между собой организации, рвут место, переманивают грузчиков, суетятся и сталкиваются лбами. А когда дело не ладится, всю вину сваливают на лес. От этого и вся суетливая безнадежность на огромной территории неустроенного порта. И Киров рассчитал: надо сейчас успокоить людей и поставить их на дело, на такое дело, которое каждый бы знал.

Киров сказал:

— Грузить все, кроме леса. Не бойтесь, пусть наваливает.

Большевистский порядок

И вот стали отходить пароходы, груженые всем, кроме леса. Но Сергей Миронович ни на одну минуту не забывал, что есть еще всякие мельчайшие мелочишки и они-то зачастую тормозят и даже губят самые большие дела. Эти-то мелочишки повседневной жизни порта Киров заносил в свою книжку, а больше в свою исключительную память. Он помнил про столовую для грузчиков, про рукавицы, спецодежду, про смазочное масло для под'емников, про ремонт ледоколов, про поломанные сходни, про электрические лампочки для ночной работы — и люди, работавшие в порту, все поняли, что о них думают и заботятся, и стали любить работу и думать о ней.

Разумеется, все знали, что о них думает Киров, что это он заглянул в их борщ, надел на них рукавицы, зажег свет на путях погрузки...

Теперь пароходы подходили к пристани, и против них уже стояли открытые двери вагонов. Это Сергей Миронович подтянул железнодорожников и работающих в порту:

— Вы ссоритесь, вот вам: на железных путях не опаздывать, но и на воде не зевать. Виноват тот, кто проморгает.

И не моргали. Без всякой перегрузки из трюма пароходов начали валить кладь прямо в вагоны. Двери на пломбу — и подавай другой состав. А прозевал — смотри, уж вина на тебе.

Причальная линия разгрузилась. И вот уже горы леса, штабеля досок пошли в ход. Дошла и до них очередь. Но тут зимний лед встал в «Маркизовой луже» до самого Ревеля.

Кировский караван

Протолкнуть эту лесную пробку может только сила ледокола. Сергей Миронович — к ледокольщикам, их спрашивает.

— Да, пять, шесть, от силы семь пароходов приведет за собой ледокол. Вот наша норма, больше никогда не важивали, — говорили опытные старики-спецы.

Но Сергей Миронович видел, что с такими темпами пробка останется до весны, а ждать нельзя, надо сейчас разгрузить затор.

Киров зовет ледокольщиков-большевиков:

— Товарищи, пароходы надо вывести. Иначе наше дело в опасности.

На стене карта. Тут начальник порта Бронштейн посчитал: надо штук тридцать пароходов провести за кромку льда за одним ледоколом.

— Дело трудное, — говорит Бронштейн.

— Надо, — говорит Киров. — Понял?

— Понял, — говорит Бронштейн.

— А пароходы тонуть будут? — спрашивает Киров, а сам усмехается: знает, что, пожалуй, без этого не обойдется.

— Может статься, Сергей Миронович, — говорит Бронштейн.

— Поведешь ты. И смотри: тони вместе с ними, — засмеялся Киров. Он знает, что за свое дело в революции надо идти до самой смерти.

Ушел Бронштейн и повел ледокол, а за ним тридцать пароходов. Тут не моргай. Ледяные поля на ветру ломаются, их несет по морю, как пловучие острова, и грузовые пароходы, как утята за маткой, идут за ледоколом. Отнесет, отобьет от стаи пароходов, разрежет, как ножницами, сомнет, как в клещах, и потопит вместе с дорогим грузом.

А зимой темь до полдня, малый день — и снова темь и штормовые ветра. До свободной воды, до самого Ревеля, толкись во льдах. Паси это стадо! Но ледокол пошел и дошел до кромки льда. В эстонском порту, в Ревеле, не ждали, что такую ватагу приведет один ледокол, и не знали, куда принять это множество судов. Ни один пароход не отбился от стаи!

Ледокол на реке

Лес уплыл заграницу, в порту вздохнули свободнее. Казалось, что все пошло на лад. Сергей Миронович взялся за другие дела.

И вдруг закрутили морозы. Замерзали озера, и реки, и каналы, а по этим каналам и рекам буксирный флот с баржами и пароходами спешил в Ленинград. Не поспел — и всех зажало льдом. Кирову доложили. Он знал, что это значит. Город останется без дров, без стройматериалов, без продуктов. Значит, сорван будет годовой план. А весной лед в щепы разломает застрявшие баржи, потопит ценный груз, запрудит каналы... Нет, оставлять этого дела нельзя.

Кто поможет? Конечно, люди. Надо заставить их поверить, что они победят, победят непременно и во что бы то ни стало даже теперь, казалось бы, самую непреодолимую стихию, как мороз.

Сергей Миронович зовет начальника порта. Бронштейн знает, в чем дело. Он знает, что караваны стали, что Нева во многих местах промерзла снизу доверху, что перегородили ее заборы и ледяные плотины. А люди — от рыбака до капитана — на всех водных путях опустили руки, завернулись в тулупы и, по старому обычаю, залегли на теплую печку: «Против рожна не попрешь!»

Но в Смольном разговор другой: надо, чтобы флот, весь речной флот был здесь, в Ленинграде. Лед на пути — через лед. Зажоры — через зажоры. Ну, а как это сделать? Ледоколом? А виданное ли дело, чтобы ледокол ходил по рекам, чтобы лед били в каналах? Да это мальчишки в порту засмеют. Сколько стоит Нева, но ни один ледокол не совался в невский лед, ни один не ткнул носом невские зажоры.

А в каналы — туда и не просунешься: узко. Лед стоит, как пол в коридоре, как плотная загородка. По бокам канала — огражденные берега. Колоть лед в канале — это значит громоздить льдины стоймя. Кто на это решится?

Но был приказ — надо. И Ленинградский порт послал ледокол «Силач» на это рискованное дело, хотя, правду сказать, мало кто из старых ледовиков верил в удачу.

Старики знали: речной лед крепче морского: он весь — как литой кусок стали. Как мощные мосты, зажоры перегораживают быструю реку, и вода стоит уступами от зажора до зажора, и зажоры покрыты сверху, как чугунным настилом, сплошным льдом. И вдруг небывалый ледокол бьется среди звонкого льда. Река несет кружащиеся льдины за корму ледокола, он рвет вперед, бьет зажоры носом, выскакивает на ледяной барьер, соскальзывает вниз, снова бьет, а с ледокола по радио летит телеграмма Кирову: «Бьем!»

А Киров отвечает: «Круши дальше. Хоть треснуть, да пробиться!»

Треснуло! Не ледокол. Треснул первый зажор. Течение подхватило льдину, рухнула ледяная плотина, поднятая вода понесла ледяные глыбы и упала. Уже под вторым зажором засветилась пустота, вода его не подпирает, не держит, рухнул и второй мост. Засветились ледяные глыбы в течении. Бросились на ледокол, — ледокол увертывается, прет вперед. Льдины летят сразгону, крушат передний зажор. Вода падает, уходит в море, а ледокол уже летит к третьему зажору. Он обвалился, полуразрушен. И несется телеграмма в Смольный: «Прошли Обуховский».

«Рвите дальше», — отвечает Смольный.

И вот лед глыбами несется по реке, крушит сразгона остатки зажоров, уносит в море. Вот река уже на десятки километров свободна от льда — это ледокол «Силач» гонит ледоход. Шевельнулся лед в каналах — это осела вода, проломался ледяной пол. Туго, со звоном и скрипом полез лед между узких берегов. Ожили застрявшие барки, проснулся пар в котлах замерзших буксиров.

«Силач» осенью устроил весну. Лед прошел, когда никто не ждал ледохода. Теперь пусть пройдут все баржи, караваны!

Дело твое, товарищ мороз, а мы свое сделали: все на месте, ни одной баржи в каналах!

Небывалое дело в истории речного плавания совершилось. А совершилось оно под решительным натиском привыкшего к риску старого подпольщика Сергея Мироновича Кирова.

Теперь, Нева, засыпай до весны!

Но Кирову не до сна. Старого Петербургского порта, на который когда-то махнули рукой купцы и царские вельможи, который спал всю долгую северную зиму, его уже нет. В Ленинградском порту и зиму и лето ворочаются краны, там гоняют паровозы, ледоколы, выводят вереницы судов и встречают иностранных гостей, чтобы провести их к причалу, — Ленинградский порт навсегда забыл зимнюю спячку. Летят радиограммы с моря прямо к Кирову на работу, в Смольный, на квартиру.

Но порт — это только один уголок кировских дел. Да и порт не один в Ленинградской области.

Артиллерия полей

Был второй год пятилетки. По всей стране шел бой за коллективное сельское хозяйство. Надо было поднять весь трудовой крестьянский массив, миллионы нищих собственников убедить в том, что единственный путь выхода из нищеты — это путь коллективного хозяйства, да такого, какое не снилось ни российским помещикам, ни американским фермерам.

Бой шел по всему фронту необ'ятной страны. Киров — на одном из самых ответственных участков: из Ленинграда на боевую линию колхозного фронта надо было вовремя, без опозданий, к сроку, выкатить артиллерию сельского хозяйства — тракторы.

Киров знал, что в этом деле на него надеется партия. Ленинград может погубить, может и вывезти, если даст тракторы к сроку. Тракторы делает Путиловский завод. Директор обещал Кирову двенадцать тысяч штук. Но Киров — тот же, что был в Астрахани, что в Баку, что на южном фронте. Он знает, что всякое дело — от боевого до домашнего — состоит из тысячи звеньев. Все эти звенья тесно между собой связаны, и все они в руках тысяч людей, от которых зависят и промышленность, и фронтовой быт, и тушение пожара, и выпечка хлеба. Стоит задача — дать трактор. Директор обещает. Но, может быть, директору тоже кто-нибудь обещает, а этому пообещал другой? А машина состоит из тысячи одинаково важных частей. В этой сложной машине нет ничего лишнего. Там все главное. Если

где-нибудь заест, будет заминка по всему колхозному фронту.

И вот, не довольствуясь обещаниями, Киров едет туда, где рождаются тракторы,— на завод «Красный Путиловец». Киров знает, что дело не в директорском кабинете, устланном коврами, и что не спасет письменный стол с массивными чернильницами, если там, где-то, в маленьком цехе, портит работу какой-нибудь токарь второго разряда. Киров идет в цех. Он прощупывают всю цепь, от звена к звену, ищет слабое место. Почему посреди поля глохнет мотор и надолго останавливается трактор? Где-то заедают поршень, клапаны. Нет, поршень исправный, а гадят те поршневые кольца, которые на него надеты: они лопаются, а запасных колец не хватает. Киров уже в механическом цехе, на линии поршневого кольца. Вот уже у Кирова в руках то слабое звено, которое лопается и рвет всю цепь.

— Вот главный вредитель, который кольца недодает,— смеясь, говорит Тер-Асатурон, технический директор завода, показывая на мастера цеха.

— Вредителей сажают,— улыбаясь, говорит Киров.

— А хлебом кормят? — в тон ему отвечает «вредитель».

— Какой вредитель, а то и хлебом кормить не велю. Ну, говори, когда сможешь дать кольца?

— Дайте подумать,— отвечает «вредитель», мастер цеха Амелюшкин.

— А сразу не скажешь? Ведь дело серьезное. Видишь, ведь ЦК партии приказывает, надо делать!

Киров не выпускает из рук слабого звена, пока его не укрепит, пока не найдет тех причин, которые мешают честному работнику провернуть дело.

— Что надо? Станки переставить? Переставляй! Принести из других цехов? Неси! Наладить под производство свои станки? Валяйте, переворачивайте хоть весь цех, но чтобы на линии кольца не заедало!

Киров уехал с завода, точно зная, на каком участке какой человек и какое дело должен выполнить, чтобы Путиловский завод дал в срок боевые орудия. Теперь спрашивал не о кольцах вообще, а перенесли ли, установили ли большой станок из соседнего цеха, пущен ли он в ход или еще не наладили.

Из деревень, из колхозов шли теперь требования уже не на какой бы там ни было тракторишко — требовали хорошую, удобную машину. Нужно было спешно спроектировать и наладить производство новой машины, годной для работы на совхозных и колхозных полях.

Спроектировали, наладили станки и к сроку обещали выпустить с завода новые машины — тракторы-пропашники. И Киров уже опять сам на заводе.

Киров стоит у конвейера, наблюдает, смотрит, ничего не пропускает, а потом зовет к себе директора.

И опять обещает директор: будет, сделаем, будет программа!

— Нет,— говорит Киров,— так ничего не выйдет, не будет программы. Техники вы неплохие, а организаторы пока еще никуда!

Все части новой машины делают из самых прочных материалов, на новехоньком оборудовании, на лучших станках. Точность каждой спроектированной детали проверяли в специальной измерительной мастерской. По проекту, все части машин должны приходиться друг к другу точней чем патроны к винтовке. А вот на сборке все неполадки да неполадки. В чем же дело?

А дело только в том: не увязана эта измерительная аптека с работой цеха. Не ведет она цех за собой, а идет сбоку, своей дорогой. И вот Киров — уже в измерительной мастерской. Смотрит: с точностью до одного микрона, до одной тысячной миллиметра, тончайшими приборами меряют мастера ту или другую деталь. И выходит, что девять деталей цех сработал точно, а в десятой ошибся на самую малость, при сборке она упирается, не лезет, и приходится после станка пригонять ее в другую.

— Так, — сказал Киров, насмотревшись на эту работу.— Здесь вы микроны ловите, а на сборке детали кувалдой загоняют!

Но ведь не в том дело, чтобы только указать на промах. Надо весь завод, все цеха подбодрить, заставить людей понять, что они стоят на самом ответственном месте в бою. Тогда путиловцы встряхнутся, поймут ответственность и найдут способ организовать дело.

Тут же, в цехе, во время обеденного перерыва рабочие обступали Кирова. Сергей Миронович говорил о значении путиловского трактора для посевной кампании, для коллективных хозяйств, для всего Союза.

С. М. Киров на маневрах Балтфлота.

— Нам, ленинградцам, нельзя ударить лицом в грязь, тем более вам, товарищи, с путиловской закваской.

И вот не только пообещал, но и выполнил завод двенадцать тысяч тракторов, и тракторное дело оказалось так организовано, что в 1931 году «Путиловец» дал уже тридцать две тысячи тракторов.

Завод уверенно стал работать на сельское хозяйство. И прежний Путиловский завод, который при царе знали как важный завод военных заказов, теперь стал известен по всему Союзу, по деревням, по колхозам, своим путиловским трактором, о котором так хлопотал Сергей Миронович Киров. И понятно становится, что если уж какой завод вправе носить кировское имя, то это Путиловский. Так он теперь и называется — Кировский завод.

Ленинградская земля

Если бы можно было пробежать быстро пешком по Ленинградской области, то запомнилось бы одно: болота, болота, непролазные болота. Болото под лесом, болото в кочках, а на кочках шатаются чахлые березки, еще болото — нагишом из него ежиком торчит осока. Болота с каменными громадными валунами, с гранитными глыбами, а в остальном... да в остальном тоже нерадостно: глина, замшелая тундра... Нет, неважная землица, неважная почва в Ленинградской области. Есть, конечно, острова среди этого моря болот, но они как оазисы в пустыне. Болота, лес, валун, суглинок — вот какая ленинградская земля!

Эта земля издавна пугала земледельцев. Древние новгородцы давным-давно рукой махнули на хлебопашество. Кормились люди в этих местах не своим хлебом. Били зверя на мех, рубили бор на бревна, пасли скот по лесам, ставили ульи на деревьях, гоняли ладьи на север за полярной пушниной. Жиденькая рожь вырастала местами да низкий овес, и уже все знали: хлеба дальше рождества не станет. И при царе, как ни старались мужиков палками приучить к крестьянству, все равно никаких пахарей на этой земле не заводилось. Грошовым, нищим делом было земледелие в тех местах, что нынче зовутся Ленинградской областью.

Но вот поставлена задача — из тех людей, которые испокон века питались чу-

жим хлебом, сделать людей, которые могли бы прожить своим хлебом, своим сельским хозяйством и еще сдать избыток государству. Осталось только либо этих людей переселить на другую землю либо другую землю подвести им под ноги. И решили сделать самое трудное — второе. А как исправить землю, как заставить этот тощий суглинок давать урожай на весь год, а не до середины зимы? Куда деть болота с валунами и кочками?

И вот ленинградские почвоведы сказаби:

— Да это давно известно: самую плохую землицу начать удобрять, так она пахаря прокормит.

А чем удобрять? Народ старательно возит навоз уже который век, а толку нет.

— Удобрение придумано, — сказали ученые,— пожалуйста, давайте фосфор, давайте селитру, давайте кальций.

Целый рецепт написали ученые, но ведь с ним не пойдешь в аптеку, когда этими мудреными лекарствами надо вылечить поля целой области. А главное — фосфор. Дорог фосфор! Ведь этакий посев вскочит в копеечку! Пожалуй, лучше взять да закупить этот урожай, где хлеба побольше, еще сдачи останется. И вдруг оказывается: среди тех же полей, которые чахнут без фосфора,— он тут же лежал, в тайниках Ленинградской области, но в таком виде, что его никто не узнавал. Ленинградские ученые выследили фосфор в камнях. Они и исследовали камень и из этого камня получили в чистом виде желтый фосфор. Он воскового вида, он до того легко загорается, что его нельзя хранить на воздухе. Его заливают водой, и вода укрывает его от воздуха, от кислорода. Вот в таком-то виде, в баночке, желтое вещество, залитое водой, показали Кирову сотрудники ГИПХ — Государственного института прикладной химии.

— Что это? — спросил Киров.

Ему сказали.

— А что из него делают?

— Ну, как что! — сказали ученые.— Из желтого фосфора можно получить красный, ну, можно получить фосфорные кислоты, ну, соли фосфорных кислот...

— Да стойте,— сказал Киров.— Ведь это же — величайшей важности дело. Вы знаете, что вы сделали? Поставьте только производство дешового фосфора. Да погодите, много ли сырья?

— Горы,— коротко ответили геологи.— Сырье — апатиты.

— Дать это удобрение,— решил Киров,— и область станет есть свой хлеб. Да не один только хлеб вытянет из земли этот фосфор: лен, коноплю, овес. Кто его знает, что еще привезут из мичуринских садов? Дай только почву.

И Киров подгонял «прикладных химиков».

— Давайте скорей заводской метод. Дело вырастет в сказочных масштабах!

Новые культуры

Земля в Ленинградской области стала другой — и урожаи другие. А сеяли постарому: рожь да овес.

Что же, боялись? Боялись, например капусту посадить. Ну, скажем, сунуть в землю два—три ростка. Пусть не вырастут, эка беда.

Нет, крепка была вера, что все равно ничего не выйдет. Так в это крепко верили, что даже и пробовать не пытались. И если бы спросить тогда северного крестьянина:

— Ну, как у вас с капустой?

— Наша капуста привозная,— ответил бы он.

— А своя-то что же?

— Эко сказал, у нас она не родит!

— А ты пробовал?

— А чего ее пробовать, коли родила бы, не мучились бы люди с привозом, а сажали бы да ели... Не сидели бы по году без щей.

Киров сказал:

— В нашей области и антоновка может расти, надо только решиться смелее.

И вот решились, и дело пошло. Картошка, которая, как крымское яблоко, считалась привозным лакомством в архангельской тундре, вдруг стала расти на берегах холодной Печоры. Сначала картошка ударилась в ботву, разрослась широким стволом ввысь и не давала ни одного котяшка в земле. А потом ее угомонили, и эта картошка за двухмесячный полярный день вызревала, и до новых холодов печорские крестьяне выкапывали ее из теплой еще земли. Настоящую картошку, совсем такую, какую привозили из Москвы!

Изумленным старикам стало казаться, что и солнце как-то иначе светить стало, по-новому. А то бы откуда же картошке вырасти! Виданное ли дело!

Киров знал, что картошка — персона

важная, за ней стоит поухаживать, что следом за картошкой пойдут и другие овощи. И вот было постановлено: производить картошки пятьдесят процентов и пятьдесят процентов остальных овощей так, чтобы в своем новом хозяйстве вся Ленинградская область стала на свои ноги и могла обойтись без привоза.

Но решить — это одно. А как сделать? К земле, а особенно к огородам нужны руки, а рук не хватает на другие дела. Но Киров твердо верил, что люди придут. И в Баку, и в Астрахани, и в Саратове, и в Хибинах видел же Киров, как приходили люди и делали невозможное возможным. Он помнил, знал, как на его глазах ледокол осенью устроил весенний ледоход на Неве. Надо только найти людей, надо дать им условия, при которых они могут во всю ширь проявить свою выдумку и находчивость.

Изобретатель терочки

И знал Киров также, что деловые люди часто кажутся даже мелкими на первый взгляд. И вот, когда сорняки стали глушить молодые ленинградские огороды, один деловой человек сделал маленькое изобретение — пропольник для огородных грядок, простой, вроде жестяного совка, как терочка. Напечатали в газете про него, но таким мелким шрифтом, что он решил: никто не прочтет. Мелким шрифтом хорошо печатать о крупных делах. Там все равно прочтут, увидят. А об этой жестяной терочке — кому она нужна? Ни один человек не прочтет.

Как раз тут и ошибся изобретатель терочки. Один прочел. Тот самый, который искал деловых людей с их мелкими на первый взгляд делами.

Звонок по телефону. Изобретателя жестяного пропольника требуют в Смольный.

— Это про вас напечатано? — спросил Киров и ткнул пальцем в маленькое об'явленьице.— Где же оно, это ваше изобретение?

— Эх, досада! Не захватил с собой, уж никак не ожидал.

А Киров требует:

— Давайте, давайте пробовать.

Киров знает, что на огороды помогать прополке профсоюзы посылают токарей, машинистов, кузнецов, бухгалтеров, портных, аптекарей. Они неумелой рукой нескоро и невпопад дергают зеленые травки из грядок, которые, может, в первый раз видят.

И морковка летит вслед за крапивой — где там их различишь! А пропольник мог сделать любой жестянщик. Его можно было двигать, не оглядываясь, между рядками посева, не боясь затронуть ценное растение. И просто, и скоро, и верно.

И Киров уже кинул заказ на завод, и через десять дней тысяча пропольников работала на грядках. Вот таких людей, как изобретатель терочки, и надо вытаскивать из щелей, из углов, им надо создать такие условия работы, чтобы они могли развернуться. Пусть предлагают, спорят, пусть фантазируют, пусть каждый по-своему, но пусть думают о сельском хозяйстве, о том, как ему сейчас, сегодня же, с места дать бойкий ход. А это может сделать машина, которая заменит труд сотни человеческих рук и будет работать без устали.

И Киров устраивает специальную, постоянно действующую комиссию по сельскохозяйственной механизации. Выдумал новое — давай. Пусть нелепость — не бойся, увидим. Изменить старое, дополнить, переделать — давай, лишь бы шло по той линии, которую крепко взял Киров в ленинградском сельском хозяйстве.

Вот ругают комбайн — роскошную машину, которой не нахвалятся на Украине. Говорят, этот огромный сундук на низком ходу хорош, чтобы кататься на нем по асфальту. Добро на Украине, где степь гладкая, как стол. А ну-ка у нас, где кочковатая земля поддевает под брюхо эту громадину и она поминутно садится на мель, как баржа на корчагу. А потом какая же это машина? Этот украинский комбайн привык, чтобы ему подавали высушенный на южном солнце колос, с зернами, тяжелыми, как дробь, которые готовы высыпаться при малейшей тряске. Ну, а на севере к этой роскоши не приучены: там хлеб снимать приходится, когда в колосьях зерно еще мягкое, сочное. На то и овин заведен в крестьянстве, чтобы досушивать, докуривать зерно, пока оно не затвердеет. И южное солнце на севере в дождливую осень заменяют дрова.

Северный комбайн

И вот комбайн, привыкший к южным полям. То сядет на кочку и, как жук на шпеньке, беспомощно машет колесами, то перепустит через барабан сырые северные колосья, и они вылетают измятыми, изуродованными.

Все в один голос гнали комбайн вон с полей. Хватались с досады за серпы и косы и уж поминали про курной овин, про цепы, про веялку. А в кировской комиссии колхозники Анвельт и Григорьев торопили с рассмотрением своего проекта комбайна. Только северного. Он должен быть короче и на высоком ходу. Он должен молотить — да, да, молотить сырой хлеб, прямо с поля, но молотить по-особому. Зерно пусть выпадает, окутанное еще свежей, живой мякиной, она потом подсохнет вместе с зерном, ее легко отвеять. Этот короткий жучок на высоких колесах — это наш северный комбайн. Ему нестрашны кочки: он их пропустит у себя под брюхом.

Киров пристально следил за работой комиссии. Он хотел, чтобы мы привлекли еще больше людей, чтобы еще больше встрепенулось мозгов, и знал, что бережное, внимательное отношение к людям — вот что двигает работу. И предложения сыпались — и деловые и наивно фантастические. Но кировская комиссия от своего дела не отступала ни на шаг. На все и даже на нелепые предложения кировская комиссия изобретателей по механизации сельского хозяйства отвечала немедленно и в срок. Люди нашлись, и дело двинулось.

Свои овощи

Но в Ленинградской области вдруг перестали поступать на склады семена овощей. В чем дело? Почему крестьянин не оставляет огурцов на семена, почему нет семян моркови? Если сейчас не узнать, в чем дело, в будущем году придется выписывать семена из других областей. Да и как они еще взойдут в чужом для них климате, на чужой земле?

Если сейчас не найти причину, будущий год для огородов пропал.

Сергей Миронович зорко, как разведчик на фронте, стал искать причину, и оказалось все очень просто: хозяину выгоднее продавать овощи, чем те семена, которые он от них получит.

Значит, надо сейчас же, немедленно поднять цену на семена, поднять ее резко, заметно, не боясь переплатить. И вот семена были спасены как раз вовремя. На огородах еще не успели снять и свезти на базар все овощи. Слухи о высокой цене дошли до хозяев и спасли семена.

Ленинград стал есть свои овощи, овощи, выросшие из своих семян, на своем суглинке; и совхозы уже получали задания — дать столько-то овощей. И совхозы давали. Но что за странное явление? Почему одни кочаны капусты везут совхозники с огородов?

Оказалось, все дело в писарской увертке, в той лазейке, которую нашли для себя лодыри в совхозах. План был задан в тоннах овощей. Подробно не указывалось, каких именно. А что, капуста — не овощь? Овощь. В ленинградских мокрых местах уходу за капустой много ли?

А сколько морковки на весы надо положить, чтобы перетянула она один кочан капусты? Вот то-то и оно. Легче план выполнять капустой, чем возиться с какой-нибудь петрушкой. Капуста — что ни кочан, то пять кило! И скоро и просто! Лодыри мечтали, чтобы вырос один такой кочан, что потянул бы сразу на весах весь план. Вот за это и взгрел совхозных лодырей Сергей Миронович.

Не спасла писарская уловка.

В этих делах Сергей Миронович был беспощаден. И попавшие ему под руку лодыри и ловчилы кряхтели и жаловались:

— Нет, — говорили они, — рука у него тяжелая.

Поиски резины

Если бы спросить у человека лет сто назад, он сказал бы, что резина — вещь малостоящая. А теперь всякий знает, что резина нужна всюду. И в самом деле, автомобили катят на резиновых шинах по шоссейным дорогам, резиной пропитывают оболочки дирижаблей, резиной обвивают электрические провода. Из резины делают водяные шланки, клапаны в паровых машинах, резину ставят всюду, где нужна плотная укупорка и мягкая пружина. Из резины стали делать специальную посуду, медицинские приборы. То совершенно тонкие, полупрозрачные, эластичные пленки, то твердые фигурные отливки, похожие на чугунные машинные части, то толстые тяжелые жгуты, которыми можно слона привязать, как болонку. И вдруг та же резина стелется на стол цветной скатертью и шуршит, как батист... Вышло так, что без резины не проживешь.

А в Африке, в лесах Конго, европейцы поставили добычу резины из тамошних тропических растений. Весь мир думал, что это единственный способ добыть этот чудодейственный материал. Европейские колонизаторы загоняли в леса негров, заставляли работать не по силам, а тем, кто не справлялся, отрубали руку.

Из тропических лесов резина шла по всему свету.

Но вот во время мировой войны немцы, замкнутые в кольце врагов, оказались без резины. Немецкие химики стали думать, как решить этот вопрос без Африки и без негров. Решить при помощи науки в лаборатории. Они напрягли все силы и тут же, под гром войны, стали у себя, в Германии, делать резину из ацетона, который легко получить из спирта. Совершенствовать эту искусственную резину было некогда. Ее сейчас же пустили в ход на покрышки военных автомобилей. Но резина получилась дрянная. Она трескалась от мороза, и на остановках покрышки из такой резины приходилось укрывать шубами, как горячую лошадь в ненастье. Она стоила сумасшедших денег. И вопрос о резине разрешили коммерсанты. Оказалось, что капиталисты могут столковаться между собой даже во время войны. Англичане через шведов огромными партиями покупали немецкие станки для военных заводов, а немцы скупали у тех же шведов английскую резину. И все-таки после войны во всем мире крепко запомнили, что резина в военном деле весит не меньше пороха.

Советскому союзу на случай войны надо быть готовым отражать все удары, надо рассчитывать на свои внутренние силы, надо, чтобы все было у нас для обороны.

И Союз стал искать резину у себя. Искали в азиатских степях растения, сок которых давал бы резину, искали ее и в ученых лабораториях изобретателей. И нашли. Вот как это произошло.

В Ленинграде есть учреждение—Государственный институт прикладной химии. Както приходит химик Клебанский к директору этого института и заявляет, что он может сделать искусственный каучук-резину.

Исходный материал? Вода и камень. Клебанский об'яснил директору, какой это камень и как он рассчитывает получить из него каучук. Камень этот—карбид кальция. Облить его водой, пойдет газ ацетилен — тот самый, который жгут в велосипедных фонарях, а уж из этого ацетилена Клебанский брался извлечь каучук. Но, чтобы поставить работу, нужны деньги.

Директор выхлопотал Клебанскому пять тысяч. Что же, пусть попробует. Клебанский израсходовал пять тысяч и доложил, что каучук не вышел. Надо еще пять тысяч, тогда каучук непременно будет.

Директор видел, что мысль как будто правильная, что взялся за дело Клебанский горячо и, кто его знает, может быть, в самом деле, в каких-нибудь пяти тысячах весь вопрос. Как не дать? Дал. И вот — еще пять тысяч, еще сотня опытов и снова ни грамма каучука. Но уже самого директора захватила горячка, та самая горячка, в которую бросает людей, когда они взбираются на вершину горы, где еще не была нога человеческая. Люди забывают о риске, не видят под собой смертельной пустоты, обрыва, не чувствуют усталости и лезут наверх, скользя и оступаясь, хватаясь за всякие уступы. Такая горячка охватила всех работников института. Они пошли на приступ искусственной резины.

Директор отвалил еще денег. Работали дружно, горячо. Казалось, что резина сейчас-сейчас получится. До денег ли тут!? Уже не пять, а пятьдесят тысяч, еще пятьдесят тысяч, снова пятьдесят,—а каучука все нет.

Директор опомнился. Истратили больше полутораста тысяч, а похвалиться нечем, кроме протоколов неудачных опытов.

Резина должна была получиться, как получается из молока простокваша. И это резиновое молоко было сделано, никто не сомневался в том, что это то самое резиновое молоко, которому один шаг до настоящего каучука. Этот шаг делали, а получалась не желанная простокваша, а резиновый творог, который ни на что не годен. Но ведь если сделали резиновое молоко, резиновый творог, так ведь где-то здесь, совсем под самым носом, эта резиновая простокваша — искусственный каучук!

Близко-то близко, а пока что все это было похоже на растрату ста пятидесяти тысяч государственных денег. Еще пятьдесят тысяч пошло на опыты. Хоть бы один миллиграмм этой резины, который можно было бы выставить против четверти миллиона истраченных денег! И миллиграмма не было. И директор положил еще пятьдесят тысяч.

Пять граммов—двести тысяч рублей

Но из этих пятидесяти тысяч истратили две и принесли из лаборатории пять граммов вонючего вещества в пробирке. Это и была та самая простокваша.

Это уже не горькие протоколы. Это простокваша, закваска надежд на тысячи тонн советской резины из воды и камня.

Да, но четверть миллиона надо во что бы то ни стало покрыть. Завтра они понадобятся на другие дела. Что тогда делать?

И директор побежал в Смольный, прямо к Кирову. Прибежал и сказал ему, что уже четверть миллиона истрачено—и вот пять граммов вонючей резинки. А теперь делайте со мной, что хотите.

Но не с ним, а с резиной велел делать Сергей Миронович. И делать так, как делали до сих пор. Делали правильно, молодцы. Так и надо было. Теперь пусть едут в Москву к Орджоникидзе добывать деньги на продолжение опытов. Ехать надо сейчас же. Киров и сам будет в Москве, и секретарь Орджоникидзе скажет им, где остановился Киров.

И вот директор в Москве. К секретарю Орджоникидзе.

— Где Киров? Сказал, чтобы ему позвонить.

— Не надо, — говорит секретарь, — уже все готово. Вопрос решен. Идите прямо в Совет труда и обороны. Там уже все знают.

В Совете труда и обороны пишут: «Выдать миллион».

Лаборатория ожила. Еще бы! Такое доверие. Еще с большим жаром закипела работа. Но проклятая резина увиливала, пряталась и только десятками граммов проступала наружу. Ей ставили ловушки, искали новых способов, расширяли штат ловцов, а миллион тек и тек.

Уже в коридоре Смольного директор прошмыгнул мимо Кирова, счастливый, что Сергей Миронович его не заметил, с кем-то говорил, курил папиросы. Нет, не тут-то было.

— Стой, стой! — окликнул Киров и побежал вдогонку.

Пришлось остановиться.

— Ну, как дела с каучуком?

— Деньги получил. Спасибо!

— Ну, а каучук?

— Мелочи тормозят, — отвечает директор.

Неприятно говорить о мелочах, получив крупные деньги. Стал об'яснять, что стыдится секретаря ЦК беспокоить по пустяковым вопросам. Но тут Киров напустился на директора:

— Вопрос величайшей важности. Если где-нибудь заедает, чего же не обращаетесь ко мне?

А директор в то время был в большой тревоге. Да и все в институте приуныли. Им доверяли, на них надеялись, дали без разговоров миллион. А они все топтались на месте. Но после разговора директора с Кировым дело пошло по-иному. Директор собрал всех работников и в точности передал им кировские слова. И люди легко вздохнули. Прошли опасения, что их не поймут. Они уже без страха об'явили через полгода, что с опытно-промышленной установки выпущено пять килограммов синтетического каучука. А потом был пущен в ход уже не опытный, а промышленный и единственный в мире. Теперь это была уже не та вонючая масса, которую с трепетом вез в Смольный директор ГИПХ Кирову. В новой резине оказались качества, которых не хватало настоящему каучуку. Эта резина не растворяется в бензине. Из нее можно делать трубы и по ним проводить бензин, не боясь, что трубы размокнут. Из этой резины можно сделать мешки для перевозки горючего для автомашин. На нее не действует масло, и в масляном трансформаторе для переработки электрического тока, где так она была нужна как изолятор и куда не было доступа прежней резине, новую можно ставить без оглядки, не боясь, что она раскиснет, растворится и выскочит. Автомобильные покрышки из нее оказались гораздо прочнее прежних.

Да, Советскому союзу был поднесен неплохой подарок! Не на сегодня, не на один день это дело.

Грянет война, нам никуда не надо бегать за покрышками и противогазами. Будет мир — наш автотранспорт будет работать на своих ходах. И когда-нибудь вспомнят смольнинский коридор, встревоженного директора и кировский оклик...

Химики действуют

А ободренные химики выволакивали из земли горючий камень—шунгит. Это не каменный уголь, это выродок, это беспородная дворняжка среди благородных антрацитов, пламенных и курных углей, высокосортных донцов. Но шунгит был тут же, под рукой, и его можно было чуть не лопатой грести из земли прямо в топку, поставь только ближе завод.

Правда, этот серячок среди углей очень грязно вел себя. На колосниках он столько оставлял золы, что казалось, готов завалить все поддувало, залить топку и дымоход и перестать тлеть. Уже слухи ходили среди теплотехников, что шунгит—просто авантюра и, пожалуй, очковтирательство.

Киров слышал, что идет спор. И он созвал всех спорящих ученых и спецов. И вот одни говорили, что шунгит—ерунда, а другие. в том числе и прикладные химики, го-

ворили: «Это правда, что много золы, но горит жарко».

Киров слушал споры, наконец спросил:

— А много ли этого шунгита здесь, у нас, под Ленинградом?

Оказалось, что очень много. Киров сказал:

— Добывать. Теперь все дело покажет. Разрешайте ваш спор делом. Топки на шунгите решат вопрос.

Совещание окончилось, люди разошлись, а прикладные химики стали мудрить, какую бы топку предложить этому старику-шунгиту, этому старому, бывшему углю, из которого, как говорят, уже песок сыплется, который золой заваливает колосники и поддувала, где так хорошо и гордо сгорают донцы любого звания. И вот для этого бывшего угля стали замышлять удобные коробки, с удобным решотчатым полом. Ведь стоило потрудиться. Старик-шунгит потерял в веках свой былой форс и блеск молодого каменного угля, но жару старик не утратил, как будто даже больше в нем собралось.

— Высокая калорийность,—говорили спецы...—не горит.

Много мудрили инженеры, подбирая удобную топку. Наконец — ура!—шунгит горит под котлами, держит пар, и прикладные химики шунгитом топят свои котлы.

Сквозня̀чком прошел слушок, будто химики малость хитрят: погорит шунгит минут десять, начнет тухнуть — заваливают в топку донца. Разгорится донец — суют шунгит, пока опять не начнет тухнуть.

Киров и этот слушок уловил.

Вдруг звонок по телефону в ГИПХ:

— Чем топите?

— Шунгитом.

— Горит?

— Горит, Сергей Миронович, даже хорошо горит.

— Ладно.

А через двадцать минут уже во дворе машина. Из машины Киров прямо к котлам. Вот она, кочегарка, вот топки, у топок шунгит и никаких донцов.

Киров глядит на манометр. Заглядывает в топки: горит молодчага шунгит! А манометр показывает, что пар в котлах полностью держит свое давление. Киров смотрит на работу кочегаров. Много ли возни с этой новой выдумкой? Смотрит, как чистят топки. Нет, дело идет, как надо. Топки приспособлены к шунгиту, и люди приспособились к топкам. С час времени не отходил Киров от топок. Дело шло без перебоев, без горячки, как будто вели топку на привозном донском угле.

Кирову больше ничего не надо было. Он видел, что химики победили. Нашли у себя, под Ленинградом, новое топливо, и сегодня оно заработало себе законные права. Старик-шунгит не дал спуску молодым донцам. А это разгрузило дороги, разгрузило транспорт, сбрасывало с Донбасса хотя бы часть ленинградской нагрузки.

Разные дела

— Стой, стой, а как торговля? А чай? Как же, говоришь, всюду? Я сам ходил, и вот тебе: в двух магазинах чаю нет. В каких? Тебе бы надо знать. Нет, брат, не умеем еще мы торговать.

А к вечеру уже звонил на квартиру:

— Так как же, чай-то теперь всюду есть?

Это Сергей Миронович налаживал коммерческую торговлю, налаживал «Гастрономы» и «Бакалеи».

От Кирова трудно было скрыть даже пустяк. А врать уже совсем не стоило. Киров всех, кто работал с ним, научил одной, очень важной в делах привычке: не знаешь — не сочиняй.

А как иногда хотелось чуточку соврать! Немножечко, на вершочек. И вот на этих-то самых вершочках и нарывались.

Открывали коммерческую торговлю в Ленинградском пассаже. Народ валил валом, продавцы устали продавать товар. Блестяще проходил первый день: всего без отказа. Ну, можно с открытой душой рапортовать Сергею Мироновичу. Так нет же!

— Так, так, — говорит Киров, — а одеколон?

И верно: этого окаянного одеколона, его-то именно как раз и не хватало!

И Киров уже знал, что в универмаге день кончился с прорывом. Наговорил Сергей Миронович неприятных слов и кончил:

— Не умеем, не научились мы торговать!

Ну, хоть «мы» сказал, все же легче.

А Киров уже подхлестывает, подгоняет с хлебом. Предсказывает отмену карточек, велит быть готовыми к свободной торговле хлебом и каждый день не забывает позвонить по телефону.

— Ну, как сегодня?

И каждый день, начиная это «сегодня», все уже знали, уже слышали наперед этот вечерний звонок. Вот пустяковые случаи: раз'ехались итеэровцы по Уралам, по Донбассам. Вдруг звонит Киров:

— А что же их семейства — без карточек остались?

А тут еще особое снабжение ученых, писателей, деятелей искусств. А тут еще «пузыри»—это дети, так их называл Киров. Спрашивает:

— Снабжены ли пузыри, все ли у них есть?

Удивлялись: как он все это помнит? Ведь иной раз о каком-то случайном приезжем звонит Киров: нет карточки. Проверь, кто, и, если все в порядке, надо устроить.

Откуда такая память? Одно только горячее желанье — провести дело, для которого прожил всю свою жизнь Сергей Миронович, — одно это жадное желанье и могло родить эту крепкую память.

И выходило: Киров знает о хлебе, о карточках какому-то заезжему рабочему, справляется на Путиловском, переставили ли станки, напряженно слушает спор специалистов по геологическому делу, идет из Смольного — в дверях останавливает его мальчишка, тот самый школьник, что на конкурсе юных дарований поражал всех звукоподражанием. Мальчишке Киров обещал устроить квартиру; он помнит и уже распорядился. В машину садится, чтобы гнали его к прикладным химикам, смотреть, горит ли шунгит; вечером какое-нибудь совещание в Смольном. Ни минуты свободной. Этак если заболеешь, так и болеть будет некогда.

Верно: Кирову некогда было болеть. Захворал как-то, прислали к нему врача. Врач пришел, думал лечить, а Киров его давай исповедывать, как у них, у врачей, медицинские дела, и пришлось врачу докладывать, рассказывать, а в конце концов больной поймал врача за руку и говорит, пристально глядя в лицо:

— А знаете, батенька, у вас вид очень плохой, вы бы легли, не ходили.

Вот и полечил! Сам в больные попал!

Но ведь надо же человеку, если и болеть-то некогда, найти минуту, чтобы душу отвести. Надо ведь чем-нибудь веселым побаловать себя денек-другой за весь год.

Охотники

Киров до страсти любил охоту. Ну вот бы на охоту и с'ездить. Да когда уж! Завяз, постарел в делах.

— Эх, — говорил Сергей Миронович, — бывало, раньше набредешь на болото, лезешь прямо в трясину, напролом. А нынче подойдешь к топи, да и пойдешь в обход.

Пробовал иной раз побалагурить, всякую охотничью чепуху рассказать, посмеяться:

— Вот заяц раз видит: охотники обступили. Куда бежать? А впереди река. Заяц — не дурак: сигнул прямо в воду, в Неву, как нырнет! Около Ораниенбаума только и вынырнул. Охотники в дураках, а заяц вылез на берег, отряхнулся и говорит человечьим голосом: «Вот, чорт, охотники гнались, чуть не убили. Хорошо, догадался в воду прыгнуть».

Бывало, потянет побродить с ружьишком, заговорит старая привычка, так что сладу нет, а дела не пускают. Как быть?

И вот Сергей Миронович достанет из чехла свою централку, разберет, прочистит стволы, замки, смажет, протрет, сложит, сквозь стволы на лампу прицелится. Эх, и горит ярким пламенем! Ну, ладно, поохотился, пора и убрать. Отнимет стволы в чехол, да и опять на стенку. Будто и поохотился. И с души отлегло.

И снова в голове Ленинградский порт, немецкие пароходы, школьница, которую надо в филармонию устроить, и искусственный каучук. А с Хибин, с холодных гор, на полстраны посылать надо фосфоритные удобрения. Это дело должно повернуть вверх дном всю северную пахоту. И снова пошла голова шуметь всеми колесиками, бесчисленными шестеренками, которыми невидимо связаны мысли человеческие, мысли, которые идут далеко, в желанное будущее.

◇◇◇

АВИАЦИЯ

Автожир-прыгун

В воздухе самолет, как у себя дома. Он летает там так же легко и свободно, как птица. Но вот подняться с земли самолету гораздо труднее чем птице: ему нужно разбежаться по ровному полю с твердой землей. Когда «АНТ-25» опустился на далеком острове Чкалов, подняться с него он не мог: по гравию нельзя было разбежаться: колеса увязали. Пришлось строить деревянную площадку для взлета.

Вот если бы самолеты могли взлетать прямо с места, без разбега, как птицы!

Когда испанский конструктор Ла-Сьерва построил в 1923 году первый автожир, он как раз и задавался целью создать аппарат, взлетающий с места. У автожира, помимо пропеллера, есть сверху еще винт, или ротор, с двумя вращающимися лопастями. Он и должен помочь вертикально взлетать.

С тех пор множество автожиров построено во всех странах. Однако оказалось, что автожирам тоже надо немного разбежаться, чтобы взлетать: с места они не взлетают. По другим же своим качествам: по скорости, по под'емной силе, по высоте полета—автожиры далеко уступали самолетам.

Но Ла-Сьерва упорно продолжал работать над своим изобретением. И не так давно он сообщил английскому авиационному обществу, что ему все-таки удалось построить автожир, взлетающий с места, как птица.

Вертикальный винт, ротор, этого автожира перед взлетом соединяется с мотором. Лопасти ротора устанавливаются совершенно горизонтально, без всякого наклона, без всякого, как говорят, угла атаки. Вращаясь, они только разрезают воздух, как острый нож, но не гребут в нем. Они вертятся вхолостую, не работая, и поэтому мотор без особенного напряжения может заставить ротор вращаться с огромной скоростью. И когда число оборотов дойдет до многих тысяч в минуту, лопастям сообщают наклон. Теперь они начинают грести в воздухе, тянуть вверх. Автожир стремительно взлетает.

Конечно, он не может лететь долго силой одного ротора. Как только лопасти начинают грести, скорость их вращения быстро падает. И, подскочив метров на 20—25, автожир тоже должен был бы упасть. Но в это время мотор переключается на пропеллер. Автожир как бы «разбегается» в воздухе. Когда под'емная сила ротора ослабеет, пропеллер уже ведет аппарат в воздухе.

Автожир прыгает и взлетает с прыжка.

Конечно, и новый автожир Ла-Сьерва не может соперничать с быстрыми мощными ловкими самолетами. Но зато он показывает, что самая идея — взлетать как птица — осуществима.

Овечьи стада и хлопковые поля на Гренландии

Этот огромный остров, самый большой на земле, продолжает ставить загадки ученым. На его снежных берегах и ледяных горах часто делаются неожиданные открытия.

Датская экспедиция несколько десятков лет назад открыла, что Гренландия удаляется от Европы на 36 метров в год. В 1936 году на Гренландии погиб известный ученый Альфред Вегенер, который пытался пересечь ее поперек. Но перед своей смертью Вегенер установил, что огромные (4 километра высоты) горы Гренландии состоят из льда. Сама Гренландия плоская, середина ее даже придавлена чудовищной толщей льда. Она напоминает глубокую тарелку.

Какие выводы сделал отсюда Вегенер и в чем состоит его замечательная теория плавающих материков и перемещающегося полюса, вы прочтете в этом номере «Пионера», в специальной статье проф. Н. Н. Зубова.

В 1936 году на Гренландию снова отправилась французская экспедиция, чтобы на собаках пересечь остров и подробнее изучить гигантские горы из векового льда.

А норвежский исследователь Норлунд сделал в это время на северо-восточном побережье Гренландии замечательные раскопки. Он откопал следы древних поселений датчан, перебравшихся сюда морем. Нашел стены домов, могилы, где лежали скелеты в одеждах из шерсти, похожей на ту, что ткали когда-то французские крестьяне. Повидимому, гренландские поселенцы поддерживали связь с Европой. И могилы и поселок относятся примерно к 1100—1200 годам.

Чем же питались эти люди, за 300 лет до Колумба открывшие Америку?

И вот тут-то и начинается самое замечательное!

Норлунд нашел зерна и загоны для скота. Люди сеяли хлеб, разводили овец и лошадей там, где сейчас глетчеры обрываются в ледяное море.

В 12-м веке, так толкует свое открытие Норлунд, в Гренландии было значительно теплее.

Насколько же теплее? Стены хлевов и загонов очень толсты. Норлунд измерил их: 61½ сантиметра. Двери и окна в них очень малы. Значит, зимы стояли суровые — толстые стены должны были уберечь скот от жестоких морозов. А летом все-таки успевал созревать хлеб!

Открытие Норлунда очень интересно. Это — единственное доказательство резкой перемены климата на протяжении исторического периода.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

Гигантский олень под Москвой

У деревни Яснопольской, Московской области, у истоков реки Аксень, в торфяном болоте нашли гигантские ветвистые оленьи рога. Самый рослый человек не мог бы, раскинув руки, достать до концов их. Ни у какого из теперешних оленей нет таких рогов.

Гигантские рога принадлежали первобытному оленю, который жил в Европе во время ледникового периода и вымер, может быть, каких-нибудь 10 000 лет назад.

Первобытные олени бродили под Москвой тогда, когда люди уже разводили по берегам рек костры, от которых и посейчас остались кучи золы. Люди охотились за оленями, жарили на угольях их мясо и рассекали кости каменными топорами, чтоб высосать мозг.

Трудно сказать точно, отчего вымерли олени с гигантскими рогами. Многие ученые думают, что как раз эти рога послужили одной из причин их гибели: олень застревал ими в чаще лесных деревьев, и враги нагоняли его. Но если такие рога были вредны, то почему же они образовались у оленя? Очевидно, оленю часто приходилось бороться не на жизнь, а на смерть с такими врагами, против которых единственной защитой служили только могучие рога.

Такими врагами могли быть пещерный медведь, больше и страшнее американского гризли, пещерный лев и саблезубый тигр, которые нападали даже на слонов.

Вокруг первобытного человека, вооруженного каменным топором, в том месте, где теперь Москва, кипела могучая и страшная жизнь: бродили хищники, более грозные чем хищники нынешних тропических стран.

БОТАНИКА

Гигантский горох

Молодой украинский ученый-комсомолец С. Краевой недавно проделал очень интересный опыт. Он взял прорастающие семена обыкновенного гороха. Несколько минут эти семена просвечивались рентгеновскими лучами. Потом их снова рассадили по горшочкам. Зазеленел молодой горох. Но среди зеленых ростков было три непохожие на других.

Ничего особенного в них не было, скорее даже напротив: стебельки тонкие, маленькие листики, слабые усики — три хилых растения-уродца! Вдобавок и пыльца на их цветах оказалась наполовину негодная: горошины от нее плохо завязывались, и стручки висели полупустые.

Однако ученый никогда не делает поспешных выводов и не бросает работы на полдороге.

Краевой решил скрестить горох-калеку с обычным здоровым горохом, который не пробовал никаких рентгеновских лучей. Скрещивание хорошо удалось.

Высеяли семена.

Вот когда Краевой убедился, что он был прав, не бросив опыта. Из семян выросли гиганты: втрое выше отца с матерью, полутораметровые горохи, с длинными закрученными усами, с тяжелыми стручками!

Сейчас Краевой проверяет, что вырастет из семян гигантов. Он хочет выделить чистый, новый род горохов, где все будут гигантами.

О том, что рентгеновские лучи могут изменять животных и растения, ученые знают с 1927 года, со времени знаменитых опытов американца Меллера, работающего сейчас у нас в Ленинграде. Но обычно измененные животные и растения оказываются уродцами.

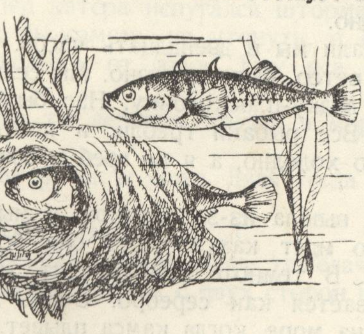
Опыты Краевого тем и важны, что они показывают, что появление уродцев еще не означает неудачи опытов. Кто мог предвидеть, что путь к гороху-гиганту идет через слабое, бледное растеньице, которое еле держалось своими усиками на колышке?

ЗООЛОГИЯ

Можно ли заставить рыб скорее метать икру?

Сейчас сотни прудов в Советском союзе заселены рыбами. И много тонн вкусного рыбьего мяса получит советский народ из этой стоячей воды, где раньше в осоке да в тине плескались редкие караси.

Рыбоводство можно двинуть далеко на север. Беда только в том, что лето там короткое, а многие ценные рыбы мечут икру слишком поздно и к зиме мальки не успевают достаточно окрепнуть.

Но если пруд стал рыбьим хозяйством, то и жизнь этого пруда должна быть организована по хозяйственному плану.

Но как можно заставить рыб метать икру раньше, чем это делали они и их предки в течение тысячелетий?

Весной этого года очень интересные опыты были сделаны ленинградцами — молодым научным работником Н. Гербильским и студентом Л. Кащенко. В животном садке на Малой Невке они взяли самок корюшки. И каждой из них впрыснули в голову жидкость от растертых щучьих мозговых желез-гипофизов. В этой жидкости есть гормоны, которые, как надеялись Гербильский и Кащенко, должны ускорить икрометание.

И в самом деле, скоро в садке заплавали икринки; икрой были облеплены палочки и стебельки, попавшие в воду.

В это время другие корюшки-самки еще были с тощими брюшками; только через несколько недель они тоже начали метать икру.

Тысячелетний образ жизни рыбы изменился: она метала икру тогда, когда захотел человек.

Пока это, конечно, только опыты. Нельзя же вылавливать из прудов всех самок и впрыскивать им в голову вытяжки из гипофизов! Надо найти какой-то другой способ (может быть, придумать такое средство, которое можно будет подбавлять к пище).

Но по этим опытам видно, как человек уже сейчас может управлять живыми организмами.

ПОЧТА

После веселых летних каникул ребята возвратились в школу окрепшими, бодрыми и загорелыми. Многие принесли с собой большие коллекции растений и насекомых, привезли из дальних прогулок и экскурсий фотографии, рисунки и дневники.

Много воспоминаний сохранилось после лета! И сейчас, собравшись все вместе в школе, ребята делятся своими впечатлениями, рассказывают о своих приключениях. В школе ребята встретились со своими друзьями-педагогами. Ребята все выросли — стали на год старше. Еще через несколько лет ребята совсем уйдут из школы: пойдут на заводы, фабрики, в учреждения. Но память о педагогах, которые воспитали их, останется всегда.

Как много ребят, которые уже кончили школу, приходит туда, чтобы навестить своих учителей!

У нас очень много хороших педагогов. На их уроках никто не скучает. Их можно слушать так, как будто читаешь интересную книгу.

Ребята! Напишите о своих любимых педагогах, о самых интересных уроках, напишите о том, что у вас случается в школе.

Самые лучшие письма мы поместим в следующих номерах журнала.

На море

Письмо и рисунки Анестея Панастиди

Батум, Колхозный пер., 13

У меня и отец и дядя — рыбаки. Они очень часто ездят ловить рыбу. И мы с ребятами очень любим ловить рыбу. За портом есть «мелкое море». Там можно очень долго идти, и все время вода будет по колено. Туда мы ходим ловить морских котов. Это такая рыба. Она круглая, коричневая, а хвост у нее длинный, сантиметров тридцать, а на конце хвоста—игла. Об нее можно сильно уколоться.

Однажды я поехал с отцом и дядей ловить камсу.

Ночью мы поехали ловить камсу.

Камсу обычно ловят ночью, при луне: ее чешуя в темноте так блестит, что ее хорошо видно.

Поехали мы в двенадцать часов. На море дул ветер, было холодно. Мы сели в широкую лодку-плоскодонку. Нас было 9 человек. Все рыбаки гребли, и поэтому им не было холодно, а я не греб и совсем замерз.

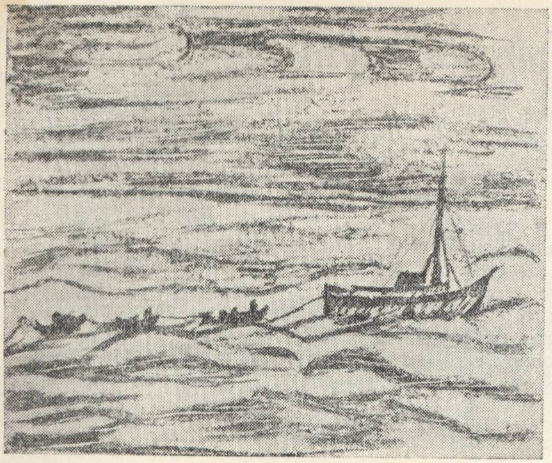
Луна вышла из-за облаков, и мы увидели, что идет камса. Идет она большими стаями. В темноте она блестит, и чешуя переливается как серебро. Очень красиво ночью на море, когда камса плывет.

Дядя сказал:

Надо окружить ее сетями.

Мы окружили камсу сетями, потом стали подымать сеть. Улов был большой. Я вместе со всеми втягивал сеть с камсой на лодку, и мне даже жарко стало. Лодка была переполнена, и мы медленно поплыли к берегу.

Дядя мой — старый и очень опытный рыбак. Он 45 лет по морю плавает, а сейчас почти не ловит рыбу. Вечерами он рассказывает про всякие случаи на рыбной ловле. Однажды он рассказал мне случай, который чуть не кончился его гибелью. Дело было зимой, в феврале. Дядя с артелью ловил рыбу на трех лодках. Лов был хороший.

Катер тащил три лодки.

Решили рыбаки днем выехать из Поти в Батуми. Дядя посмотрел на море и говорит:

— Сегодня на море буря будет. Не поедем.

Но его не послушались и поехали. Все лодки шли за катером, и он их тащил. Отъехали они от Поти, начался шторм в 8 баллов. Волны большущие, лодки швыряет как щепки. Что тут делать? Решили они идти в Субси. Эта гавань была от них близко. А шкипер катера испугался шторма, думает, как бы самому не утонуть, и обрезал концы веревок от лодок. Ему все начали кричать:

— Что ты делаешь, людей в море бросаешь?

Но катер так и ушел. Дядя тогда командует:

— Раздевайтесь!

А рыбацкая одежда очень тяжелая: плащ брезентовый, куртка с двух сторон подбита

Волны швыряли лодки как щепки.

байкой и сапоги выше колен. В такой одежде обязательно потонешь. Рыбаки, которые были в дядиной лодке, послушались его, разделись, а на тех лодках не стали раздеваться: там были неопытные рыбаки, они испугались, кричат и не слушают дядю. Дядя им еще раз крикнул:

— Раздевайтесь скорее!

А они все дрожат. Тут вдруг большая волна налетела на них, лодка разбилась, и рыбаки стали тонуть. Один рыбак из дядиной лодки испугался и прыгнул в воду: думал доплыть до берега. Но как стало его волнами покрывать, он скорей к лодке обратно. Приплыл и влезть хочет. С большим трудом он забрался обратно в лодку. Дядя, наверно, ему помог. Только он мне этого не рассказывал.

В это время вторую лодку разбило, а немного спустя дядина лодка тоже утонула, но у дяди все пловцы были хорошие.

Дядя вытащил рыбака на берег.

Поплыли они втроем. А рыбаков с других лодок и не видно. Долго дядю и его товарищей по морю носило, к утру волнами выбросило на берег Субси. Они все продрогли, а берег пустынный: никого нет. Только они стали в себя приходить, слышат: кричит кто-то. Это один рыбак с другой лодки спасся и еле плывет. Он уже кричать как следует не мог. Тут мой дядя и его товарищи кинулись в море и вытащили его на берег. Он все хотел заснуть, но дядя ему не давал заснуть, потому что он мог закоченеть. А рыбаки, которые были в других лодках, так и погибли, потому что не разделись.

А того шкипера, который их бросил во время шторма, потом судили.

Умный мужик

Сказка записана Жорой Бараз и Верой Ермохиной,
школа имени Калинина Московской области

Многие ребята жили этим летом в деревне. Сколько интересных сказок, легенд и загадок рассказали им старики! Эти народные сказки переходят из уст в уста.

И вот в этом году большая группа ребят поехала в разные районы Московской области, чтобы записать там народные сказки.

Сказка про умного мужика, которую мы помещаем, записана в селе Малый Сапожок у Степана Петровича Кочеткова.

Пахал мужик загон и притомился. Стал отдыхать. Вот к нему и под'езжает царь, служивым ряженый.

Спрашивает:

— Сколько зарабатываешь?

— Восемьдесят рублей.

— Куда же деваешь их?

— А вот куда, служивый, деваю: двадцать рублей подать плачу, двадцать рублей долги отдаю, двадцать рублей взаймы отдаю, двадцать рублей за окно кидаю.

— Как так? — спрашивает царь.

— А вот подумай!

Думал, думал царь, ничего не придумал и просит мужика:

— Как же это так, скажи уж мне, я тебе заплачу.

— А вот как: первое-то понятно и второе понятно, а взаймы даю — значит сына питаю, вырастет — на старости лет меня кормить будет; а за окно кидаю — значит дочь питаю, вырастет — улетит на чужую сторонку.

Заплатил царь мужику за отгадку золотом и заказал ему строго-настрого:

— Никому этой загадки не отгадывай. Или можешь отгадывать только при моем лице.

А сам уехал.

Собрал царь своих министров и загадал им эту загадку.

— Если, — говорит, — не отгадаете, не быть вам в министрах.

Думали, думали министры, никак не отгадали. Узнали они про мужика и пришли к нему.

Вот обступили мужика:

— Давай отгадывай!

Жался, жался мужик, а как увидел, что ему пригоршню империалов преподнесли, сдался.

Приехали министры, вот собрались все, царь и спрашивает их:

— Ну, что, отгадали?

— Отгадали.

«Нет, — думает царь, — не может быть, чтобы у меня такие министры были умные».

Распустил всех, приехал к мужику и говорит:

— Я тебя буду казнить: ты слова своего не сдержал. Не при моем лице загадку отгадал.

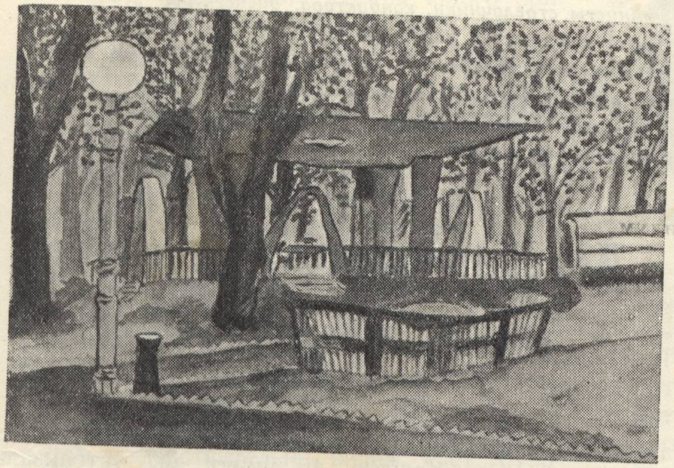
Вытащил мужик золотой империал, повертел его, показал царю и говорит:

— А это чье лицо? Нет, я при вашем лице секрет выдал.

Подивился царь выдумке мужика, отпустил его да еще золото дал.

Вот тебе и мужик, умный мужик!

Тихий уголок

В этом году недалеко от нас открылся Детский парк культуры и отдыха. Там много деревьев, цветов и очень весело. У нас там был изокружок, и мы рисовали. На этих рисунках мы нарисовали „Тихий уголок" парка и горку, с которой все ребята катались.

Сережа Смирнов,
Вова Шеинов
Москва, Октябрьский район.

На пожаре

Письмо Геры Агеева

Ярославль, Новодуховская ул., 2/1.
Комбинат «Красный Перекоп».

В прошлом году, летом, я жил в деревне Ратаевской горке у родных. Там у меня был хороший друг Володька. И вот что однажды случилось.

Ночь была темная, я проснулся от того, что кто-то тормошил меня. Сначала я не хотел открывать глаза и натягивал на голову одеяло. Потом вдруг с меня стащили одеяло. Я вскочил с кровати. Передо мной стоял Володя.

— Что ты не даешь спать?

Он громко мне крикнул:

— Пожар! Колхозный амбар горит, бежим скорей, Герка!

С меня сразу слетел сон, и я, натянув штаны и рубашку, выбежал вслед за Во-

лодькой на улицу. За домами, на овинах, горел недавно выстроенный колхозный амбар. Вокруг бегали колхозники и что-то тащили из него. Когда я подбежал ближе, то увидел, что это тащили мешки с зерном и складывали их в одну кучу. Мы начали помогать. Вдруг Володя заметил, что Иван Солнцев, бывший лавочник, тоже тащит мешок, но нес он мешок не в ту сторону, где колхозники складывали мешки. Мы решили проследить его. Мы побежали за ним и догнали Ивана у его амбара. Иван положил мешок в угол и сосчитал лежавшие там мешки — шесть. Мы снова побежали к месту пожара, отозвали председателя колхоза дядю Никанора в сторону и сказали ему об этом. Дядя Никанор решил не подавать виду, что он что-нибудь знает. Скоро мы опять увидели в толпе Ивана. Он опять тащил мешок к своему дому. Через несколько минут я, Володька, дядя Никанор и еще двое колхозников отправились к его амбару. Иван был еще там. У него в амбаре нашли много мешков с зерном. А на мешках стояла печать колхоза «Красный Профинтерн». Он их украл.

На другое утро Ивана взяли в милицию. А сгоревший амбар скоро отстроили.

По примеру тбилисийских (тифлисских) пионеров детские железные дороги строятся сейчас и в других городах Советского союза. Пример их подхвачен всеми ребятами.

Замечательная детская железная дорога построена сейчас в Днепропетровске. Она называется «Малая сталинская». Машинисты, стрелочники, кондуктора, диспетчеры—это все ребята. Четко и точно, как настоящие машинисты, ведут они по пути свой состав. У них нет аварий. К паровозу прицеплено пять голубых чистеньких вагонов. Станции окружены зеленью и цветами, а в зале ожидания стоит мягкая мебель.

Много детских железных дорог строится сейчас в городах и селах. Юные железнодорожники готовятся стать умелыми водителями машин!

Детская железная дорога

Письмо Вити Сокольского

Тбилиси (Тифлис)

Детскую железную дорогу мы начали строить в октябре прошлого года. Решили мы построить ее на берегу реки Куры, в парке имени Орджоникидзе. Аллея, по которой мы проложили дорогу, казалась нам совершенно ровной. Но тут мы впервые узнали, что такое нивелировка [1]. Оказалось, что около того места, где теперь станция «Радостная», большой спуск. Нам пришлось сгладить этот спуск, сделать насыпь в пятьсот кубометров земли. Мы долго думали, откуда взять землю для нашей насыпи, но тут нам повезло: на наше счастье Осоавиахим решил строить в парке парашютную вышку, и землю, которую выбрали для фундамента, мы на тачках перевезли к себе.

Всю насыпь сделали мы сами, ребята от 9 до 16 лет. К 9 часам утра все бригады приходили на строительство. Бригадир получал от начальника строительства задание. Работали мы весело, с песнями, с шутками. Каждые 40 минут мы устраивали перерыв. После перерыва снова работали, потом завтракали и шли в школу. А работать на нашей дороге могли только отличники. Одновременно с постройкой насыпи шли также работы в депо. Раньше в этом помещении был тир. Мы устроили там столярный, слесарный и кузнечный цехи. А в кузнечном цехе был один горн. Зимой, когда на дворе шел снег и дождь, мы строили в депо вагоны. Как бы холодно ни было на улице, все ребята приходили в депо очень акуратно. Нашей работой руководил старый машинист Закавказской железной дороги Н. И. Чекноверов; он научил нас нарезать болты, подбирать к ним гайки, делать тормозные тяги, буксы (самоделки) и т. п. Это было не очень легко, но мы сами построили сначала один, а потом еще два вагона. Только рамы и колеса нам прислали с завода.

Наступила весна, выглянуло солнышко, на

---

[1] Нивелировка — определение неровности почвы.

улице потеплело. Мы начали укладывать шпалы по всему протяжению дороги. Скоро нам привезли рельсы. Мы несколько раз подходили к ним, осматривали их со всех сторон, и разговоров было очень много.

— Смотри, смотри, какая там гайка!

— А вот этот рельс совсем кривой, почему это?

В апреле мы уложили сто метров рельсов и построили один вагон. В этот день к нам пришел Константин Николаевич Вайсерман. Константин Николаевич—начальник нашего строительства, он все время руководил нашей работой. Он говорит:

— Вы все, ребята, знаете, что восемнадцатого апреля — восьмая годовщина ТЮЗ. Хорошо бы к этому дню пустить по готовым рельсам паровоз и вагон.

А наша железная дорога была построена ребятами, активистами Театра юного зрителя, и мы все очень любим ТЮЗ.

Тут все мы вскочили со своих мест, начали кричать:

— Сделаем обязательно, Константин Николаевич!

Вдруг кто-то из ребят говорит:

— А ведь паровоза у нас еще нет.

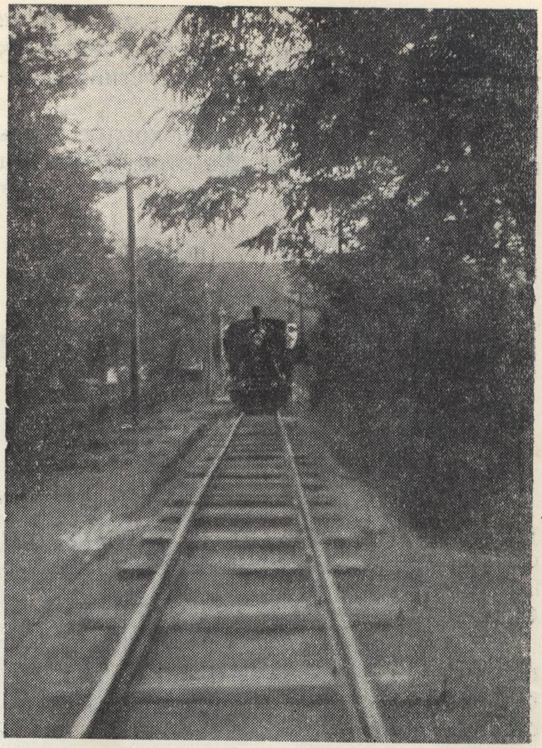
Константин Николаевич отвечает:

— Это ничего, его 14-го привезут.

Мы с нетерпением стали ждать этого дня. Наконец, 14-го, когда все мы были за работой, кто-то прибежал к нам и крикнул:

— Ребята, паровоз везут!

Мы, как сумасшедшие, бросились к воротам и, действительно, видим: едет грузовик-пятитонка, а на нем наш паровозик.

Наш паровоз поставили на твердые рельсы.

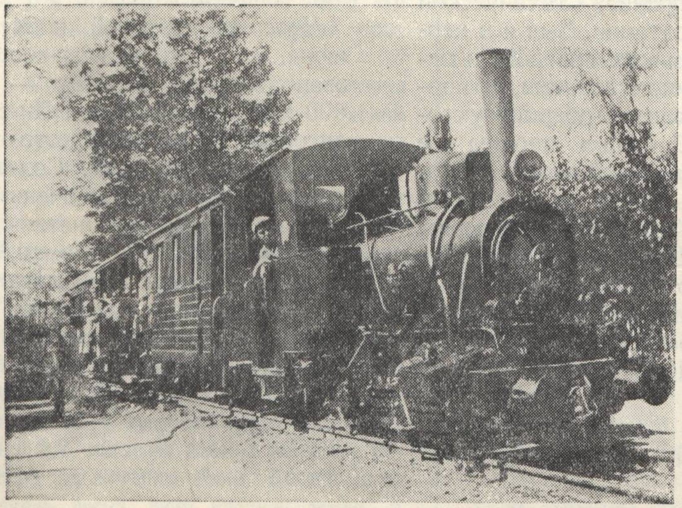
За паровозом бежала целая толпа мальчишек и громко кричала:

— Кукушка едет!

Грузовик остановился около наших ворот. Мы наскоро проложили рельсы от ворот до полотна. По этим рельсам паровоз прошел до полотна, и там его поставили на твердые рельсы. На другой день мы с раннего утра были на дороге. Осматривали на паровозе каждый винтик, каждую гаечку. Двигали всякие рычаги, не зная еще, для чего они служат. Мы прямо не могли оторваться от него, до того он нам нравился.

Назвали мы его в честь Лазаря Моисеевича Кагановича **«ЛК-1»**.

После этого дня работа пошла у нас живо. Мы быстро прокладывали шпалы, потом взрослые ребята укладывали рельсы, забивали костыли, строили станции. Проекты обеих станций дали наши же строители, Вася Чернышев и Юня Поляков. Они уже разрисовали станции. Одновременно с прокладкой шпал, рельсов и постройкой станций продолжались работы по постройке вагонов: ведь мало же было нам одного вагона.

Наша железная дорога вступила в эксплоатацию.

Первый вагон был жесткий зимний, т. е. закрытый. Второй вагон был тоже жесткий, только открытый, летний, а третий — мягкий, «международный» вагон.

24 июня было назначено открытие дороги. Около парка собралась огромная толпа посетителей. Каждому хотелось попасть на открытие первой в мире детской железной дороги.

Первая детская железная дорога вступила в ежедневную эксплоатацию.

Как мы строили дорогу

Письмо Миши Чохвицкого

Тбилиси (Тифлис)

Как только я узнал, что у нас в Тбилиси есть детская железная дорога, я решил пойти посмотреть ее. Сказано — сделано.

На следующий день я пошел в парк культуры и отдыха, взял билет на станции Пионерской и, ожидая поезда, принялся осматривать станцию. Раз пять я подходил к кабинету дежурного по станции, чтобы удостовериться, действительно ли сама девочка в железнодорожной форме дает жезл, говорит по телефону. Я все думал, не помогают ли ей взрослые, но взрослых там не было. Вдруг я услышал звонкий колокол: несколько частых ударов и через секунду еще один. Это означало, что поезд вышел со станции Радостной.

Я прислушался к свистку поезда. Вот уже слышен шум идущего поезда, и, наконец, блестя фонарями, показывается паровоз. Поезд подошел, остановился, я бросился к первой площадке вагона, но тут меня остановил голос мальчика в железнодорожной форме: «Мальчик, посадки еще не было». Я смутился и стал в конец очереди.

Когда я вернулся из лагеря, мы с приятелем отправились в парк культуры и отдыха имени С. Орджоникидзе и попросили принять нас: мы тоже хотели работать на ДЖД. Нас приняли, выдали нам синюю форму с петличками и синие береты с красными помпонами. Нас назначили перронными контролерами: меня — на Радостной, а моего товарища—на Пионерской.

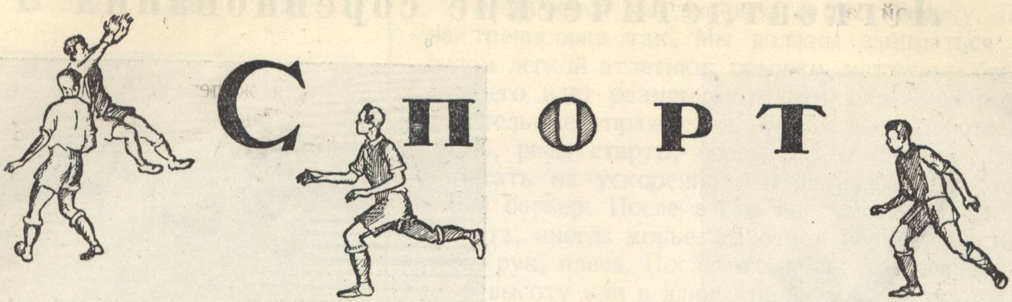
Через несколько дней я уже свыкся с дорогой и усвоил правила технической эксплоатации. Был я и перронным контролером, и начальником станции, и проводником, и оберкондуктором. В общем прошел все должности. Каждая работа по-своему интересна, и я не понимаю тех ребят, которые не хотят работать стрелочниками, а непременно начальниками поезда. Так работал я все лето в бригаде № 3.

Наша бригада была одной из первых, и когда один раз поднялся вопрос о премировании лучших, то наш бригадир не знал, что делать, потому что все работали хорошо.

В июне я пошел в школу, получил табель с отметками. Все экзамены я сдал на «отлично». Приближалась годовщина открытия дороги. За год мы перевезли 65 тысяч пассажиров. Аварий у нас не было.

Мы решили к годовщине открытия дороги присоединить еще и открытие пути второй очереди. С этого дня мы стали ходить на дорогу каждый день.

Через десять дней, к 24 июня, мы построили первое звено второй очереди — 600 метров от станции Пионерская к станции, которая сейчас строится, Солнечная. Работали мы очень хорошо. Не даром Константин Николаевич Вайсерман, начальник строительства дороги, хвалил нас. И вот 24-го, в 7 часов вечера, поезд пошел по новому пути.

Спорт

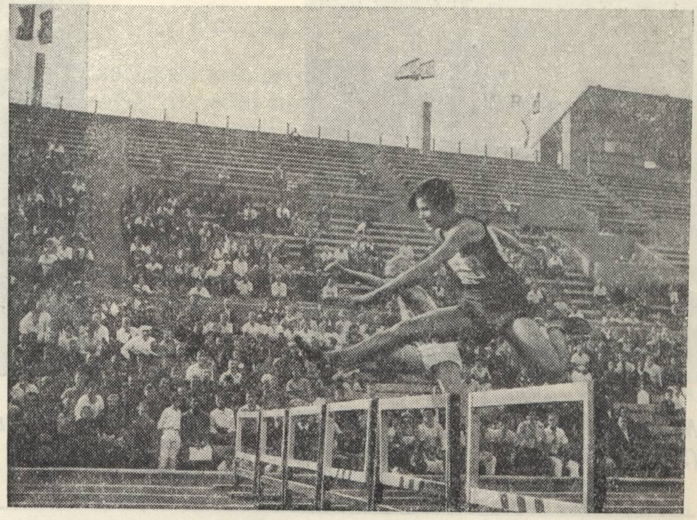
Мировой рекорд Дуси Васильевой

Два года назад в прачечную принесли странную бумажку. Председатель месткома долго вертел ее в руках и затем погрузился в глубокое раздумье. Еще бы не задуматься, когда ему предлагали выставить от прачечной для участия в весеннем общегородском кроссе (бег по пересеченной местности) одного физкультурника и одну физкультурницу! А где их взять, когда в прачечной никто физкультурой не занимался? Наконец, председатель месткома решился на героическую меру: бежать самому. Участвовать же в женском кроссе он предложил прачке Дусе Васильевой: она самая молодая в прачечной — ей всего 17 лет.

Председатель месткома уговорил Дусю участвовать в кроссе, пообещав ей достать на отпуск путевку в дом отдыха. Каково же было его удивление, когда Дуся первой пришла к финишу!

С этого дня Дуся стала регулярно заниматься физкультурой. Весной текущего года она опять поразила всех, пробежав 800 метров в 2 минуты 15,9 секунды. Это был всесоюзный рекорд для женщин. Затем Дуся пробежала 1500 метров в 4 минуты 47,2 секунды.

Наконец, на всесоюзных легкоатлетических соревнованиях в Москве секундомеры отметили небывалое время в беге на 1000 метров—в 2 минуты 58,4 секунды. Дуся Васильева на 2,2 секунды побила мировой рекорд англичанки Лэнн. Бегает Дуся очень легко, едва касаясь земли, и кажется, она прямо летит.

Барьерный бег на 80 метров. Карпович (Москва) показала время 12,5 секунды.

Будущие мастера спорта

Мы пригласили к себе в редакцию ребят из группы легкоатлетов Стадиона юных пионеров в Москве, чтобы они рассказали о своих занятиях спортом.

Рассказ Шуры Рабиновича

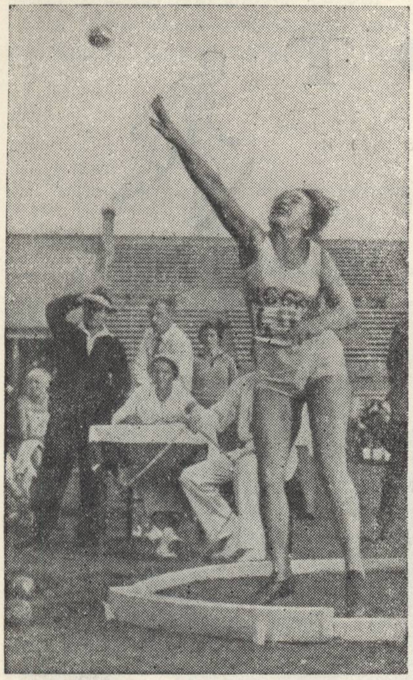
«На стадион я пришел в прошлом году. Как раз шли соревнования. Мне они понравились. Я спрашиваю: «Можно записаться?» Мне ответили: «Пожалуйста».

Я начал бегать. Сначала я 100 метров пробегал в 13,2 секунды, потом — в 13 секунд.

Физкультурой я занимался односторонне: все бегал и бегал. Ни прыжками, ни метаньем не интересовался. А так хороший легкоатлет не получится.

Бегал я плохо. Были у нас двое ребят, которые бегали гораздо лучше меня. Как-то тренер мне говорит: «Ничего из тебя не получится. Бегать ты не

Легкоатлетические соревнования

Метание ядра. Тов. Синицкая (УССР). Результат — 12 метров 39 сантиметров.

Чемпион Советского союза по бегу Роберт Люлько.

Детские рекорды по легкой атлетике

В этом номере мы помещаем таблицу детских рекордов к 1 января 1936 года. В следующем номере (после окончания легкоатлетического сезона) мы дадим таблицу рекордов, установленных в этом сезоне.

МАЛЬЧИКИ 14—15 ЛЕТ:

Бег на 60 метров
Беликов (Баку)—7,8 секунды.

Бег на 100 метров
Гегелс (Тбилиси) — 12,1 секунды.

Прыжки в высоту с разбега
Каргин (Воронеж)—156 сантиметров.

Прыжки в длину с разбега
Фокин (Армавир) — 5 метров 66,5 сантиметра.

Метание гранаты (500 граммов)
Давыдов (Армавир) — 60 метров 87 сантиметров.

умеешь». Я разозлился. Побежал с одним из ребят и сразу прошел в 12,1 секунды. Все были страшно удивлены. К концу сезона я стал пробегать 100 метров в 12,1 секунды. Но вылезти из 12 секунд мне еще не удается. В прошлом году я выиграл первенство стадиона, но время дал неважное—14,4 секунды. Я думал, что пройду лучше. Не знаю, то ли погода была плохая, но, пожалуй, я сам был виноват. Сначала были забеги. Я прошел в 12,4 секунды, потом через некоторое время был финал. Я не отдохнул и показал такое же время. Думаю, что в этом году с такими результатами первенство стадиона не выиграешь.

На московских соревнованиях в беге на 100 метров я занял третье место.

Кончилось лето. Мы начали заниматься гимнастикой в помещении. Зимой у нас проводились кроссы, бегали по 3—4 километра на воздухе, по Ленинградскому шоссе.

Вообще я должен сказать: как бы ты ни пробежал, когда продумываешь свой бег, очень редко, когда остаешься доволен своими результатами. Например, когда я пробежал 100 метров в 12,1 секунды — а это лучшее для меня время, — мне все равно казалось, что я плохо пробежал, что засиделся на старте, что бежал маленькими шагами, оглядывался.

Прыжок в длину с разбега. Заслуженный мастер спорта Мария Шаманова.

Диск (1 килограмм)
Давыдов (Армавир) — 33 метра 49 сантиметров.

Толкание ядра
Балотанов (Москва) — 12 метров 89 сантиметров.

ДЕВОЧКИ 14—15 ЛЕТ:

Бег на 60 метров
Ялава (Карелия) — 8 секунд.

Прыжки в высоту с разбега
Бердзенишвили (Тбилиси) — 142 сантиметра.

Прыжки в длину с разбега
Хусаинова (Фергана) — 476 сантиметров.

Метание мяча с петлей (1 килограмм)
Холодова (Армавир) — 33 метра 95 сантиметров.

Метание гранаты
Алексеева (Ленинград) — 40 метров 30 сантиметров.

Метание диска (1 килограмм)
Фотеллер (Азербайджан)—19 метров.

Прыжок в длину с места
Попова (г. Фрунзе) — 1 метр 95 сантиметров.

Тренируемся мы два раза в шестидневку. Построена тренировка так. Мы должны заниматься каждым видом легкой атлетики: прыжки, метанье и бег. Прежде всего идет разминка: делаем всевозможные подготовительные упражнения. Потом идет работа на резкость, рвем старты, берем 5—10 стартов. Начинаем работать на ускорение или разучиваем прохождение через барьер. После этого идет метанье: диск, ядро, граната, иногда копье. Работаем верхней частью корпуса: рук, плеча. После этого как заключение—прыжки в высоту или в длину, прыжки с места, тройные. и последнее как зачет — пробежка».

Рассказ Миши Левина

«У нас довольно дружный коллектив. Каждый желает, чтобы товарищ показал лучшие результаты. Иногда делают это довольно оригинально: начинают развивать «спортивную злость». Приходят на стадион и говорят: «Ты бегать не умеешь. Вот такой-то моложе тебя на два года, а пробежал лучше». Парень начинает сердиться и показывает лучшие результаты.

Когда идешь на старт, боишься, даже ноги и руки дрожат. Потом кинешься вперед. Сначала как будто все идет благополучно. Потом, пробежав метров 300—400, начинаешь чувствовать тяжесть. Думаешь только об одном: как бы удержаться за первым. Пробежав приблизительно 600 метров, думаешь: зачем начал бежать? Но кое-как держишься, но когда остается метров 150, темп свой ускоряешь, и ничего, сходит.

В первые часы после бега клянешься, что бежать такую дистанцию больше не будешь. На следующий же день все в порядке и снова готов бежать.

Теперь я расскажу об одной, как я ее считаю, своей неудаче. Это было в прошлом году, когда я бежал 800 метров. Правда, я пришел вторым, но чувствовал себя неважно. Результат был ужасный: 2 минуты 14 секунд. После этого я ходил мрачный, как туча, и поклялся больше 800 метров не бегать. Но, конечно, теперь опять бегаю.

У нас обычно среднюю дистанцию проходят во второй половине дня. Перед этим есть совершенно нельзя. Когда с 7 часов утра ничего не ешь, кроме плитки шоколада, настроение делается все хуже и хуже. Висит список бегунов. Подходишь к списку и начинаешь читать фамилии тех, кто принимает участие в беге. Думаешь: «Вот этот бегает так-то, с ним лучше не тягаться». Таких человек пять всегда найдется.

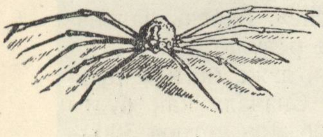
На старте было очень много ребят. Самое трудное на соревновании — установить темп бега. Лучше пропустить кого-нибудь первым, чтобы за ним бежать, а в конце обходить. Я так решил. Не успел я оглянуться, как впереди уже было человек восемь. Потом я начал обходить, да не с той стороны, против ветра. Потратил много сил, дошел еле-еле. Легче обходить там, где ветер в спину. Я это не рассчитал и обошел там, где ветер в лицо. Поэтому и пришел вторым».

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах, известных и неизвестных, крупных и мелких, видимых и невидимых

•

Около японских берегов живет краб-гигант — кемпферова макрохейра. Своими раскинутыми ногами он может занять целую комнату в 5 квадратных метров. Но этот страшный на вид краб совершенно безобиден. Он еле ходит на своих тонких паучьих ногах. Вытащенный на берег, он не может справиться со своей собственной тяжестью и так и остается на месте. Однажды на морской биологической станции пойманного краба пустили на длинной веревке гулять по морскому дну вблизи берега. Видно было, как он медленно ковылял на красных ногах, а при малейшем волнении беспомощно останавливался, раскачиваясь во все стороны.

•

Место с самой плохой погодой на земле — это остров Янмайен, между Норвегией и Гренландией. Теплый Гольфстрим сталкивается там с холодным, полярным течением. Циклоны и штормы проносятся почти всю долгую зиму над вулканическими сопками острова. Там дуют ветры невообразимой силы, летящие со скоростью 250 километров в час. За целый год на Янмайене бывает всего 3 ясных дня.

•

В море живут родственники нашей улитки — моллюски поразительной формы. Телю одного из них — мускулистый комок — все покрыто словно цветочками с лепестками ввиде листьев папоротника. Оказывается, это бесчисленные, выросшие наружу отростки печени, которые служат жабрами. Этот моллюск дышит своей печенью. На другом — растут длинные, как волосы, придатки, красные с оранжевыми точками. Он кажется красным, как мясо, цветком или актинией, которая вдруг оторвалась от скалы и начала быстро плавать.

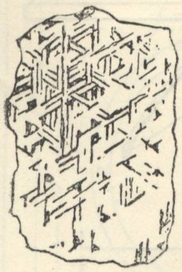
Когда македонское войско под командой Неарха 2250 лет назад переправлялось на кораблях из Индии в Аравию, оно, как пишет греческий историк Страбон, встретило в Персидском заливе огромных чудовищ. Они выпускали столбы воды и, казалось, перемешивали хвостами всю воду залива. Рулевые — местные жители — сказали, что надо трубить в трубы и поднять такой сильный, как только можно, шум оружием, веслами и трещотками. И все войско, кто чем мог, стало шуметь на кораблях. «Это была настоящая морская битва,— пишет

Страбон. — Наконец страшные чудовища испугались войска Александра Македонского и уплыли в океан».

Это была самая первая встреча европейцев с кашалотами.

●

Когда в Гасконии, во Франции, упало множество маленьких метеоров — настоящий каменный дождь, триста очевидцев подписали письмо об этом и отправили его во французскую Академию наук. Но парижские академики ответили: «Как жаль, что в наше время существуют еще люди, верящие в падение камней с неба!»

Это было в 1790 году, всего 146 лет назад. Сейчас мы знаем, что каждые сутки земля встречается с шестью или восемью миллионами метеоров.

Больше всего падающих звезд видно перед утром. Это потому, что земля как раз несется «утренней» стороной вперед в мировом пространстве, и, значит, эта сторона больше всего и сталкивается с метеорами.

Если метеор, состоящий из железа, отшлифовать и протравить кислотой, то на нем проступает густая сетка из прямых полосок — видманштеттовы фигуры.

По этим фигурам можно отличить железо, прилетевшее из мировых пространств, от железа земного.

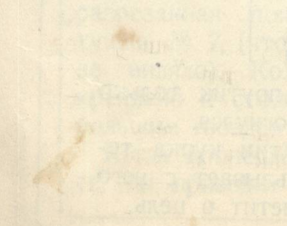
●

У раков около рта есть придатки, которые называются ногочелюстями. Это полуноги, получелюсти. Они помогают удерживать добычу, отправлять ее в рот и отрывать от нее куски. Доказано, что и сами челюсти всех многоножек: раков, пауков и насекомых — превращенные ноги. Они едят и жуют ногами.

●

Есть вещества, которые могут гореть без воздуха и без кислорода. Сурьму, натрий и медь можно, раскалив, поджечь в чистом хлоре. Сурьмяный порошок, калий, натрий, кальций, стронций и барий ярко пылают, соединяясь с бромом.

●

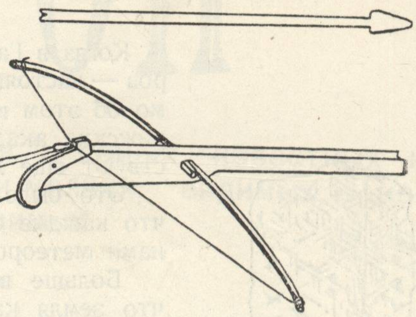

Это грозное существо с рогами на голове и с шипами на ногах — родственник нашего кузнечика. Как все кузнечики, он ест траву, слушает ухом, находящимся на ноге, и стрекочет крыльями. Крылья служат ему отличной скрипкой для концертов; но летать он почти не может. Вот почему у него грозный вид: рогами и шипами беззащитный кузнечик пугает своих врагов, чтобы они не трогали его.

●

У насекомых нет кровеносных сосудов. Кровь налита у них просто внутри тела. Сердце у них на спине. Оно пульсирует очень медленно и медленно гонит кровь между внутренними органами.

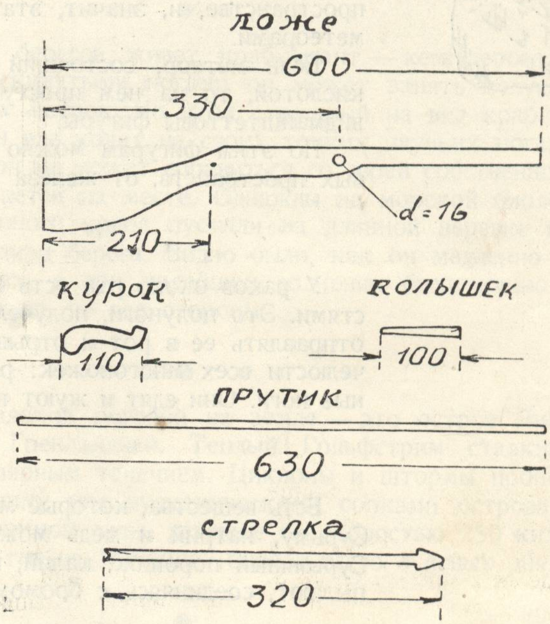
Самострел и музыкальная мельница

Костя Степанов, ученик 12-й школы Ленинского района Москвы, сделал самострел и делает музыкальную мельницу.

Косте 9 лет. Он работает в модельно-инструкторском кружке при Центральной детской технической станции. Самострел уже готов и очень хорошо стреляет. Другие ребята по его образцу тоже сделали такие же самострелы и тренируются в попадании в цель. Устраивают для этого специальный тир.

Музыкальную мельницу Костя только спроектировал и сейчас занят постройкой ее. Ребята очень заинтересованы тем, как будет действовать эта мельница. Они помогают Косте поскорее осуществить его изобретение.

Самострел Кости Степанова

Ребята уже знакомы с самострелами, но Костя очень удачно установил размеры, и его самострел стреляет довольно хорошо и метко.

Все устройство понятно по рисунку и чертежу. Кроме того вот список отдельных частей самострела.

Тетива, или шнурок на прутике, сделана из суровой нитки, сплетенной вчетверо.

Размеры даны в миллиметрах

№№ п/п	Название частей	Длина	Ширина	Толщина	Количество	Материал
1	Ложа	600	100	16	1	Дерево
2	Курок	110	40	10	1	„
3	Прутик	630	8	8	1	„
4	Колышек . . .	100	15	10	1	„
5	Стрелки	320	7	7	1	„ .

Прутик может быть круглый или квадратный из дерева крепкой породы. Натягивать тетиву надо так, чтобы прутик только чуть-чуть согнулся.

При нажатии курка тетива соскальзывает с него и стрелка летит в цель.

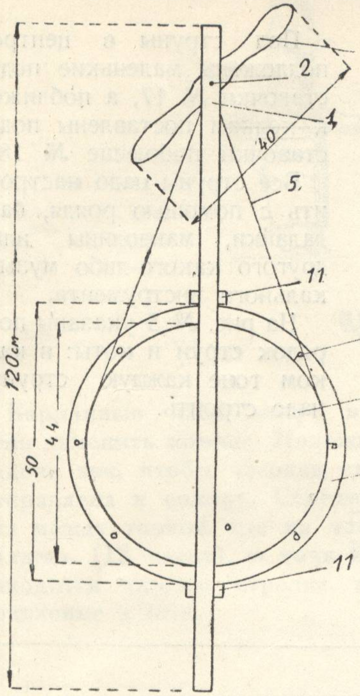

Рис. 1.

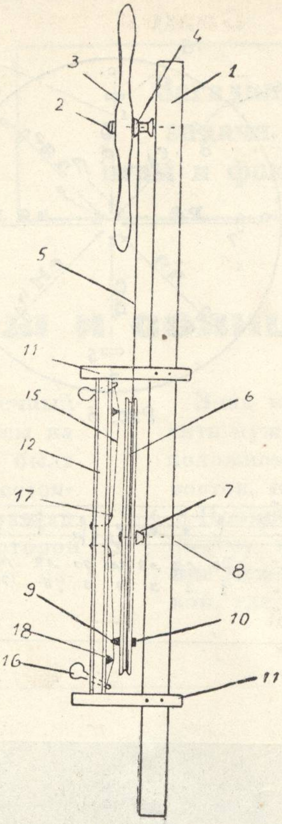

Рис. 2.

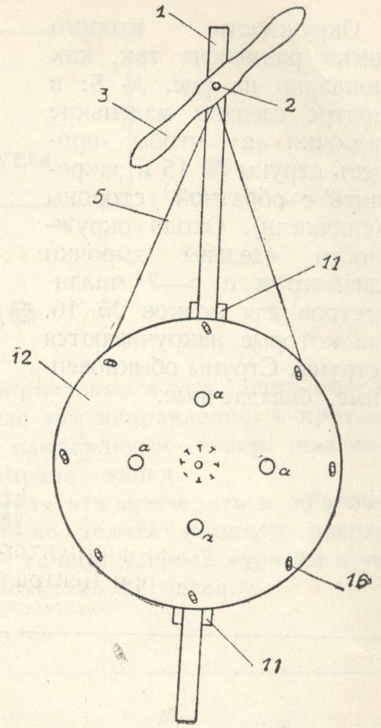

Рис. 3.

Музыкальная мельница

Музыкальная мельница спроектирована так: на столбике № 1 укреплен на гвозде № 2 пропеллер № 3. Сзади к пропеллеру прикреплена обыкновенная катушка № 4. (Смотри рис. 1, 2 и 3.) От катушки идет шнурок № 5 к большому колесу № 6.

Колесо сделано из трех дисков тонкой фанеры. Наружные диски диаметром 420 миллиметров, а внутренний диск диаметром 400 миллиметров. К этому колесу сзади прикреплена разрезанная пополам катушка № 7 (чтобы колесо не виляло). Колесо прикреплено к столбику № 1 большим гвоздем № 8.

Когда пропеллер вертится, он приводит в движение это колесо. В колесе есть отверстие, в которое вставлено перышко № 9 (гусиное или куриное) и заклинено колышком № 10.

Впереди, против этого колеса, планками № 11 прикреплен музыкальный диск № 12. Перышко цепляет за струны, натянутые на

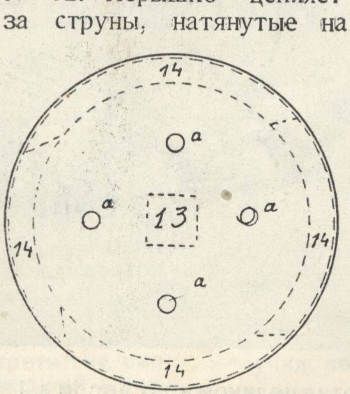

Рис. 4.

музыкальном диске, и играет короткую мелодию из 8 звуков (русскую плясовую). В зависимости от силы ветра темп музыки будет быстрее или медленнее.

Музыкальный диск смонтирован так. В фанерном диске (круге) диаметром 500 миллиметров (рис. № 4) сделаны 4 отверстия «а» диаметром 12 миллиметров (для звука). Потом наложена в середине квадратная дощечка № 13 толщиною 10 миллиметров. Края фанерного диска обложены дощечками № 14 закругленной формы, как показано на рисунке. Сверху наложен второй фанерный диск, и все сбито гвоздями.

Окружность второго диска размечена так, как показано на рис. № 5: в центре сделаны маленькие дырочки «а», чтобы продеть струны № 15 и закрепить с обратной стороны (спичками). Около окружности сделаны дырочки диаметром в 6—7 миллиметров для колков № 16, на которые накручиваются струны. Струны обыкновенные, балалаечные.

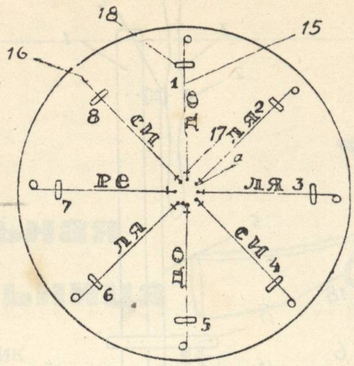
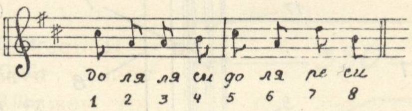

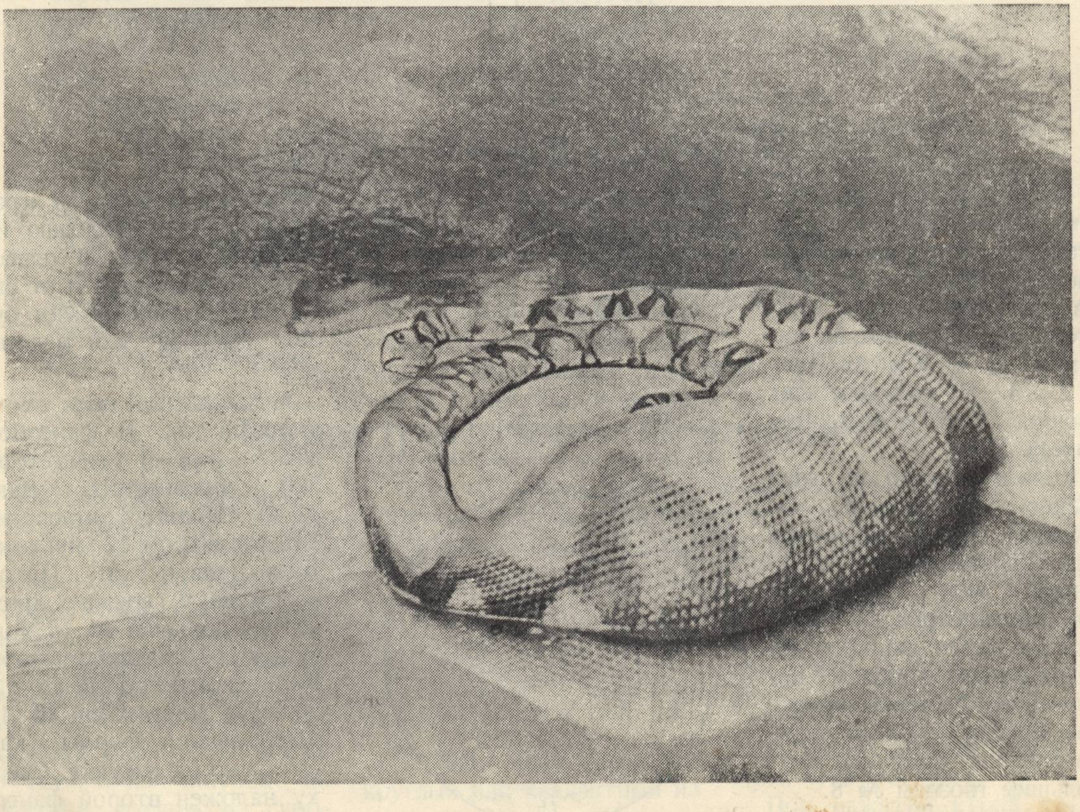
Рис. 5.

Под струны в центре подложены маленькие подставочки № 17, а поближе к колкам поставлены подставочки побольше № 18.

Все струны надо настроить с помощью рояля, балалайки, мандолины или другого какого-либо музыкального инструмента.

На рис. № 5 указаны порядок струн и ноты: в каком тоне каждую струну надо строить.

Этот удав только что проглотил целиком козу весом в 1½ пуда. Глотал он ее два часа, а теперь он будет в полусонном состоянии несколько суток переваривать добычу, от которой его тело вздулось настоящей горой.

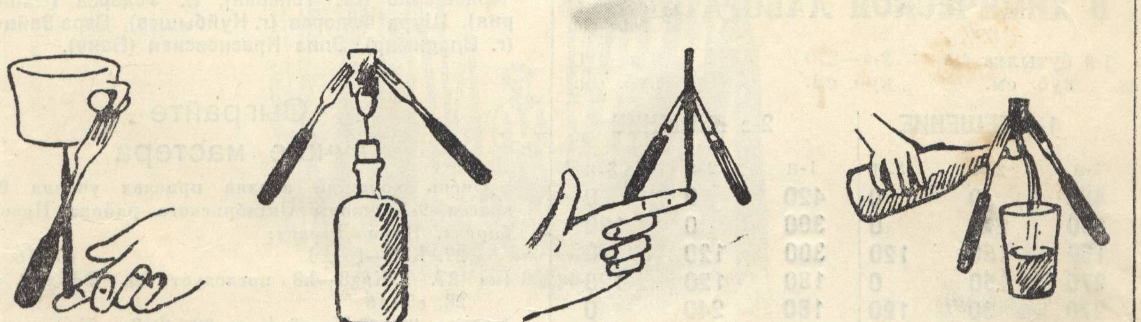
Загадки, задачи, игры и фокусы

Часы и солнце

Карманные часы могут в солнечный день заменить компас. Положите часы на ладонь так, чтобы часовая стрелка была направлена к солнцу. Середина расстояния между точкой, где на часах показан полдень (12 часов), и точкой, в которой находится часовая стрелка, покажет направление к югу.

Зная направление к югу, легко определить нужное вам направление: в противоположном направлении—север, налево—восток, направо—запад.

Попробуйте это проверить и об'ясните, почему нужно делить пополам расстояние между точкой часовой стрелки и точкой, где показано 12 часов.

1. Всунь пробку в ручку от чашки, затем воткни в нее вилку так, чтобы с каждой стороны ручки чашки было по два зубца. Теперь центр тяжести переместится так, что легко балансировать ею на конце ручки.

2. Воткни иголку крепко в пробку в бутылке. Вставь монету в прорез другой пробки, в которую, кромо того воткнуты две вилки. Теперь балансируй монетой на игле.

3. Воткни с двух сторон ручки по перочинному ножу, и можно балансировать ею на пальце.

4. Пробка с двумя вилками может стать где угодно, даже на горлышке бутылки.

Встреча поездов

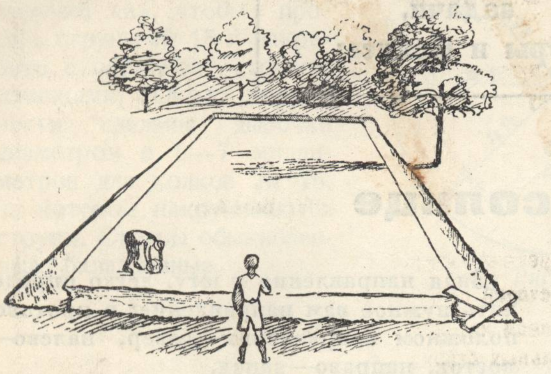
Курьерский поезд № 1 ежедневно в 16 часов направляется из Москвы во Владивосток. Весь путь продолжается ровно 7 суток. В тот же час отправляется ежедневно курьерский поезд № 2 из Владивостока в Москву. Сколько поездов № 2 встретит на своем пути курьерский поезд, вышедший 1 сентября из Москвы во Владивосток?

Задача-шутка

В коробке 120 перьев. Мы, шестеро, купили вскладчину всю коробку. Как разделить нам перья, чтобы каждый из нас получил по 20 перьев и 20 перьев остались в коробке?

Ответы на задачи, помещенные в № 7

Мяч на площадке

Правильно решили: Жора Смирнов (Одесса), Боря Менделевич (Москва), Жора Калинхин (Москва), Шура Федоров (г. Куйбышев), А. Москович (Рязань), Витя Пискулов (Мамонтовка), Веня Чекалин (Рыбинск).

В ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

1-я бутылка 420 куб. см. 2-я — 270 куб. см. 3-я — 120 куб. см.

1-е РЕШЕНИЕ

1-я	2-я	3-я
420	0	0
150	270	0
150	150	120
270	150	0
270	30	120
390	3	0
390	0	30
120	270	30
120	180	120
240	180	0
240	60	120
360	60	0
360	0	60
90	270	60
90	210	120
210	210	0

2-е РЕШЕНИЕ

1-я	2-я	3-я
420	0	0
300	0	120
300	120	0
180	120	120
180	240	0
60	240	120
60	270	90
330	0	90
210	90	120
210	210	0

Правильный ответ на эту задачу прислал Шура Герасимов (поселок Парфино, Ленинградской области).

Распоряжение диспетчера

Товарный поезд уходит по главному пути за начало боковой ветки и затем ходом отводит на ветку столько вагонов, сколько там может поместиться. Паровоз товарного поезда опять уходит вперед за начало ветки. Пассажирский поезд также уходит за начало ветки, и к его последнему вагону прицепляют стоящие в тупике товарные вагоны. Пассажирский поезд выводит эти вагоны из тупика, идет задним ходом, освобождая путь товарному паровозу с оставшимися вагонами к тупику. Товарный паровоз с вагонами занимает ветку тупика. Пассажирский поезд оставляет товарные вагоны на главном пути и уходит вперед. Паровоз товарного поезда соединяется с остальными своими вагонами. Распоряжение диспетчера выполнено.

Правильное решение прислали: Жора Смирнов (Одесса), Боря Менделевич (Москва), Лида Черкащенко (ст. Таповая), В. Федоров (Башкирия), Шура Федоров (г. Куйбышев), Вера Зайцева (г. Владимир), Элла Красновская (Баку).

Сыграйте лучше мастера

Очень хороший анализ прислал ученик 8-го класса 9-й школы Октябрьского района Новосибирска, Наум Димант:

27. Kh5—f6 +! g7 : f6

(на 27. ... Kpg8—h8 последует 28. Фd6 : f8 ×).

28. e5 : f6

(угроза 29. Фd6—g3 + и 30. Фg3—g7×).

28 ... Фe2—g4 (или Фe2—h5, или Фe2—e4).

29. Фd6 : f8 + ! Kpg8 : f8

30. Лd1—d8 ×

(на 28... h7—h5 последует 29. Фd6 : f8 Kpg8—h7 30. Фf8—g7×).

Следовало бы только уточнить примечание Наума после 28-го хода белых, а именно: две угрозы 29. Фd6—g3 +, и 30. Фg3—g7×, и 29. Фd6 : f8 + Kpg8 : f8 и 30. Лd1—d8×. Защититься сразу от обеих угроз черные не могут, а поэтому проигрывают.

Кроме Наума верные решения прислали еще Рафа Клейн (Киев), братья Смелянские Леня и Мося (Москва, 278-я ростокинская школа), Женя Жильцов (Москва, 210-я школа Октябрьского района), Коля Татаринов (Бугуруслан), Жорж Рябиков (Киев, 105-я средняя музыкальная школа), Митя Колменский (Москва) и Яша Эстрин (Москва).

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 5/IX 1936 г Подписано к печати 22/IX 1936 г. Изд. № 878

Уполномоченный Главлита № Б—28780. 82×110 — 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 1840. Тираж 75 000